

The *New York Times* Best-Selling Author

MELISSA DE LA CRUZ

Волчий
Договор

ПОЛНАЯ САГА

The *New York Times* Best-Selling Author

MELISSA DE LA CRUZ

Волчий
Договор

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ИЗ ЧЕТЫРЁХ

Мелисса де ла Круз

Голубая Кровь

Маскарад

Откровения

Наследие ван Аленов

Обманутый ангел

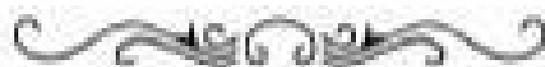
Потерянные во времени

Ключи от хранилища

Любовь на крови

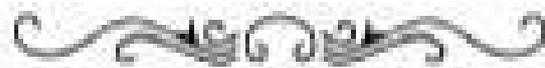
Волчий договор

ЧАСТЬ I

*Иногда нужно пройти долгий путь,
чтобы вернуться назад.*

– Эдвард Олби

Пролог: Побег

Самым ранним его воспоминанием был ошейник. Зудящий, тяжёлый и крепкий. С самого начала он хотел его, он напоминал ему о том, что он – раб.

Он волк, пленённый адский зверь, но сейчас его воля и разум свободны. Он хотел защитить свою семью: братьев и сестёр, которые разделяли его судьбу. Похищенные у своих матерей при рождении, щенки росли и мечтали когда-нибудь, в один прекрасный день, освободиться от своих цепей.

Однако эта свобода оказалась очень далёкой мечтой. Будущее было гораздо ужаснее, чем он мог себе представить. Все волки превращались в церберов на восемнадцатый лунный день. Они были слишком молоды, чтобы умирать, поэтому мастера решили немного подождать. Когда ему исполнится восемнадцать лет, его жизнь закончится, он потеряет свою самобытность, свою душу. Его каждую мысль будет контролировать Ромулюс, Гончий Гончих, Великий Зверь Ада.

Однажды, когда ему было шестнадцать лет, мастер Корвин отвёл его в сторону. Корвин был боевым сержантом, бывшим ангелом, как и все остальные мастера, изгнанным из рая, ветераном войны Небес. Корвин был тем, кто тренировал их в ямах, отслеживал их прогресс, ставил их имена в списки.

Корвин заметил его талант в последнем сражении. Ученик уклонялся от ударов противника с изящной точностью, как если бы знал, где они приземлятся, что последует за ними, как если бы он мог видеть на одну, две или даже три секунды вперёд.

Его имя было записано наверху списков, и он проделал свой путь через турниры, через ямы. Он продолжал побеждать. Каждый раунд. Он победил их всех: гиганта Горга, названного так потому, что тот был больше, чем кто-либо из них; Одофа – гиганта-убийцу, потому что он был первым, кто взял верх над Горгом; Варга; Татиуса; Элию, порочную волчицу с длинными когтями; Друзуса; Эвандера. Он просто должен был выиграть еще один раунд за главный приз.

Но, к сожалению, он был побеждён в последних испытаниях и не стал альфой. После его поражения, он ждал, что они придут забрать его. Он ждал, но никто не пришёл. Мастер, казалось, забыл о нем.

Это не так. Вместо того чтобы убить его, Корвин представил его перед Главным.

Ромул был массивным существом, страшным, с багровыми глазами, сверкающими серебром, он был больше, чем человек-ещё-не-совсем-волк, поразительные сочетания, как и у всех адских псов. Ромул изучал его.

– Независимо от вашей работы на арене, они говорят мне, ты уникальный. Как только ты порвал кожу волка-цербера в форме, ты стал могучим воином, одним из сильнейших, которых когда-либо знал Ад. Тёмный Принц сам это видел. Люцифер умолял меня, сделать тебя своим наследником. Мы не будем ждать, пока настанет твой восемнадцатый лунный день, чтобы ты стал одним из нас.

«Никогда», – прошептал он про себя после всего случившегося.

«Никогда что?» – спросила Ахрамин. Она была старшей волчицей в логове, самой ожесточённой из волчиц. Красивой, опасной.

«Я никогда не собирался быть гончей. Я умру, не дожив до этого».

«И как ты собираешься это сделать?» – Она указала на ошейник, что он носил, что носили все волки. – «Этот ошейник будет удерживать тебя от разрушения себя».

Мастера не хотели терять хорошую гончую. Когда-то они были адскими псами, поэтому псы ходили вертикально, говорили на языке мастеров. Они носили черные мечи и доспехи. Они были псами войны, армией Ада, и Люцифер приказал готовиться к грандиозной кампании.

Это была его судьба, которая была также судьбой других волков.

Но должен же быть выход. С момента своего поражения, он не был ленивым. Он проводил время, наблюдая за Гончими.

«Есть меч», – сказал он ей. – «Я видел его. Меч Архангела. Гончие украли его, но он здесь, они держат его на вооружении. Он может разрушить наши ошейники. Мы сможем бежать. Мы сможем покинуть это место». Ахрамин смотрела скептически. – « Поверь мне».

Он провел на следующей неделе разработку плана. Их ошейники затрудняли питание и привязывали волков к преисподней. Он был уверен, что как только ошейники будут сломаны, волки стану свободны, они могли бы легко покорить троллей, которые охраняли их, но как только они выйдут из логова, как они попадут на землю? Как они пересекут Врата Ада в мир живых? Ходили слухи, что врата ослабли, а сила архангелов подорвана, но учителя держали их в неведении, и не было никакого способа узнать, что было правдой.

Великие волки использовали порталы; он знал об этом много. Преторианская гвардия перемещалась через проходы, дороги пространства и времени, что позволяло им быть в любом месте и в любое время в истории. Но знание древних волков были потеряны на протяжении веков. Проходы были закрыты для него и ему подобных.

Маррок же считал, что они открыли бы для него. Маррок посоветовал ему попробовать. Белый волк из логова через реку, его лучший друг. Маррок знал о хронологе, о переходах, их долгую и легендарную

историю. Маррок знал о его таланте и предложил ему уйти, а остальные последуют за ним. И он выразил надежду.

Волк подождал, когда устанут тролли, а мастера отвлекуться, и собрал волков в своей берлоге.

«Я собираюсь сегодня вечером», – сказал он, глядя на их стремящиеся молодые лица. – «Кто со мной?»

Волки смотрели на Ахрамин. У неё были некоторые сомнения, но, в конечном счёте, она одобрила план. Она была так же неохотно превращена в гончую, как любой из них.

Он украл меч, в тот же день. Это было достаточно легко, это была мелочь, размером с иглу, и он держал её во рту. Замки на ошейниках сломались при его прикосновении. Свобода была почти изнурительной, он мог почувствовать силу свободы через своё тело, через свою душу. Волки были сильны, сильнее, чем мастера.

Он провёл их мимо троллей, которые охраняли их логово, почти вышли из него за дверь, как одна из молодых волчиц споткнулась и вывернула лодыжку.

«Помогите!» – Вскричала она.

«Она только замедлит нас», – зарычала Ахрамин.

«Мы вернёмся за ней».

«Нет! Пожалуйста!» – Призналась Тала. Её большие голубые глаза встретились с его, и он не смог отказать ей.

«Она идёт с нами». – Тала помогла ему, когда он пал, и он должен ей.

«Это плохая идея», – предупредила Ахрамин.

Она была права.

С Талой они двигались значительно медленнее. Они пришли в ярость, при мысли о разрывах друг друга волками, они догнали их прямо на границе между мирами. Волки были уверены, что их возмут в плен. Ахрамин бросилась на главного, вырвав его демоническое горло.

«ВПЕРЁД!» – крикнула она. Их уже ловили другие, замки ошейников вернулись на шею, перетаскивая их обратно на девятый круг ада. – «Я буду держать их здесь, иди!»

«Нет!» – Воскликнул Эдон, который всегда любил её.

«Ты знаешь, что я права», – сказала Ахрамин. Она была такой храброй, так бесстрашной. «Делайте то, что нужно».

Всё больше Гончих сближались.

Сейчас всех захватят в плен.

Он закрыл глаза и, не думая, только чувствуя, открыл пространство между мирами, пробив врата, которые держали их в преисподней. Перед ним открылся путь, пылая светом и окружённый огнём.

«Следуйте за мной», – призвал их он. – «Быстро!» – Крикнул он, толкая Талу вперёд.

Один за другим они перепрыгнули через огненное кольцо в свете, которое простиралось далеко вдаль.

Они выпали на лесной подстилке, а кольцо за ними закрылось. Он был в агонии, а рядом с собой услышал вопль своих братьев. Их конечности растягивались, они теряли шерсть, торсы их удлинялись, прежние черты лица отступали.

– Что происходит? – Кто-то закричал, и это было уже не рычание волка, а более высокого тона, почти мелодичный, звук. Голос.

Он посмотрел вниз и увидел окровавленные руки, покрыты мозолями, и синяки.

– Я думаю... – сказал он осторожно, находя это странным слышать свои мысли, произнесённые вслух в первый раз, – я думаю, мы стали людьми.

Глава первая

Миру – конец. Мир в огне. Он никогда не видел ничего столь яркого. Это было солнце. Его глаза болели от блеска. Его мучали холод и жар одновременно, озноб и потливость, и он понял, что он голый. Все они голые. Они – четыре мальчика на обочине дороги, дрожащие от холода и ломящиеся от тепла.

Как они оказались здесь? Он вспомнил портал, посадку леса, понимая, что они каким-то образом переместились в человеческую форму. Они были потрясены и исчерпаны, но это не имеет значения, они просто должны выяснить, как действовать в этом новом мире. Потому что Гончие были на хвосте. Их ошейников больше нет, Гончие могут найти их только по запаху. Он надеялся, что у них есть время. Время, чтобы привыкнуть к этому новому миру, время, чтобы убежать и спрятаться, время, чтобы спланировать освобождение других.

– Здесь.

Он поднял голову и увидел Талу, стоящую над ним. В отличие от них, она была одета в какой-то черно-красный клетчатый костюм, материал, которого выглядел тёплым. Одежда на ней была огромной, её небольшие размеры тонули в ней. Она протянула ему аналогичную пару.

– Пижамы, – сказала она. – Это то, что они одевают для сна.

Она говорила человеческим языком, и он мог её понимать.

Тала положила одеяло на плечи Мака. Мак был самым младшим из братьев, неуверенным в себе и боящимся всего. Тала, казалось, назначила себя его охранником, и Лоусон был благодарен ей за это.

– Там есть ещё.

Он, Эдон, Рейф, Тала и Мак, всё, что осталось от их стаи, пошли к небольшому трейлеру. Тала уже сломала замок на двери. Они порылись в ящиках в небольшой потрёпанном отсеке, который был ещё более потёртым, чем их логово. Так это была земля, подумал он. И вот они, крадут у людей, которые были не в лучшем положении, чем они. Одежды были неподходящими, но покрыли их. Он посмотрел в зеркало и был потрясён, увидев своё отражение человека.

Среди волков ходили легенды, что проклятие Люцифера превратило их в животных. Лоусон увидел свои темно-каштановые волосы, карие глаза, тощую фигуру. Это было то, за что он боролся: новая жизнь, новое начало, и он понял, что хочет новое имя. Старого не будет. Не в этом новом мире. Но какое? Он нашёл синюю куртку на соседнем стуле и надел её.

– Лоусон, – сказал Мак, указывая на белые метки на лацкане. – Твоё имя, – пошутил Мак. – И моё имя Малкольм.

Лоусон. Ему оно подходит. Он мог жить с ним. Оно звучало совершенно по-новому для его ушей, и он полюбил это.

– Это я, – сказал Лоусон. – С сегодняшнего дня.

Мак кивнул.

Лоусон посмотрел на своих братьев. Рейф был большим и неповоротливым, Мак или Малкольм, как он хотел, чтобы его теперь называли, был слишком тощим; Эдон, один из всех, выглядел почти нормально, красивый с яркими золотистыми волосами, черты его лица почти как у мастеров, но без пугающих шрамов.

– Ты хорошо выглядишь, – сказал ему Лоусон. – Но остальные... – Он усмехнулся. Эдон не смотрел на него, не улыбался, не отвечал.

Они оставили Ахрамин, и Лоусон думал, что Эдон никогда не простит ему это. Но у него не было времени, чтобы волноваться об этом; теперь они должны были выяснить, что делать теперь, здесь, когда они оказались свободны. Его желудок издал низкий, почти булькающий звук, и он понял, никто из них не ел, по крайней мере, день.

– Мы должны найти пищу, – сказал он.

– Там в холодильнике на кухне, – сказала Тала. Она была стройной и небольшой, тихой и красивой, но её голубые глаза были такими же, как и прежде, добрыми и нежными.

– Откуда ты всё это знаешь? – Спросил он её.

Она знала. Она знала, как всё здесь происходило.

– Мастер Квинтус читал мне иногда книги из этого мира. Я была его любимым домашним животным. – Она пожала плечами. Они взяли ровно столько, сколько им нужно: буханку хлеба, банку чего-то зелёного «маринованного», как Тала назвала это.

Он не хотел, брать больше, красть у тех, кто имел так мало, но он ещё не знал, как они будут жить дальше. И они должны были выжить. Так что, когда-нибудь, они могут вернуться и спасти остальных волков. Когда-нибудь все будут свободны. Лоусон думал о портале, который остался открытым для других. Маррок не придёт, пока Ромул не будет твёрдо уверен, что они не смогли покинуть подземный мир без необходимых устройств. Лоусон надеялся, что его друг знает, что делает.

После первой земной недели, они узнали, что спать в парках легче, чем в лесах. Они убирали мусор из мусорных баков. Воровали бумажники из задних карманов или кошельков. Воровали у тех, кто, казалось, мог себе позволить нечто большее, люди в блестящей красивой одежде, костюмах-тройках и хороших платьях.

Они узнали место, где теперь находились: Хантинг Велли, штат Огайо. И приспособились к солнцу, шуму, ночному холоду, дневному теплу. И эти земные условия были ужасны, как ад, преисподняя была просто темной версией мира над всем этим. Он был разочарован из-за этого, он надеялся на большее. Тала дразнила его, говорила ему, что это не рай, чудеса Элизия не были предназначены для таких, как они. Они и так достаточно удачливы в том, что перешли в этот мир. Он не должен получать столько амбиций, причём внезапно.

Как Тале, Маку, казалось, было лучше видно, что они получили сами. В аду, он открыл секретную библиотеку учителей, и приучил себя читать книги, описывающие то, чего у них не было там: искусство, музыка, поэзия.

– Эта красота, – сказал он им. – Мы просто должны её найти.

Но Лоусон не знал, будут ли они когда-нибудь искать её. Они едва проживали день. Не было никакого знака от адских псов, что давало ему немного комфорта. Если он и его волкам удалось пересечь Врата Ада, тогда это было разумно ожидать, что Гончие могли бы сделать то же самое. Существовало также упорное нежелание Эдона. Он стал немым, сломанным, и Лоусон начал проявлять нетерпение.

– Мы вернёмся за ней, – говорил он брату снова и снова. – Мы не оставим её там.

Слава Богу, Рейф помог ему с этим, Рейф был особенно сильным, как волк, и как человек он был большой, плотный. Он часто сгибал бицепс.

– Не удаётся поддерживать тело без пищи, – сказал он, тыкая Эдона в живот, и щипая его за руку. Сначала Эдон не говорил ни слова, но потом, он схватил бутерброд из рук Рейфа, и с тех пор он был с ними.

– Я знал, что получится, в конце концов, – признался Рейф Лоусону. – Он никогда не мог устоять, когда я дразнил его.

– Ну, продолжай, – сказал Лоусон. – Ему придётся заговорить.

– Дайте ему время, – сказала Тала. – Он прошёл через многое.

– Мы все, – напомнил ей Лоусон. – А ведь ещё так много предстоит сделать.

– Будьте нежны с ним, – сказала Тала, и её глаза показали печаль. Лоусон почти забыл, что она и Ахрамин были сёстрами, не только по духу, или потому, что они были из одной берлоги, а потому, что они были от одной матери.

– Она была жёсткой, и она не так уж много времени находила для кого-то слабого, как я, но я любила её. Я скучаю по ней. Я хочу, чтобы она была здесь с нами.

– Мы всё сделаем, – сказал он.

– Она придёт, в конце концов, – сказала Тала, положив руку ему на плечо.

Лоусон надеялся на это. Он чувствовал себя виноватым, достаточно, оставив там Ахрамин. С каждым днём Эдон становился всё более молчалив, он чувствовал себя хуже. Но он должен был беспокоиться о братьях; у него не было времени, чтобы сосредотачиваться на отдельных проблемах.

В тот же день он собрал их вместе, чтобы выработать стратегию.

– Мы должны начать думать о будущем. Мы не можем продолжать жить так, воруя, и неизвестно где спать. Все молчали, потом прозвучал удивительный колючий ответ, низкий голос, похожий на знакомое рычание.

– Мы не можем слишком долго оставаться на одном месте, – сказал Эдон. – Мы должны продолжать двигаться, прежде чем Гончие поймут наш запах. Мы не знаем, как долго ворота продержат их.

– Мои мысли точно выражены. – кивнул Лоусон.

– Мы должны узнать больше об этом мире, – сказал Малкольм. – Я единственный, кто умеет читать. И никто из нас не может писать. Нам нужно найти место, которое безопасно для нас. И это не оно. – Он махнул рукой вокруг парка, где они разбили лагерь, на мрачном участке асфальта, покрытого тёмными деревянными скамейками, где они, в конечном итоге, спали.

– Куда мы идём? – Спросил Рейф, глядя на Лоусона.

– Возможно, я смогу оказать помощь, – прогремел голос позади них. Как Лоусон пропустил кого-то сидящего на одной из парковых скамеек? Он мог поклясться, там никого не было. Но конечно, когда он обернулся, мужчина сидел там, пожилой джентльмен с примерно три четверти улыбкой на своём лице. Он был маленьким и круглым, одетым в хорошую одежду.

– Вы должно быть волки. Позвольте мне представиться, – сказал мужчина. – Я Артур Бошам.

Глава вторая

– Я колдун, – пояснил он, в ответ на их тревожные взгляды. – На самом деле, я скандинавский бог, обречён на средний мир, но зачем усложнять вещи? Это уже другая история.

– Как вы о нас узнали? Как вы признали в нас волков? – спросил Лоусон.

Артур склонил голову в одну сторону. Он излучал добродушие, что трудно было не любить.

– Колдуны не имеют права использовать свои полномочия. Те из нас, кто выбирает жить в открытом мире должны притворяться смертными. Я был в бегах. Но искал вас долгое время. Друг попросил меня найти вас. Она сказала, что в один прекрасный день я приду к молодым волкам, они будут нуждаться в моей помощи.

– Нам нужна кое-какая помощь, – пробормотал Эдон. Лоусон предположил, что это к лучшему, но почему Эдон выбрал именно этот момент и такой тон?

– Это то, почему я здесь, – сказал Артур, нисколько не возмущаясь. – У нас есть о чём поговорить, и вы не можете оставаться здесь.

Лоусон посмотрел на других волков. Было легче понимать их в человеческой форме. Малкольм был напуган, Рейф был настроен скептически, а Эдону было безразлично, хотя он и не доверял Артуру.

– Хорошо, – сказал Лоусон. Артур упаковал всё в свой потрёпанный фургон и познакомил их с фаст-фудом, а после они поехали в свою новую городскую квартиру.

– Это старая часть города Кливленд, – сказал он. Квартира была тесной однокомнатной с ванной комнатой. Он извинился за размер, но Лоусон заверил его, что все будет хорошо, они привыкли к тесноте рва, в конце концов.

– Я хотел бы использовать магию, чтобы сделать её больше, но это было бы заметно, – сказал им Артур. – Небольшое количество магии я использовал, чтобы увеличить пространство для хранения вещей.

Он открыл, казалось бы, дверь шкафа и включил свет. Лоусон едва мог видеть.

– Стоп, – сказал Малкольм, а затем вбежал в комнату. Артур не шутил об использовании магии, Лоусон понял это, когда увидел, что шкаф расширен и походит на небольшую библиотеку, с длинными столами из красного дерева и огромными книжными полками.

– Я думаю, это важнее, чем дополнительные спальни, – сказал Артур. – У нас много работы.

– Какая работа? – подозрительно спросил Рейф.

– Как юный Малкольм сказал, вам нужно научиться жить в этом мире, – ответил Артур. – И вы должны узнать о мире, откуда пришли. Волки имеют давнюю историю, и я не знаю, сколько из этого вы знаете.

– Мы знаем некоторое, – признался Лоусон. Мастера не хотели учить волков своему прошлому, но истории были не скрыты. Они знали, что волки жили в середине мира и служили там. Лоусон сказал Артуру, что они знали о гвардии и проходах.

– Это уже что-то, да? – Спросил он.

Старик кивнул.

– У вас есть основы. Но это гораздо больше, чем просто история, что случилось с волками, и ещё больше на кону теперь, когда тёмные падшие, эти «мастера» ваши, создают такие проблемы. Мы скандинавы не вмешиваемся в жизнь потерянных детей Всевышнего, это часть наших ограничений. Но вы не связаны нашим заветом, поэтому я помогаю вам. Теперь давайте все пойдём в библиотеку и начнём работу. Перво-наперво, ничего не происходит без грамотности.

Лоусон чувствовал, как будто они провели каждую секунду следующего месяца в библиотеке. Всякий раз, когда они просыпались, то оказывались в библиотеке.

– Теперь у нас будет больше времени, чтобы потратить его на более интересные вещи, – сказал колдун, и познакомил их с историей, и с историей сотворения мира, с точки зрения человека.

Лоусон был очарован тем, насколько они были дезинформированными. Но он также знал, например, что после войны Небес, падших прокляли жить в середине мира, как вампиров, пьющих человеческую кровь, выживающих, перевоплощаясь в каждом цикле. Волки запутались в истории, что привело к предательству Ромула и наказанию волков под рукой Люцифера. Вампиры Голубой Крови во главе с архангелом Михаилом были богатыми и неприкасаемыми, объяснил Артур.

Но у вампиров были свои собственные проблемы; Тёмный принц вернулся в иной форме, никто не подозревал, что началась атака на Ковены в Рио и Нью-Йорке. Люцифер затих, Михаил исчез, а Серебряная Кровь по-прежнему вызывает хаос в этом мире. Вампиры собираются в подполье, но следующая Великая война идёт, будут ли они готовы к ней или нет, Артур предупредил, что волки сыграют свою роль в ней.

– Что вы знаете о хронологах? – Спросил Лоусон Артура.

– Хронологи были разрушены во время кризиса в Риме, я полагаю, – сказал Артур. – А почему ты спрашиваешь?

– Потому что Ромул нашёл один, – сказал Лоусон. – Он носит его на шее. Он ещё не знает, как им пользоваться. Мы слышали, мастера говорят, что он сломан.

Артур помрачнел.

– Эта тёмная новость, что ты принёс, молодой волк. Если Ромул найдёт...

Лоусон кивнул.

Книги не могли научить их всему, что нужно знать, но телевидение заполнило пробелы. Они смотрели его, и узнали, как одеваются нормальные подростки. Эдону было семнадцать; Тале и Лоусону – шестнадцать, Рейфу – пятнадцать, а Малкольму – двенадцать, их возраст соответствовал жизненному циклу человека. Они должны были научиться быть независимыми в один день, они не могут жить с Артуром всегда. Лоусон знал, Эдон был прав – было бы безопаснее, если бы они двигались больше, это бы задержало Гончих. Артур не мог держать их в безопасности, он даже не мог использовать свою магию, не опасаясь репрессий. Наконец, пришло время двигаться дальше. Лоусон собрал всех вокруг и рассказал им план. Они уезжают на следующий день с благословением Артура, они должны продолжать двигаться, чтобы Гончие не поймали их запах.

– Только одну вещь я хочу сделать до того, как мы уедем, – сказала ему Тала. – Можешь мне помочь? – Спросила она с застенчивой улыбкой, улыбкой, гипнотизировавшей его.

– Конечно, – сказал Лоусон. Он стал любить её ещё больше. Тала была равнодушной к новой обстановке. Она была взволнована всем: цветами, музыкой, видом жёлтых бабочек на зелёной траве. Артур рассказал им о временах года, сейчас была настоящая весна. Они никогда не слышали о таком в подземном мире. Лоусон был рад, что она может найти своё счастье. Лоусон был уверен, адские псы придут за ними. Это всего лишь вопрос времени. Они должны были подготовиться. Тала шепнула ему на ухо.

– Встретимся в ванной через пятнадцать минут.

* * *

Лоусон втиснулся в крошечное пространство и увидел сгустки коричневых волос на полу. Тала склонилась над раковиной.

– Что ты делаешь? – Спросил он в ужасе. Он не понимал, как сильно любил её длинные волосы, пока не увидел её без них. Она склонилась над краном, с её волос стекала фиолетовая вода.

– Я красилась, – сказала она. – Мне нужно убедиться, что выполоскала всё. Можешь посмотреть, нет ли чего на шее?

Он сделал, как она просила. Он промыл её волосы, убедился, что вода стала чистой. Когда он прикоснулся к её коже, то почувствовал дрожь, проходящую через него. Удовольствие, подумал он. Она выпрямилась и, взяв полотенце, обмотала его вокруг шеи.

– Спасибо.

Затем он наблюдал, как она сушит волосы с помощью фена и дразнит своими короткими волосами в колючим стиле. Сейчас он увидел розовый цвет, не фиолетовый, как раньше. Удивительно.

– Ты можешь идти, – сказала она. Она поймала его взгляд в зеркале. – Но ты не должен.

Её одежда демонстрировала её ключицы. Это был не первый раз, когда он замечал её стройное тело и нежный изгиб груди, тонкую талию, но это был первый раз, когда он вдруг почувствовал сильное желание притянуть её к себе.

Взгляд, которым она одарила его, был откровенным, уверенным в себе, уверенным в своей привлекательности, и это возбудило его. Он подошёл к ней, положил руки на её бедра, и привлёк к себе; волк со своим помощником. Их губы были так близко, что он почувствовал её дыхание, ему хотелось почувствовать её губы. Затем раздался резкий стук в дверь.

– Что ты там делаешь? – Скулил Малкольм. – Кое-кому из нас нужно в туалет.

Лоусон кашлянул, его щеки горели.

– Держись, я выхожу.

– Я тоже, – сказала Тала.

Она коснулась его руки. Смысл и разочарование были ясны и так.

В следующий раз.

Глава третья

Они автостопом двигались на восток, к побережью, останавливаясь в небольших городах не более чем на неделю. Лоусон чувствовал себя более комфортно рядом с лесами, поэтому он избегал больших городов. Они

проводили лето на скалистых пляжах штата Мэн, а когда пришла осень, то они двинулись на запад. Не было никаких признаков Гончих, и в декабре они вернулись туда, где всё началось – в Хантинг-Велли, – чтобы нанести короткий визит Артуру. Путешествия оказали хорошее влияние на них. Они походили на нормальных людей, и он был рад видеть, что с ними всё в порядке. Они решили остаться в городе, где он был бы рядом.

Они нашли заброшенный дом на краю города, обветшалый и заплесневелый, но с несколькими спальнями. Он был расположен в конце широкой улицы, в безвыходном положении: среди нескольких других домов, которые также оказались брошенными; несмотря на плесень, этот район был в разработке у небольшой компании, которая обанкротилась, прежде чем закончила мощение улиц. Многие дома были построены на половину; плиты из бетона с трубами уходили далеко вверх, причём, в этих местах сантехника никогда не будет установлена, а деревянные рамы никогда не будут стоять на местах. Они планировали остановиться здесь на неделю, а потом двигаться дальше.

Артур дал им денег, поэтому Тала, взяв Малкольма, отправилась в магазин за продуктами, а остальные мальчики ушли искать работу; Лоусону повезло раньше. Поскольку все были самостоятельны, у него появился более лучший способ найти работу: побродив вокруг автостоянки супермаркета, где собирались безработные, он быстро получил работу. Весь день он чистил двор, и ему выплатили 50 долларов на свои нужды.

Он вернулся домой ночью и вручил Тале небольшую картонную коробку.

– Для тебя.

– Что это? – спросила она, открывая крышку и заглядывая внутрь.

– Я видел, что кто-то заказывал их, они выглядели хорошо.

Он наблюдал, стоя перед магазином деликатесов, как вышедшие оттуда люди указывают на буханку хлеба и аппетитные пирожные, которые пахли так восхитительно, что почти заставили его сойти с ума.

Тала отломил кусочек печенья.

– Я думаю, это называется кремовой слойкой, – сказал он. Она засмеялась.

Её нос был в узком круге крема.

Лоусон быстро поцеловал её в нос, а затем ухмыльнулся.

– Я люблю тебя. – Внезапно сказал он.

– Что ты сказал?

Он был удивлён. Он не понял, что говорит вслух, но её смех разбудил в нем что-то. Он чувствовал, впервые, что они могут сделать это после всего.

Прошёл почти год, как они находятся на земле, находятся в безопасности. Эдон научился прощать, а Малкольм, которого, казалось бы, ослабила трансформация, всё ещё растёт. Его переход к надземной жизни не был лёгким, а Лоусон беспокоился, что Малкольм слишком слаб для изменений, тем более, часть его души по-прежнему там. Самый юный чаще всех болел; его насморк не прекращался, спина болела, а глаза были постоянно сухими.

Но у Лоусона были проблемы и другие: часть волков всё ещё находится в преисподней. Маррок позаботится о них, он надеялся. Так как пять из них вернулись в Хантинг-Велли, Лоусон продолжал возвращаться в те места, где они появились, чтобы проверить, нет ли там кого-нибудь ещё. Но других свободных волков не было. Возможно, их план провалился.

Он не знал, любил он Талу из-за того, кем она была, или потому что она вселила в него надежду и помогла ему забыть. Но он сказал это. *Я люблю тебя.*

– Не бери в голову.

Он пожал плечами.

Она посмотрела на него растерянно.

Но это была правда. Он любил её. Он любил Талу и хотел, чтобы она знала об этом.

Она больше ничего ему не сказала на протяжении всего дня. Она продолжала есть кремовые слойки с серьёзным выражением лица, потом они вошли внутрь, и она сделала им ужин, попросив их есть вилками и ножами, как научил их Артур. В прошлом году Тала служила стержнем семьи, держала их всех вместе. Может быть, это было замешательством, может быть, его чувства вытекают из её решающих значений для их выживания. В некотором смысле, он был рад, что она не ответила. Теперь у него было время подумать о том, что он действительно чувствует.

Они попали в рутину. Рано утром Лоусон, Эдон и Рейф отправились в супермаркет, чтобы подобрать там свои случайные заработки. Тала и Малкольм работали дома – Тала возглавляла работу по дому и приготовление пищи, а Малкольм изучал книги Артура, чтобы попытаться понять масштабы и ограничения их власти в этом новом мире. Волки не были бессмертными; они не награждены этим подарком, но зато они были долгоживущими, быстро исцелялись и были бесконечно сильнее других смертных. Они удивили бригаду строителей тем, как перекидывали друг другу мешки с цементом, которые остальные возили на тачках.

Каждую ночь Лоусон приходил домой и находил там кипящую еду на плите и взволнованного Малкольма, который рассказывал все удивительные прочтённые новости. Самый младший проводил большую часть своего

времени над заклинанием догвудской обороны, которое защитит дом от адских псов.

– Мы вряд ли волшебники, – сказал Эдон, взъерошив волосы Малкольма. Он, казалось, меньше сердился, иногда даже прямо говоря об этом Лоусону, хотя никогда не столь серьёзно. Большую часть времени это были просьбы передать соль за обеденным столом.

Лоусон выразил надежду, что его брат появится в ближайшее время. Он устал от чувства вины, кроме того, как он сказал Эдону, он оставил портал открытым для любого-другого. Лоусон не был уверен, что Тала избегает его, но они никогда не казались оба одинокими. Это было прекрасно, на данный момент, так как он вырос, стесняясь своих чувств к ней. После всего, если она чувствует то же самое, сможет ли она сказать что-то? Он пытался выкинуть её из своей головы, но каждый день она была там, застенчиво улыбаясь, в своей поношенной футболке, которая едва касалась её плоского живота, в выцветших джинсах, обтягивающих её стройную фигуру, тёмные корни начинают уже показываться под её волосами, выкрашенными в розовый цвет.

Через пару недель Мальком решил, что достаточно хорошо понимает заклинание, чтобы попробовать его.

– Хотя мне понадобится помощь всех, – предупредил он. Он определил задание для каждого: Эдон должен вырезать руны на входной двери, Рейф должен собрать необходимые травы для смеси, а Тала и Лоусон обмажут ими весь дом, не оставляя пробелов.

Окружение дома смесью из трав, которую создал Мальком, было кропотливой работой, намного труднее, чем ожидал Лоусон. Они начали ночью, когда он вернулся раньше с работы. Солнце только начало заходить, и мерцающий розовый цвет походил на цвет волос Талы. Лоусон держал огромный чан с дурно пахнущим, дымящимся веществом, пока Тала вычерпывала его и покрывала им землю. Они работали в тишине, по их ощущениям почти несколько часов, пока Тала не сказала, что ей нужен перерыв.

– Конечно. – Сказал Лоусон.

– Может, пройдёмся, разомнём немного ноги?

– Звучит здорово. Я бы воспользовался возможностью уйти подальше от этого запаха.

Они побрели прочь от дома, пройдя несколько кварталов в сумеречной темноте, не произнеся ни слова. Воздух был прохладным, небо ясным. Пару раз рука Лоусона задевала Талу, но она её не отёрнула. Они не находились так близко друг к другу с тех пор, как она, не так давно, покрасила себе волосы. Второпях у них не было возможности остаться наедине. В конце концов, он не смог больше это вынести, и схватил её за руку и притянул к

себе поближе. На мгновение, это было естественно; она упала в его объятия и его губы встретились с её. Он едва успел задаться вопросом о том, ответил ли она, прежде чем она начала целовать его в ответ. На вкус она была как жевательная резинка, сладкая и мягкая.

Она отодвинулась на мгновение. Она посмотрела ему в глаза в темноте.

– Ты помнишь, что ты сказал мне пару недель назад?

– Возможно ли забыть?

– Ты имел в виду это?

Лоусон гладил её щеку.

– А разве может быть иначе?

– Хорошо, я тоже люблю тебя, – прошептала она.

Он усмехнулся.

– Конечно же, ты любишь.

Напускное высокомерие, но то, что он действительно чувствовал, так это облегчение. И счастье.

Тала рассмеялась.

– Не будь дерзким.

– Замолчи и поцелуй меня снова, – сказал он, проникая своей рукой под её куртку и слои тонких футболок, желая почувствовать её кожу под своей, желая стать даже ближе, чем сейчас. Она поцеловала его в ответ, ему показалось, что это произошло слишком быстро, затем она отпрянула.

– Пойдём, нам нужно вернуться.

Мы должны убедиться, что дом защищён.

Они поплелись обратно в дом и произнесли заклинание. Лоусон надеялся, что Тала обратит особое внимание на свою задачу, потому что он не мог ни на чем сосредоточиться, это новое его чувство, полное радости, которое он никогда не чувствовал раньше. Он надеялся, что оно никогда не исчезнет.

Глава четвёртая

Одним холодным декабрьским утром Лоусон проснулся и обнаружил, что часы мигают бледным красным неонами и показывают 12:00. Он вышел из своей комнаты, чтобы найти Талу и своих братьев, сидящих в гостиной и пивившихся в выключенный телевизор.

– Что случилось? – Спросил он.

Эдон пожал плечами.

– Электричества нет. Они, должно быть, обнаружили, что здесь никто на самом деле не живёт. Мы должны внести залог.

Это была мантра Эдона, бесконечный гул: им необходимо было двигаться дальше; если они задержаться где-то слишком долго, Гончие найдут их. Но в этот раз Лоусон сопротивлялся. Старшие братья нашли себе реальную работу в городе в мясном магазине; Мака зачислили в местную школу. И что было лучше всего, он и Тала часто могли улизнуть ночью и проводить время вместе. Каким-то образом в прошлом месяце, он перестал делать то, что клялся больше не делать. Он успокоился; начал чувствовать себя комфортно. Он должен был признать – он устал от беготни, устал от того, что приходилось оглядываться. Кроме того, всё ещё был шанс – конечно, совсем маленький, но всё же был – что другие волки каким-то образом смогут убежать через портал, который он держит открытым, всё ещё был шанс, что Маррок присоединится к ним. Он не хотел уезжать прямо сейчас. Кроме того, применив немного труда и изобретательности, они сделали этот заброшенный дом своим, повесив занавески и сделав книжные полки, и на кухне всегда пахло чем-то похожим на корицу и мёд. Завтра они убегут, всегда завтра.

– Мы в порядке, – сказал Лоусон. – Заклинание с кизилом защитит нас.

– Ты так думаешь. Не забудь, что мы волки, создания, выращенные для сражений, не для заклинаний и зелий, – возразил Эдон.

– Я думаю, мы должны остаться, – сказала Тала, многозначительно взглянув на Лоусона.

– Я тоже так думаю, – сказал Рейф. – Мне здесь нравится.

– Что ж, если мы остаёмся, было бы здорово найти способ вернуть нам телевидение, – сказал Малкольм.

– Мы проверим, – быстро сказал Лоусон, и махнул рукой Тале, чтобы она шла за ним.

Оказавшись на улице, они быстро вышли из тупика по направлению к более населённой местности, где вскоре стало ясно, что света нет во всём городе, не только в их доме. Тайна разгадана, у них было немного времени побыть наедине.

Они нашли пустую лавочку и сели. Лоусон уткнулся носом в шею Талы.

– Не думаешь, что пришло время рассказать парням о нас? – спросил он. Тала покачала головой.

– Я думаю, всё ещё надо подождать. Рейф и Малкольм, возможно, не готовы узнать, и Эдон всё ещё грустит об Ари.

Это была правда; неделю назад был восемнадцатый лунный день Ахрамин, и Эдон впал в хандру, не выходя из неё несколько дней. Лоусон

был довольно подавлен и сам. Они все знали, что это значит. Если Ахрамин была еще жива, не было никакой гарантии, что Гончие позволили ей жить после их побега, она была, конечно, и сейчас гончей, поэтому они никогда не смогут вернуть её.

– Я думаю, ты права, – сказал он. – Мы просто должны быть осторожными.

– По крайней мере, ты вовремя спас Эдона, – сказала Тала. Самый старший смог протянуть до восемнадцати дней, не превратившись, а волк, которому удалось протянуть так долго, не превращаясь в чербера становится свободным навсегда. Они планировали вечеринку-сюрприз для него в эту ночь, что было для него неожиданностью. Лоусон скопил немного денег, чтобы купить небольшого поросёнка у местного мясника, Рейф и Малкольм установили самодельную решётку для гриля, сделанную из бочки и оконной решётки.

– Мы должны вернуться домой и начать обед, – сказал Лоусон.

Он провёл этот вечер, готовя пищу и радуясь, что гриль не требует электрического питания. Эдон, казалось, оценил жест и задул свечи на торте с улыбкой. После съеденного куса торта, Малкольм вдруг заявил, что у него появилась боль в животе.

– Не нравится глазурь? – Пошутила Тала. Малкольм покачал головой.

Он был худой и бледный, костлявые ребра виднелись через его тонкую футболку, и, когда он наклонился, лопатки торчала из его спины, словно небольшие крылья. Лоусон надеялся, что он станет сильнее, и подкладывал ему добавку, но, кажется, ничего не помогало.

– Должно быть это из-за поросёнка: возможно, я снял с огня его слишком рано, может быть, он ещё слишком сырой, – сказал Лоусон, виня себя за боли в животе у Малкольма.

Тала помогла Малкольму лечь на кушетку и поставила миску рядом с его головой, как раз когда Малкольма стошнило тем, что он съел за обедом.

– Нам нужно ведро! Немедленно! – Прокричала она, и все быстро кинулись помогать.

Лоусон нёс пластиковое ведро в гостиную, когда услышал стук в дверь. Странно – никто не приходил к ним за всё то время, что они здесь жили.

Ещё стук. В этот раз сильнее, настойчивее.

– Кто там? – Спросил Эдон, подходя к нему.

У него был страдальческий и встревоженный вид, и Лоусон знал, это потому, что у них не было соседей, и никто не знал, что они жили там. Никто не должен был знать об этом доме.

И теперь кто-то пришёл. Но кто? Он чувствовал, как в его груди растёт тревога, напряжение, темнота. Лоусон мог чувствовать, что конец близок, но он не хотел осознавать это, не хотел думать о том, что это значит. Это ничто, просто незнакомец за дверью, никто, это ничего не значит, говорил он сам себе.

– Возможно, просто почтальон или кто-то в этом роде, я с этим разберусь. Иди, посмотри, как там Мак, – сказал Лоусон. Он взял на себя роль альфа-самца здесь, привык отдавать распоряжения, даже своему старшему брату. Эдон сделал, как ему сказали.

Разумом Лоусона завладел страх, но он просто нервничал, говорил он себе. Он отодвинул металлический затвор, который закрывал глазок. Было темно, почти непроглядная темень, и он не смог ничего увидеть. Он вытер стекло краем рубашки, и, когда посмотрел через него вновь, он увидел, что темнота объединилась в высокую, худую форму.

Девушка. Она стояла, соблазнительно изогнув тело, словно змея, её рука лежала на бедре, как у фотомодели. Её густые тёмные волосы жили своей собственной жизнью, развиваясь, как атласные ленты вокруг её лица.

Словно Медуза, у неё была холодная и опасная красота, красота кобры или львицы. Она одета для битвы, её доспехи блестят в сумерках. Лоусон стоял неподвижно у двери, не в силах отвести взгляд. Его сердце упало в живот; он не мог дышать.

Нет. Нет. Не сейчас. Нет.

– Лоусон! – Голос Талы выдернул его из оцепенения. – Что случилось? Кто там?

Когда он не ответил, она оттолкнула его в сторону, чтобы посмотреть в глазок.

– О нет, – прошептала она. – Лоусон! – прокричала она. – СДЕЛАЙ ЧТО-НИБУДЬ!

Её голос встряхнул его и заставил действовать.

– ОНИ ЗДЕСЬ! – Закричал Лоусон. Теперь он мог чувствовать запах Гончих. Они атакуют их в секунду, со всех сторон, ныряя в тень и прячась на деревьях, пробираясь к дому, принося с собой огонь и пепел.

– Убедись, что Эдон не видит! – сказал он, схватив Талу за руку.

Лоусон начал баррикадировать дверь, бросая всё, что мог найти – стулья, кухонный стол.

– Соберите всё, что нужно! Мы не вернёмся! – Тала кивнула и побежала собирать ценности их стаи.

– РЕЙФ! – Крикнул он. – Все в середину, приготовьтесь к прыжку!

– Понял! – Прокричал его брат, толкая Малкольма в гостиную.

Церберы! Здесь!

Сейчас!

Он был так напуган, что не мог думать. Он должен был сконцентрироваться, если он собирался вытащить их всех оттуда, если они собирались выжить.

– Это их задержит, – сказал Лоусон Малкольму, который дрожал. – Они не могут попасть в дом.

Молча, Тала показала на окна, её глаза расширились от страха и отчаяния.

Он повернулся посмотреть. Снаружи, по периметру был огонь. Если Гончие не смогли войти в дом, они сожгут его дотла.

Глава пятая

Кольцо пламени было всё ещё достаточно далеко, поэтому Лоусон мог видеть заснеженную траву между огнём и домом. Но это продлится недолго, прежде чем огонь разгорится и начнёт приближаться к дому. Все его планы, все его ночи без сна впустую. Первый дом, который у них когда-либо был, вот-вот уничтожат. Его самый большой страх атакует их, и он ненавидит себя за мысли о том, что они в безопасности даже на секунду. Он сильно ударил кулаком по стене.

Тала взяла его за плечо.

– Не надо. Мы найдём другой дом. Мы построили этот все вместе, и мы построим ещё один.

Он сглотнул и быстро поцеловал её в лоб. Спасибо, Господи, за Талу.

Запах дыма теперь чувствовался в гостиной.

– Где Эдон? – Спросил Рейф.

Лоусон знал, где он. Он обменялся мучительными взглядами с Талой.

– Я схожу за ним, – сказала она.

– Нет – позволь мне, – сказал Лоусон. Он побежал в кухню.

Эдон стоял, как вкопанный, у входной двери, смотря в глазок.

– Ты не сказал мне, – произнёс он, не двигаясь; должно быть, он услышал шаги Лоусона за спиной.

Низкий, грудной голос шептал из-за двери: « *Иди ко мне, Эдон... Я так сильно по тебе скучала* ».

– Это не она, – сказал Лоусон. – Ненстоящая. Её больше нет. Ты знаешь это.

Он видел её глаза, видел, как её голубые зрачки превратились в тёмные красно-чёрные.

– Ари теперь одна из них.

Ахрамин обратилась. Она больше не волчица; она поднялась; она носила чёрный меч; она была продолжением воли Ромула. Адским псом.

«Эдон, открой дверь, чтобы мы снова могли быть вместе...»

– Я должен открыть, – сказал Эдон.

– Я не могу позволить тебе сделать это.

Лоусон оттолкнул Эдона от двери, когда Ахрамин начала стучать так сильно, что начались трястись стены, и светильники стали раскачиваться. Она стучала неумолимо сильно, и было такое ощущение, как будто, не только дверь, но и весь дом рухнет от её яростных ударов.

Насмешки девушки превратились в крики, когда дверь не открыли.

– ЭДОН! – Прогремела она, когда Лоусон утащил брата обратно в гостиную. – ЭДОН, ЕСЛИ ТЫ ВСЁ ЕЩЁ МЕНЯ ЛЮБИШЬ, ВПУСТИ МЕНЯ!

Теперь, когда Эдон был с ними, круг был замкнут. Эдон сидел ошеломлённый между Лоусоном и Рейфом, которые держали его по обе стороны на случай, если он попытался бы побежать к двери.

– Могут они за нами последовать? – Спросил Малкольм, у которого были красные глаза и он шмыгал носом.

– Гончие не могут проходить через порталы, – уверил его Лоусон.

– По крайней мере, через те, что я делаю, это точно. Он не знал, откуда ему это известно; это был просто инстинкт, но это было правильно. – Закройте глаза, и сфокусируйте сердца и разум.

Лоусон подождал, пока все закроют глаза, и затем начал открывать портал своим разумом. Это будет гораздо более опасный прыжок, чем их побег из преисподней; их души пройдут через портал первыми, а тела последуют за ними, в отличие от Ада, где их души и тела были едины. Вокруг них трескались окна и разбивались стёкла. Побелка падала с потолка. Запах дыма был удушающий. Снаружи небо было ужасающе чёрным, и дым обволакивал дом. Он мог видеть первые струйки пламени по краям окна. И тогда оно проникло в дом.

Комната вся стала оранжевой, когда языки пламени пробежались по старому ковру. Жар был невыносим, но знаком: чёрное пламя Ада. Потолок блестел и пузырился.

Лоусон чувствовал, что проход открылся, чувствовал, как вселенная расширяется, создавая это пространство, пространство, где они будут в безопасности. Своим мысленным взором он наблюдал, как один за другим

его братья проходят через проход, даже когда он на самом деле не закрывал свои глаза, чтобы знать, что происходит в комнате.

Тала ждала его. *«Иди»*, подгонял он её мысленно. *«Иди же»*.

«Только с тобой», ответила она мысленно. Обугленная балка упала с потолка и ударила её. Она упала, потеряв сознание. Её разум потерял связь с его.

«ТАЛА! ТАЛА, ОЧНИСЬ! ОЧНИСЬ!» – Кричал Лоусон, стоя на границе между мирами. Но больше не было времени. Через раскалённый остов дома он видел, как тёмные фигуры собирались. Церберы, пихаясь в ожидании.

Нет. Он не может потерять её. Он начал разрывать связь, и портал стал закрываться. Их тела замерли в круге, спящие и невидящие того, как огонь бушует в комнате, как стены рушатся под натиском огня.

Его братья начали кричать: *«ЛОУСОН! БЫСТРЕЕ!»*

Он снова попытался установить связь с её разумом, но не смог найти её. На несколько отчаянных секунд, ничего не было. Затем внезапно, искра между ними вернулась.

«ИДИ!» – кричала Тала. – *«ИДИ! НЕТ ВРЕМЕНИ! ОСТАВЬ МЕНЯ!»*

«Я НЕ МОГУ», – кричал он в ответ. – *«Я НЕ ХОЧУ!»*

Парни стояли у открытого прохода в ожидании, пока комната горела. Скоро их тела будут принесены в жертву огню, и всё будет потеряно.

Но Лоусон всё ещё не двигался. Он был парализован так же, как Эдон ранее перед дверью.

«Тала, нет... Я тебя не покину, как Эдон Ари. Я не могу позволить этому случиться. Я не хочу».

«Иди...». Теперь её голос стал слабее. Но когда она увидела, что он колеблется, её голос вновь приобрёл свою силу, которую он так хорошо знал и любил. *«Помни соглашение! Иди!»*

«Никогда!»

Но она мысленно вытолкнула его, и прежде чем он понял, что случилось, он присоединился к своим братьям на другой стороне. Портал закрылся, и он услышал её крик, как кнут треснул в огне.

«ТАЛА!» Сердце Лоусона разбилось от тоски и страха. *«ТАЛА!»*

В одну секунду братья сидели в горящей гостиной; в следующую - они исчезли. Дом содрогнулся, тяжело вздохнув, и рухнул, Гончие штурмовали пепелище, что они оставили после себя. Но Лоусон и его стая исчезли, они были спасены.

Глава шестая

Блисс Ллевеллин ждала в аэропорту свою тётю Джейн, которая должна забрать её после встречи с друзьями, на которой она была. Тётя Джейн не была её настоящей тётей; она была последней инкарнацией Пистис Софии, Бессмертного Разума, которого представители Голубой крови называли Смотрителем. Она была сестрой Люцифера в предыдущих циклах, и с тех пор ей суждено было предвидеть возвращение Тёмного Принца из преисподней.

Блисс осматривала машины в поисках Хонды Цивик, принадлежавшей её тёте. Прочная и надёжная, как и та форма, которую в этой жизни приняла Смотрительница, подумала она. Джейн Мюррей была невысокой, разумной на вид женщиной старше средних лет, которая обожала яркие цветные шерстяные кардиганы, клетчатые юбки и коричневые мокасины, и была известна тем, что цитировала Джейн Остен или Шекспира, когда было настроение.

Ей было любопытно, почему силы Джейн не сделали так, чтобы они выглядели похожими на родственников. Хотя Смотрительница и в прошлый раз не смогла; когда она приняла форму сестры Блисс Джордан, все всегда отмечали, что они не похожи на сестёр. Сама Блисс была высокой и стройной с длинными, густыми волосами, ниспадающими рыжими волнами вниз по спине. Она однажды даже была моделью, давно в Нью-Йорке, в другой жизни. В жизни, которая, возможно, закончилась встречей, с которой она только что вернулась. Когда она снова увидит своих друзей? Пожаловалась она, думая о Шайлер, Джеке и Оливере. Она уже так сильно по ним скучала.

Пока Блисс бродила туда-сюда по тротуару снаружи аэропорта, её рука скользнула под рубашку, и её пальцы прошли по длинному, уродливому шраму посередине груди, помятый рубец, неровный и грубый. Она старалась его не трогать, так как от этого становилось только хуже, но было трудно остановиться.

Шрам был напоминанием о девушке, которой она была, тёмной истории, оставившей отметину на её бледной плоти. Дочь Люцифера. Порождение дьявола. Серебряная Кровь: развращённый вампир, питающийся душами себе подобных. Тёмный Ангел, проклятый прожить остаток своей бессмертной жизни на земле, возрождаясь вновь, чтобы продемонстрировать связь с её отцом. Тёмный Принц использовал её, как оружие мести своим врагам, чтобы сеять хаос и террор.

В конце концов, она смогла побороть его и заполучить контроль над собой, своим телом, своими воспоминаниями. Было ощущение холодящего комфорта в сознании того, что всё это было позади, что ничего не осталось от злобы её отца, кроме бледно фиолетовой раны в том месте, где она воткнула нож себе в тело вместо того, чтобы убить ещё одну невинную жертву. Блисс была готова встретить смерть и сделать последнюю жертву. Но её

благословили и дали ещё один шанс, новую жизнь, новый способ двигаться дальше, чтобы искупить прошлое и создать новую личность.

Но теперь она больше не старшая дочь сенатора Ллевеллина, больше не студентка в Дачезне, больше не чирлидер из Техаса, она не знала, кем должна быть. Была ли она всё ещё бессмертна? Её мать, Аллегра Ван Ален, сказала ей, что она теперь человек, и что её настоящее имя Люпус Телиэль Борец. Но Аллегра не сказала, что это значит. Она только сказала, что ей нужно найти волков.

«Они борцы с демонами, и они будут нам нужны в последней битве с Серебряной Кровью», – сказала она. – *«Приручи их. Верни домой».* Она не сказала больше ничего – ни откуда начать, ни куда идти, ничего вообще о том, как это задание должно быть выполнено. Блосс удалось выкинуть мысли об этом из головы, поэтому она могла насладиться встречей со своими друзьями, но теперь, когда она дома, ей нужно было вернуться к работе.

Наконец, тётя Джейн подъехала к бордюру.

– Садись, – сказала она. – Нам предстоит долгий путь.

Блосс подумала о том, как сильно её друзья подшучивали бы над ней, если бы они увидели её с этой женщиной в этой машине.

– Куда мы направляемся? – Спросила Блосс. Прежде чем она улетела в Италию, они исследовали случай в Чикаго, но Джейн сказала ей взять обратный билет прямо до Огайо.

– Пригород Кливленда.

– Церберы в Кливленде? – Сказала Блосс, слегка ухмыльнувшись.

– Возможно, – вздохнула Джейн. – Аллегра, должно быть, знает что-то, что я нет, если она думает, что ты можешь вернуть их на нашу сторону. Церберы – неконтролируемые, жестокие и порочные сумрачные создания. Это опасное предложение, которое она возложила на твои плечи. Мы должны быть максимально осторожны.

– Но Аллегра говорила, что однажды они были на стороне Голубой Крови... что их просто изгнали, – сказала Блосс.

Джейн объяснила.

– Церберы – Гончие Люцифера. Когда Тёмный Принц был известен на земле как Император Калигула, они были его стражей, лучшими солдатами в огромной римской армии. Но Гончие обратились в бегство, предав своего хозяина, чтобы встать на сторону Голубой Крови во время кризиса в Риме, помогая Михаилу отправить короля демонов обратно в преисподнюю. Вскоре после этого они исчезли. Некоторые говорят, они были наказаны за их действия, и снова связались с Люцифером. Хотя данные в Хранилище не содержат подробной информации об этом.

– Тётя Джейн, – тихо сказала Блисс. – Если Гончие на стороне Люцифера, это значит, мы должны будем спуститься вниз в преисподнюю, не так ли... чтобы найти их? До Девятого круга ада? – Она вздрогнула при мысли об этом. Она не хотела видеть своего отца вновь, ещё больше она не хотела сражаться с ним за командование его Гончими. Почему Аллегра возложила это на её плечи? Что ещё важнее, почему она согласилась? Она сделала это, чтобы покаяться за свои действия, напомнила себе Блисс, потому что, осознавала она или нет, она была вместилищем злобной воли своего отца в промежуточном мире. Она согласилась выполнить это задание, чтобы очистить свою совесть, сделать немного добра в противовес невозможному злу. Она только надеялась, что она достаточно сильна. Она больше не вампир – просто смертная девушка теперь, которой помогает смертная женщина средних лет.

Её тётя поморщила лоб.

– Я искренне надеюсь, что нет. Надеюсь, это не то, что Аллегра планировала для нас. Давай посмотрим, что на данный момент мы можем сделать по эту сторону забора.

Блисс выдохнула.

– Что в Кливленде? спросила она.

– Не в самом Кливленде, а в местечке под названием Хантинг-Велли, – сказала Джейн. – Там сгоревший дом со странной историей. Думаю, там что-то случилось, что, возможно, приведёт нас к тому, что мы ищем.

Глава седьмая

– Как всё прошло? – поинтересовалась Джейн.

Блисс отложила вырезку из газеты, в которой читала о пожаре. Она слегка улыбнулась, хотя воспоминания стали уже старой фотографией, будто всё случилось много лет назад. Она думала о сияющем лице Шайлер и гордом Джеке.

– Удивительно, – сказала она, смагивая слезы, чувствуя глубокую тоску и боль за то, чего у неё не будет никогда. Вечной любви.

Джейн с сочувствием сжала руку Блисс.

– Я знаю, что ты думаешь о Дилане, но ты поступила правильно, отпустив его.

Отпустив его... интересный выбор слов. Блисс никогда не могла по-настоящему отпустить Дилана Уарда. Она думала о том, что он сделал для неё: держал её в здравом уме, давал ей силы для борьбы с духом её отца, помогал противостоять Тёмному принцу. Её жертва освободила её от связи с ним – Дилан двинулся дальше, ушёл в лучший мир – но она скучала по нему с болью, которая была физической. Она никогда не исцелится от этого.

– Однажды ты найдёшь любовь такую же большую, как та, что была у вас двоих. Ты заслуживаешь счастья, моя дорогая, и ты его найдёшь, – сказала Джейн.

Блисс фыркнула, моргая слезами.

– Я в порядке.

– Я знаю, тебя. – Джейн улыбнулась. – Ты сильнее, чем думаешь.

Они проехали остаток пути в молчании, и через час прибыли к месту назначения. Джейн оттащила арендованную машину к окружающему остаток сгоревшего дома полицейскому ограждению посреди улицы.

– Я думаю, это здесь, – сказала Джейн. На пустынные улицы после полуночи опустился тяжёлый плащ непроницаемой тьмы. Единственный звук пришёл с хрустом их шин на гравии. Ночной воздух оказался бодряще холодным.

Они вышли из машины. Блисс включила свой фонарик и пошла вперёд. Как только они достигли того, что осталось от дома, она охватила фонариком то, что когда-то, было гостиной.

– Что думаешь, – спросила она. Все было сожжено дотла, до пепла и пыли, обломков и мусора, покрыто светло-серым снегом. – Случайность? Поджог? Или ...?

– Пока не уверена, – сказала Джейн. – Давай подойдём поближе, посмотрим, может, мы найдём что-нибудь странное.

Джейн распечатала историю сгоревшего дома из блога о сверхъестественных феноменах. Те, кто был свидетелем этого пожара, сказали, что слышали ужасные крики, жуткий рёв и маниакальный вой внутри дома, когда огонь бушевал. Но это был заброшенный дом, никто не должен был жить там – и после пожара полиция не обнаружила человеческих останков и доказательств, что кто-то даже был в доме, когда он горел.

Пожар был списан на несчастный случай: электрическая компания забыла отключить напряжение. Это все.

Может полиция была права. Может там ничего не произошло. Может, здесь не на что смотреть, ничего не приведёт их к Гончим.

Но Блисс продолжала смотреть на дверь, которая все ещё стояла, которая не сгорела. Невозможно, чтобы сгорел весь дом, оставив только одну дверь. Она могла представить особый вид заклинания, какой-то вид защиты дома, что пожар удалось погасить, но только частично. Она навела свой фонарик на покрытую ожогами поверхность двери, и с близкого расстояния смогла увидеть слабые следы надписи на обгоревшей древесине. Возможно какие-то руны. Через непроглядную тьму Джейн чихнула.

– Призрак Гамлета, – сморкаясь, пробормотала она.

Несчастный случай – официальное заключение полиции. Может весь этот несчастный случай был просто обманом. Это была ещё одна возможность. Не было способа узнать наверняка. Нет способа узнать, если только...

Блисс держала свет фонарика на двери, медленно проводя ним сверху вниз. Краем своих кроссовок она откинула древесные щепки в сторону.

Там. Она что-то увидела.

Она подошла поближе и направила свет фонарика прямо на это, её сердце начало биться в волнении от пьянящей лихорадки её открытия.

– Тётя Джейн! – крикнула она. – Здесь!

Посредине обгоревшего дерева, на половину погребённая в пепле, как алмаз, светила чёрная галька. Блисс сразу поняла что это. Каменное сердце – это остаток адского чёрного пламени.

Блисс выключила свой фонарик с некоторым удовлетворением. Они были здесь. Гончие были здесь.

Глава восьмая

Бывший начальник пожарной части жил в небольшом доме в пригороде, и как только Блисс ступила на подъездную дорожку его дома, чувство глубокой ностальгии охватило её, заставив остановиться и глубоко вздохнуть. Дом был обычным, одноэтажным, с красивыми рождественскими огоньками. Она выросла в огромном, элегантном особняке в Хьюстоне, потом жила в трёхэтажном пентхаусе в Нью-Йорке. Но после странствий и постоянного пребывания в дороге, она нашла что-то трогательное в таком обычном и бережно сохранённом доме. Дом. Где же он теперь? Блисс больше не чувствовала себя принадлежащей к чему-либо, у неё больше не было дома.

– Все в порядке, – сказала Джейн, сжимая её плечо. Её тётя, казалось, всегда знает, о чем думает Блисс.

Блисс вздохнула, когда звонила в дверь, коря себя за то, что впереди.

– Он знает, что мы идём, правильно? – спросила она.

– Я говорила с ним этим утром, – сказала Джейн. – Он, похоже, не хотел с нами встречаться, но я могу быть очень убедительной, когда захочу.

Блисс улыбнулась. Она знала, что без Джейн, она бы сдалась задолго до этого. Когда она звонила в дверь снова, Блисс задавалась вопросом, что произойдёт, если она в конечном итоге найдёт Гончих. Дадут ли они ей хотя бы шанс сказать? Сможет ли она договориться с ними? Почему её мать послала её к ним? И как она когда-нибудь заставит их присоединиться?

– Апатия – это перчатка, в которой зло скользит своей рукой, – пробормотала Джейн.

Блисс нахмурилась.

– Шекспир?

– Нет, прочитала в Интернете на днях. – Её тётя засмеялась. – Напоминание сохранять бдительность против наших врагов.

Наконец, дружественная пожилая женщина в белом фартуке открыла дверь.

– Извините, мы были на заднем дворе и не слышали звонка. Заходите.

Бывший начальник пожарной части ушёл в отставку лишь несколько недель назад. Он был высоким, красивым пожилым джентльменом, глубоко загорелым и учтивым. Его жена, женщина, которая впустила их внутрь, предложила им печенье и чай, привела их в уютную комнату, где они сели на подушки с цветами.

– Так вы, ребята, из Нью-Йорка, да? – спросил он, устраиваясь в своём кресле. – Они представились писателями. – Его голос звучал скептически.

– Да, – бодро сказала Джейн. – Но не волнуйтесь, мы не работаем на страховую компанию. Мы пишем книгу о самовозгорании. – Это была легенда, о которой они договорились: они исследователи, пишут книгу о пожарах. Они надеялись, что присутствие учёных-писателей успокоит людей и развяжет им язык. Все любят чувствовать себя важными.

– Мы хотели расспросить о пожаре в Хантинг-Велли на прошлой неделе, – сказала Блисс.

Он кивнул.

– Да, это. Такого я раньше никогда не видел. Мы не могли потушить его – пока последняя частица этого места не была сожжена дотла, за исключением двери, конечно. Когда мы добрались туда, стены ещё стояли, но дверь была заперта изнутри, но когда мы ударили по её раме, она просто не поддалась. Она была деревянной, но в то же время стальной. Мы не могли её сломать. Мы просто не смогли попасть внутрь.

– Вы можете сказать, с чего начался пожар?

– Со сгоревшего прицепа. Всё указывало на то, будто огонь возник моментально, окружив кольцом дом. – Он откусил печенье и задумчиво посмотрел. – Расскажу о самовозгорании. Вода, кажется, подпитывала огонь вместо того, чтобы тушить его, и дым имел очень странный запах.

– Какой? – Спросила Блисс.

– Резкий и сильный, как будто горел сам ад. – Он нахмурился.

– Очевидцы говорили, что слышали крики... но вы не обнаружили выживших? – Спросила Блосс.

Он покачал головой.

– Нет.

– Но вой, – спорила Блосс.

– Койоты, скорее всего, они бродят в окрестностях, – грубо ответил он.

– Койоты, которые ходят вертикально? Прямо здесь говорится, кто-то видел в окне силуэт, похожий на волка...

Она протянула распечатку ему, но он отклонил её.

– У людей яркое воображение, – сказал он, отводя взгляд.

Блосс была разочарована, кроме каменного сердца, она надеялась открыть для себя что-то дополнительное о пожаре – то, что может быть реальным ключом к местонахождению Гончих. Она и Джейн начали собирать свои вещи, когда начальник пожарной части кашлянул и посмотрел виновато на них.

– Хорошо, что-то было, – сказал он, наконец. Он закурил трубку, и комната наполнилась сладким запахом табака.

Блосс и Джейн переглянулись, но никто ничего не сказал.

– Мы нашли кое-что. – Он заёрзал в своём кресле. – Это... трудно говорить об этом.

Блосс села обратно и наклонилась вперёд.

– Скажите нам. Вы можете сказать нам.

– На самом деле, не что... а кого. Девушку. – Он закрыл глаза, морщась от воспоминаний. – Дом сгорел дотла, груды пепла повсюду – большие гор, которые мы когда-либо видели. Это случилось через несколько дней после пожара: я и мои парни занимались очисткой, когда мы увидели её... Девушку, погребённую под пеплом. Голую, всю в крови и пыли. Мы думали, что она мертва.

– Но? – спросила Блосс, надежда застучала в её груди. Это было что-то – начало, наконец-то ключ.

Он покачал головой.

– Да. Она дышала.

– Кто она?

– Не знаю. Мы повезли её в больницу... и самое странное... они сказали, она была совершенно невредима. Никаких признаков телесных повреждений, ни одного синяка, ни одного разреза, ни одного ожога. Только покрыта

пеплом. Пепел и кровь. – Он затаился из своей трубки. Он подтянул штаны, положил трубку в пепельницу, встал и вышел из комнаты.

Когда он вернулся через несколько минут, он держал в руках записную книжку. Она была покрыта сажой.

– Мы также нашли это. – Он передал записную книжку Блисс. – Возьмёшь её? Мне она не нужна. – Казалось, он был рад отделаться от этой ноши.

– Что с ней случилось? С девушкой, которою вы нашли? – *Девушкой, покрытой пеплом и кровью.*

– Больница для душевнобольных.

– У вас есть адрес? – Спросила Джейн, готовя свою ручку.

Он кивнул.

– Я могу достать его.

Вот оно, подумала Блисс, её волнение выросло, когда она сунула журнал в сумку. Блисс знала, если она найдёт девушку – найдёт и Гончих.

Глава девятая

Психиатрическая клиника Святого Бернадетта прилагала немало усилий, чтобы выглядеть не как дом для душевнобольных, она дистанцировалась от привычных для таких мест предрассудков: кошмарная психбольница, в которой запертые в клетках сумасшедшие оставлены гнить в грязи их собственных нечистот. Это было небольшое четырёхэтажное здание, расположенное на холме в спальном районе Кливленда. На окнах не было решёток, у ворот не стояло вооружённых охранников, а медсестёр не называли «Сестра Рэтчед». Холл выглядел мирным и уютным, декорированный в спокойные пастельные тона. Пациентам разрешалось носить их собственную одежду, никто не ходил в больничных халатах и тапочках.

Больница для душевнобольных выглядела достаточно безобидно, но, несмотря на это, когда Блисс приехала, она не могла не содрогнуться. В прошлой жизни она была отправлена в место, похожее на это, и она до сих пор помнит тот ужас: наручники и тесты, ведра холодной воды, вылитые ей на голову во время её бреда. Клиника была больше похожа на общежитие колледжа, чем на тюрьму, но Блисс могла поспорить, что окна в Кейс Вестерн не были построены из двух дюймов небьющегося акрила которого, вы не могли бы разрушить кувалдой.

Ей пришлось оставить Джейн в их мотеле. На мгновение она поинтересовалась: поступила ли она правильно. Джейн хотела приехать, но она слишком устала, чтобы протестовать, когда Блисс настояла, чтобы она осталась. Но Блисс хотела поговорить с девушкой наедине. Это была её задача, в конце концов, её бремя, чтобы найти Гончих.

– Подпишите здесь, – сказал молодой парень в приёмной, давая ей несколько бумаг.

Блисс написала что-то на странице.

– Что это?

– Отказ от претензий. Это значит, вы не можете подать в суд на клинику, если что-то случится с вами, увидев её. Или когда вы видите её.

У него был плоский носовой акцент, меньше чем на Среднем Западе, чем на южных Аппалачах, реальный протяжный звук. Блисс всегда думала об Огайо как о Среднем Западе, типа Канзаса или Небраски. Но когда они переехали в другой штат, она обнаружила, что это был настоящий пэчворк, мешанина из больших городов и умирающих меньших городов, богатые пригороды, которые конкурировали с Уэстчестерскими районами и красивой сельской местностью, усеянной конными хозяйствами и пышными зелёными лесами.

– Я не понимаю. Что произойдёт?

Управляющий пожал плечами.

– Не должен говорить, но видите, сидящую там даму?

Блисс кивнула. У окна сидела улыбающаяся женщина средних лет, и говорила тихо сама с собой. Потом её лицо начинало дёргаться в судорогах.

– Хорошо, Тельма работала здесь. Теперь она пациентка. Вы знаете, она была медсестрой вашей пациентки. Провела неделю с ней и сошла с ума. А тут ещё уборщики...

Он замолчал, не закончив фразы. Он только покачал головой, и рукой показал Блисс вход для посетителей.

– Что вам нужно от неё? Вы журналист? Может, член семьи?

Блисс покачала головой.

– Ни то, ни другое.

– Правоохранительные органы?

Она снова покачала головой. Управляющий, наконец, перестал спрашивать, и они прибыли в комнату девушки. Блисс сразу почувствовала, что-то странное в воздухе. Вокруг было ощущение смерти, мрачная темнота сразу за дверью. Она не была испуганной, только любопытной. Она жила с духом Люцифера, так что она знала, что такое ощущение зла. Это было не то же самое. Это не было изумрудно-острое чувство ненависти и злобы, это было чувство страха и лени, гнили и разорения, нищеты и боли.

Рядом с дверью находился небольшой плакат с надписью ПАЦИЕНТ: ПЯТНАДЦАТЬ.

– Без имени. *Nomen nescio*, – сказал санитар с гордостью, как будто Блисс поставит под сомнение его знание латыни. – Врачи назвали её Ниной, но это не прижилось. Она не Нина. Так что теперь мы просто называем её номером комнаты. Пятнадцать.

Блисс посмотрела в глазок. Внутри она увидела, как молодая девушка сидит на краю длинного плоского матраса. Её пальцы, свернувшись вокруг основания, углубились во внутрь. Её голова свисала под странным углом, слегка покачиваясь, как будто сломанная. Её тёмные волосы были стриженными. На руках тёмные синяки.

Девушка посмотрела прямо в глаза Блисс в иллюминатор и Блисс отскочила, поражена, обезоруживающим взглядом девушки. Было что-то не так с глазами девушки – Блисс была уверена, что она увидела вспышку малиновых, но когда она снова посмотрела, они были просто обычными синими. Именно тогда управляющий отпёр дверь.

– Она вся ваша. Позвоните, когда закончите.

– Вы закроете меня там... с ней?

– Такие правила. Вы подписали отказ.

Блисс держалась бесстрашно, когда дверь с шумом закрылась позади неё. Она прислонилась к стене и скрестила руки на груди. Девушка не сводила глаз с Блисс.

– Вы не бойтесь меня, – прошептала она. Её голос был мягким и слабым.

– А должна ли? – Спросила Блисс.

– Они все боятся меня, – сказала она тихо, взявшись за матрас.

Простынь оказалась рваной, а наволочки не было.

– Я слышала. – Блисс оглядела пустую комнату. Не было ничего, кроме матраса на полу. Ни книг, ни фотографий, ни даже окна. Как долго девушка жила так? – Как Вас зовут?

– Пятнадцать. – Её голос был тихим и приглушенным, побеждённым и грустным.

– Это то, как они называют Вас.

– Верно.

– Как Ваше настоящее имя?

– Я не знаю. – Она покачала головой. – Если бы я знала, меня бы не было здесь.

– Почему Вы здесь? – Блисс проверила записи. Пожар случился месяц назад, и девушка находилась здесь с тех пор, с небольшими изменениями или прогрессом в состоянии.

– Был пожар, – сказала девушка. – Он сжёг все.

– Вы были в доме. Что случилось в этом доме? Что с Вами случилось?
– спросила Блисс.

Девушка приложила сжатые кулаки к глазам.

– Я не знаю. Я не помню.

– Я хочу помочь Вам, – сказала Блисс. – Пожалуйста.

– Никто не может мне помочь. Уже нет.

– Слушайте, я знаю, что Вы переживаете, я была в таком месте, как это. Я была в психиатрической больнице однажды. Я знаю, что это такое. Вы не должны быть здесь. Вы не должны прятаться. Позвольте мне помочь Вам, – сказала Блисс, взясь с ожерельем, которое удерживало Каменное сердце. Она взялась тереть тёмный талисман, желая держать его поближе, как будто сверкающий амулет может привлечь Гончих к ней, помочь ей найти путь. Она придвинулась ближе к девушке. – Я думаю, я знаю, что случилось... Я знаю о Гончих. Они те, кто напали на вас в ту ночь, не так ли?

При упоминании Гончих девушка вскочила в самый край комнаты, подальше от Блисс насколько это возможно.

– Я не знаю, о чем Вы говорите. Оставьте меня в покое.

Блисс достала запылённую записную книжку и начала читать её.

– Они придут за нами, и, когда они это сделают, мы должны быть готовы. Мы защищали дом, но сможем ли мы защитить друг друга? – Она посмотрела на девушку. – Это Ваш журнал, не так ли? Вы написали эти слова. Что они значат? Гончие шли за вами? Но дом был защищён каким-то образом? Кто же остальные? Где они?

Девушка пожала плечами.

– Что они хотят от Вас? Почему они пришли? Как Вы выжили?

– Я не знаю. Я же сказала, я не знаю, о чем Вы говорите, – сказала девушка, все больше и больше начиная волноваться.

– Я надеялась, что Вы мне поможете... Я... ищу их. Мне нужно добраться до Гончих, – сказала Блисс, чувствуя, как она произнесла слова, которые были безнадежными потугами её матери, стоявшей перед ней.

Девушка начала дрожать и качаться назад и вперёд, скуля, как раненый зверь.

– Отстаньте от меня... уйдите...

– Мне жаль, мне очень жаль... Пожалуйста, поверь мне, я не хочу причинять Вам боль, – сказала Блосс. – Но мне нужно знать о Гончих.

– Гончие! – вдруг девушка закричала, её глаза загорелись, глядя прямо в зелёные глаза Блосс. – Почему Вы ищете Гончих? Осторожно! Никто не охотится за ними!

Они смотрели друг на друга. Затем дверь открылась. Время истекло. Блосс вышла из комнаты.

– Так. Что Вы думаете? – Спросил управляющий, когда они вернулись в вестибюль. – Крепкий орешек, верно?

Блосс не ответила, пытаясь убедить себя, что девушка в комнате понятия не имела, о чем она говорила, что она просто хотела напугать её. Но Блосс видела многое в своей жизни. Её так просто не напугаешь.

Глава десятая

Слова девушки встревожили её, но Блосс удалось оставаться спокойной, торопясь через автостоянку больницы. Она столкнулась с монстрами, которые были страшнее Гончих. В конце концов, это было лишь нападение Гончих отца, и она не собиралась бояться нескольких паршивых дворняг, и не имеет значения, что сказала девушка с жуткими глазами.

Она набрала номер Джейн, нуждаясь услышать дружеский голос тёти, и была разочарована, когда вызов пошёл на голосовую почту. Блосс оставила сообщение.

– Эй, это я. С ней все в порядке, но она отказывается помогать. Действительно отказывается от сотрудничества, ты знаешь, что я имею в виду. Я скажу тебе больше, когда увижу тебя. Я по дороге в номер. Увидимся в позже.

Движение было медленным, и было темно, когда Блосс заехала на переполненную стоянку. «Бэдсайд Инн» был больше жилым домом, чем мотелем, слишком поздно, они обнаружили, что он служил в качестве станции для людей, которые не могли заплатить за первый и последний месяца аренды или пройти проверку кредитоспособности. Когда Блосс вышла из лифта она обнаружила, что двери нескольких комнат на этаже открыты, жильцы разговаривали, одетые в халаты с влажными волосами, обменивались историями и сплетнями. Дети бегали от одной комнаты в другую, как будто весь комплекс был их детской площадкой. Она пережила момент паники, когда впервые увидела небольшой уродливый номер. Там были надписи на стенах, а подушки и покрывало, похоже, последний раз чистили в эпоху Рейгана.

Блосс пошла к себе в комнату, она кивнула своим соседям и наскочила на их детей, которые ползали на коленях, но другие жильцы были холодны к ней, никто не вернул её нервную улыбку, а некоторые смотрели на неё

враждебно. Именно с некоторым облегчением, что она, наконец, достигла двери. Она постучала вместо того чтобы использовать ключ, просто, чтобы Джейн знала, что она там.

– Тётя Джейн? Это я. – Она ждала её, чтобы та открыла дверь, но ничего не произошло. Может Джейн все ещё спала?

Ей придётся открыть дверь самой. Она скользнула ключ-картой в считывающее устройство и индикатор замигал зелёным цветом. Она повернула ручку и открыла дверь. В комнате было полностью темно. Она ненавидела будить тётю Джейн, но она ничего не видела.

Как только она включила свет, она захотела ничего не видеть. Мебель была перевернута, комната в беспорядке с явными признаками борьбы и со следами когтей на стенах. Не было никаких признаков тёти Джейн.

Блисс закричала.

«Никто не охотится на Гончих», предупреждала брошенная девушка в клинике.

Через несколько часов Блисс сидела в арендованной машине на стоянке мотеля, не в состоянии двигаться. Никто из жителей или сотрудников в мотеле не видел и не слышал ничего. Она ответила на вопросы полиции и безопасности мотеля и ждала, пока они не проверяли её алиби, благодаря журналу посетителей клиники. Наконец, детективы отпустили её на ночь. Она хотела взять небольшой перерыв, возможно, что-то поесть, хотя она и не была голодна. Но ей это необходимо – уйти от хаоса и страха на некоторое время, чтобы побыть одной, чтобы она могла думать. Она кусала ногти один за другим. Гончие знали, что она ищет их. Она была в опасности, если она не остановится, пока она не откажется от своего преследования.

Они хотели, чтобы она сдалась, и они взяли Джейн в качестве заложницы. Но почему? Знали ли они, что Джейн была Смотрителем? И что Гончие знают о поисках Блисс?

Блисс знала, что она на правильном пути, и она была так близко. Она должна была продолжать. Она не могла бояться, даже, если она видела, что они сделали. Её мать дала ей задание, она должна была довести его до конца. Она знала, во что она ввязалась с самого начала. Она должна была продолжать искать Гончих, и она не могла оставить Джейн – её лучшего друга в целом мире – в их руках, она могла только надеяться, что та была еще жива.

Она посмотрела на бледно-серую парковку. Солнце исчезло, и его оранжевый свет теперь заменён на ряд натриевых ламп на высоких столбах. Фонари отбрасывали жёлтые зернистые света, которые делали все, одного

цвета: деревья, дальние дороги. Через полмили она увидела аптеку, которая светилась белым блестящим, и дорогу, ведущую на запад.

Если бы она все ещё имела вампирское зрение, она была бы в состоянии видеть шторы на окне одного из домов на расстоянии многих миль. Но она сейчас была человеком, с человеческими ограничениями. Она больше не могла слушать беседы, которые проводились в комнате, она больше не могла поднимать предметы в пять раз тяжелее своего веса. Она больше не могла сделать ничего из того, что воспринимается как должное, когда её кровь была голубой.

Поскольку она сама очистилась от своего вампиризма, она не пыталась использовать что-нибудь из своей старой силы. Что толку? Она не хотела оглядываться назад и желать чего-то, что она не могла иметь. Но теперь она подумала, что если бы, некоторые из её сил остались, если бы она могла ещё входить в глом. *«Гончие являются созданиями тьмы...»*. Почему она не подумала найти их таким образом раньше?

Она закрыла глаза и расслабилась, позволяя разуму очиститься, позволяя ему выйти за рамки сознания и физических ограничений, что позволит ей покинуть материальный мир. Было такое чувство, как будто она скатывается в бассейн с тёплой водой. Когда она открыла глаза, она была в глуме, в мире сумерек и призраков, фантома и миража.

Блисс осторожно пошла через пустой пейзаж. Мир глома имел несколько иной оттенок, чем она помнила. Она не знала, было ли это, потому что она больше не была вампиром, в первый раз, она почувствовала себя одинокой и уязвимой.

Вдруг свет в глуме, яркий, как прожектор, светил на неё. Она съёжилась от его блеска, прикрывая глаза. Сначала она увидела мальчика перед собой. Он был темноволосый и красивый, с высоким лбом, сильной челюстью, с ожесточённым и благородным обликом, но лицо его было мучительным. Он смотрел на неё, а она смотрела на него.

«Кто ты?»

Блисс не была уверена, кто говорил, он или она, но было ясно, что у обоих был тот же вопрос на уме. Она видела его взгляд, который задержался на камне на её шее, его глаза расширились, она подняла руку, чтобы скрыть его, и прежде, чем она поняла, что происходит.

Она была брошена обратно, и, когда она пришла в себя, она увидела, что она где-то в другом месте. Мясная лавка. Она видела мясо висящие на крючках, белую бумагу, кровавые черенки. Тогда волк вышел из темноты. Серебряный волк с плоскими жёлтыми глазами.

Это был цербер, она была уверена в этом.

Он прыгнул на неё, и Блисс чувствовала, как её выталкивают из глома обратно в реальный мир, дрожь и она изо всех сил пытается дышать.

Она все ещё была на стоянке мотеля; дальше рядом с ней семья разгружала багаж из минивэна.

Кто был этот мальчик? Что это был за свет? Нет времени думать об этом сейчас. Глом дал ей ответ, который ей необходим. Он показал ей Гончих ада. Она увидела адрес мясной лавки на бумажном пакете. Она пойдёт туда немедленно, чтобы найти Гончих. Она будет следовать этому, куда бы он ни привёл. И если она обнаружит Ад, ничего, она уже была там однажды.

The *New York Times* Best-Selling Author

MELISSA DE LA CRUZ

Волчий
Договор

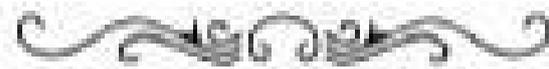
ЧАСТЬ ВТОРАЯ ИЗ ЧЕТЫРЁХ

Волчий договор

ЧАСТЬ II

*Убить мою любовь – это преступление,
Но ты будешь любить человека из времени
– Элвис Костелло «Man Out Of Time»*

Пролог. Испытания

Это был рассвет перед испытаниями. Он прокрался обратно в комнату через дыру, которую сделал в стене. Мастера не знали, что он мог делать так. Сбегать. Передвигать окружающие вещи силой мысли. Создавать пространство, где не было бы никого. Они не знали, что он мог отправиться за пределы логова, однажды он даже пробрался через весь этот путь в первый круг, к окраинам, прежде чем вернуться назад. Мастера заперли их на ночь, сталь, встречающаяся со сталью, издавала звон. Но это не имело значения. Он может идти, куда захочет. Но он думал о других и не мог оставить их.

На следующий день его признали лучшим воином стаи. Если он обыграет своего соперника, эта стая станет его, а он будет альфой. Он готовился к этому всю свою недолгую жизнь.

Все вокруг, он мог слышать звуки братьев, которые спали рядом с ним: их ровное дыхание, нежный храп Рейфа, свистящее посапывание Эдона, тихие стоны Мака. Почувствовав себя плохо, он посмотрел в потолок. В комнате было жарко. Он не мог уснуть, думая о завтрашнем дне, и о том, что он принесёт.

Следующий день начался так же, как и любой другой, выдали общие пайки, простую, густую кашу, которая на вкус и запах была как свинец. Топливо. Он едва коснулся своей тарелки, увидев своего младшего брата, который смотрел на его кашу, и подвинул свою тарелку к нему. Ему никогда не хватало, мастера кормили их, не досыта, они думали, что худые и голодные, такие волки сильнее в бою. Он смотрел на Мака.

«Нервы?» – Спросил Эдон.

Он пожал плечами: «Может быть».

«С тобой все будет хорошо». – Успокоил его Мак. – «У них нет никого, кто сможет победить тебя». Самый молодой волк стал их учителем, тренером. Все несколько дней до этого, Мак был на вторых ролях, тявкал, подбадривал его, помогал в разработке стратегии, обучал его, как дышать, когда рот полон крови, когда все мышцы тела кричат об освобождении, советовал о том, как победить, превозмогая боль.

Они ели в тишине, и он наблюдал.

«Удачи». – Эдон кивнул ему.

«Тоже», – добавил Рейф, делая то же самое.

Он зарычал в благодарность. Это было оно. Это было то, чего он ждал. Это было то, что он планировал, то, что его учили делать. Он победит и станет лидером или умрёт.

* * *

Битва была короткой и зверской.

Он лежал лицом вниз на арене, кровь капала ему в глаза, кровь лилась из его ран, кровь везде, даже на песчаном дне ямы.

Кровь была густой, и он не мог видеть. Почему он ещё жив? Он должен быть мёртв. Он проиграл. Он избит. Он не альфа.

Это не так, как должно было случиться.

На арене стало тихо. Он остался один, он в этом уверен. Он боялся пошевелиться. Что, если они думали, что он мёртв? Что, если кто-то пронзит его копьём, если он перевернётся? Он лежал неподвижно, ощущая свою кровь, металл и соль на языке. Его тело заживёт, но сейчас он был в шоке.

Во время боя он слышал насмешки толпы, чувствовал разочарование своих товарищей, видел страх в глазах своих братьев. Они не могли на это смотреть. Его талант оставил его.

Он не мог его использовать. Он барахтался с самого начала, и он знал, что это конец. Его конец.

«Почему он все ещё жив?»

«Ромул поднял большой палец», – ответил кто-то. Он не понимал, кто может слышать его.

Это была традиция: ждать в конце битвы утверждение главного, прежде чем победитель нанесёт смертельный удар. За все годы, во все века, никто никогда не был спасён. Никто. Толпа жаждала смерти, и смерть была им дана. Он думал, что смерть была бы сладкой по сравнению с тем, что он чувствовал сейчас.

Но Ромул поднял большой палец. Он оставил его в живых.

«Не пытайся двигаться. Ты только будешь чувствовать себя хуже».

Он почувствовал мягкий язык на своём лбу, вытирающий кровь, соль, землю, гравий и песок, которые уже въелись в его кожу.

Он повернулся и, наконец, смог открыть глаза. Перед ним на коленях стояла волчица, чистя его раны. Он узнал её. Она была из его логова. Обычный коричневый волк с добрыми голубыми глазами.

«Тала».

«Да».

Тала. Она была ещё детёнышем. Он не вспомнил её здесь, на арене. Ухаживания среди них были спонтанными, мгновенными. Волки были в состоянии размножаться, пока обращены, но они не растили своё потомство; детёнышей передавали назначенным хозяевам. Когда-то они

были Гончими, они были бесплодными, бездушными машинами для убийства. Когда стало ясно, что, вероятнее всего, он станет вожаком стаи, многие хотели разделить с ним постель, но он сопротивлялся. Он не будет размножаться для хозяйских питомников. Он не даст им обратить больше волков. Он поддался искушению только один раз и поклялся, никогда не делать этого снова.

Тала продолжала чистить раны, и она толкнула его на ноги. Она была удивительно сильной для своего роста.

«Спасибо тебе».

Она кивнула.

Он дрожал от страха, он понял, он был до сих пор напуган. Что делать, если учителя вернуться? Что, если они его увезут? Он вспомнил все, что они с Марроком планировали, если его убьют, все будет напрасно.

Он съёжился, услышав звук шагов, но Тала покачала головой.

«Они не вернулись. Пока что».

«Что происходит со мной?»

«Ничего. Не волнуйся. Я не позволю ничему случиться с тобой, пока я здесь».

Он хотел верить ей. Он знал, что она лгала, пытаясь заставить его чувствовать себя лучше. Он должен быть убит, брошен в Чёрное Пламя, оставлен гореть.

Но что, если ему суждено жить? Что тогда? Как он будет смотреть в лицо своей стае? Своим братьям? После колоссальной неудачи? Кем он будет теперь в стае?

Вкус поражения был новым для него, неожиданным, сырым.

«Как это могло произойти?» – Он мучился.

«Ты позволил ей выиграть».

Она знала.

Он не спорил.

В тот день мастера не приехали; его не проткнули ножом и не бросили в огонь. Тала помогла ему вернуться в логово. Жизнь шла, как прежде, до их побега.

Он не влюбиться в Талу, пока они не будут на другой стороне, пока они не станут свободными. Но позднее он думал, что, возможно, он уже любил её прежде. В тот день на арене, когда он был впервые повержен, когда он был близок к смерти, когда она вернула его к жизни.

Глава одиннадцатая

Малкольм заболел, а Лоусон радовался. Это означало, что они были на верном пути, Гончие приближались, а также, они были близки к обнаружению Окулюса. Они вернулись в Хантинг-Велли, спустя месяц после нападения. Когда они вышли из портала, то оказались на побережье городка штата Мэн. Они извлекли урок, оставаясь в Хантинг-Велли как можно дольше. Они вернулись в Огайо ночью после того, как узнали, что Артур, испугавшись нападения, сменил место жительства и переехал в пещеру. Лоусон думал, что это неплохая идея. По крайней мере, камни не горят. Они прожили там день, а на восходе солнца сорвались для своего предназначения, живот Малкольма был им путеводителем.

– Ты в порядке? – Спросил Лоусон, сидя в водительском кресле.

– Нет, остановись, – быстро проговорил Малкольм. Через минуту машина остановилась, Малкольм дёрнул дверь, и послышались ужасные извергающиеся шумы.

– Попытайся не испачкать здесь всё, хорошо? Потребовалось много времени, чтобы её достать, – сказал Лоусон. Он украл автомобиль, конечно, они никогда не представляли себе это иначе. Они должны будут оставить его через неделю или две, как только он начнёт вызывать подозрение.

Малкольм рассмеялся, и подшучивал над своим обедом, пока они выезжали с гравия. Он попытался не испачкать салон.

Рейф сочувствовал брату.

– Оставь это, оставь.

– Ты убиваешь его, ты знаешь, – сказал Эдон с пассажирского сиденья.

– Мак? – Спросил Лоусон, – ты уверен, что хочешь этого? Мы не против, – сказал он, хотя знал, что это ложь.

Малкольм также это знал.

– Я в порядке, – ответил он, вытирая рот рукавом. Он сел прямо.

– Не спускай глаз с дороги. Не волнуйся обо мне.

– Может, пристегнёшься? – Спросил Эдон. За окном было темно, Лоусон ехал со скоростью чуть более 90 миль/ч¹ с выключенными фарами.

– Никто не возражает, если ты причинишь себе боль, но мы бы не хотели выбирать лобовое стекло из волос.

Лоусон проворчал. Он пристально глядел на бесконечно чёрный тротуар, никаких уличных фонарей, только тёмное небо и бесконечная

¹ Примерно 145 км/ч

дорога. Он ехал быстро, потому что считал это забавным. Он ездил с выключенными фарами, так легче разглядеть адских псов в темноте.

Окулюс не мог быть так далеко, теперь, когда Малкольму было настолько больно. Самый молодой лучше всех ощущал присутствие Гончих, его живот действовал, как тревога, что давало выйти на шаг вперёд своих преследователей.

После того, как они потеряли Талу, им казалось, что они потеряли и Лоусона. Его братья знали причину. Он с Талой никого не обманул. Лоусон закрылся, как Эдон после их спасения, если не хуже. Он не говорил, не ел, только существовал. Его сердце разрушилось. Это было пыткой, не знать, что с ней случилось. Была ли она убита, или Гончие оставили её в живых. Прошло только несколько недель с восемнадцатого лунного дня, когда это случилось с Ахрамин. Существовала небольшая надежда на спасение. Ад – бесконечен, Тала может быть, где угодно. Он никогда не найдёт её. Поскольку прошли дни, может, её уже нет в живых.

Она ушла, это случилось.

Прежде...

Несколькими днями ранее Малкольм проснулся от своего крика.

– Это он, я могу видеть его!

«Он» был Ромулом, конечно. Великое животное Ада было когда-то в их головах.

– Ты видел Ромула? Где? – Спрашивал Эдон с повышенным голосом.

– Как будто, он был на луне. – Сказал Малкольм. – Он говорил с кем-то.

– Окулюс, – осторожно сказал Эдон. Он объяснил, *Тусклый Свет* был маяком глома, *тёмным огнём*, которым пользовались волки тысячелетия назад, чтобы сообщать что-либо на далёкие расстояния. Другой мир пользовался этим, чтобы отслеживать стаи, бродящие во вселенной, но глаза многих были темны столетиями. Теперь, некоторые вспыхнули снова.

– Где? – Спросил Лоусон.

Малкольм закрыл глаза, пытаясь сконцентрироваться.

– Оно похоже на то место, где мы впервые появились. Тот открытый луг между холмами в долине.

– Окулюс. Лоусон чувствовал первую вспышку надежды.

– Я могу использовать его, я могу найти Талу. Он может показать мне, где она, где её держат.

– Нет!

Лоусон посмотрел на Эдона, словно на незнакомца.

– Нет?

Эдон впился в него взглядом.

– Если ты будешь использовать его, Ромул узнает, где мы! Разве ты не видишь? Ты подвергаешь нас опасности.

– Я не буду. Я могу сделать это. Я знаю, что могу. Я быстро, обещаю, ничего не произойдёт, – он не мог разочаровываться в этом. Тала могла быть ещё жива, если так, он не может оставить её, он должен помочь ей. Лоусон думал о ней, она – девушка с ярко-розовыми волосами, застенчивой улыбкой, поющая так мягко, когда занимается домашними делами; он может видеть её, лежащую с ним на кровати, чувствуя её сладкое дыхание на своей щеке.

– Эдон, пожалуйста, позволь мне сделать это, – попросил он. Лоусон знал Малкольма, Рейф будет на его стороне, а вот Эдона он должен убедить.

– Нет, Лоусон. Ты дурак, если думаешь, что можешь вернуть её. Всё кончено. Она ушла. Ты должен понять это, – сказал он.

– Нет, – он чувствовал неприветливость в нём, смотря на брата. Лоусон не хотел слушать, но сердце; Эдон казался ему слабым, ведь он не вернулся за Ахрамин. Слабый, он притворился жертвой. Лоусон пожалел Эдона тогда, но ненавидел теперь. Если у Эдона не было надежды, то не означает, что и у него её нет.

Тала могла быть ещё живой. Живой и не превращённой. Тем не менее, он любил её. Была надежда, был Окулюс. Он покажет, где она сейчас, он вернёт её. Или умрёт. Так как Лоусон потерял её, то совсем забыл о Марроке и об остальных своих братьях и сёстрах в том мире, только Тала имеет значение.

В конце концов, Эдон уступил, Лоусон знал, что так будет. Поскольку они двигались к Окулюсу, его чувство вины усиливалось. Он ехал буквально в темноте. Он поклялся защищать стаю, и всё же, он ведёт их к опасности. Эдон говорил, что Окулюс усиленно охраняется Гончими, тошнота Малкольма подтверждала это. Даже Артур не одобрил идею.

– Слушайте, я не просил вас идти со мной, – ворчал Лоусон. – Я сказал, что могу справиться сам.

– Уверен, ты сможешь, – сказал Рейф со спины. – Но почему мы должны находиться в стороне от веселья?

– Мы здесь только из-за тебя. Запомни. – Повторил Эдон. *«Помни, ты рискуешь нашей свободой для своего личного счастья».*

Что, если Эдон прав? Что, если Тала мертва? Если Ромул нашёл их через Окулюс? Что тогда? Если бы они смогли использовать глаз, уверенными, что их не выследят?

– Прекрасно, – ответил он. – Прекрасно. Вы победили. – Он начал разворачиваться. Он не в состоянии перенести то, что один из его братьев погибнет, спасая Талу. Эдон был прав.

– Нет, – с заднего места прозвучал хриплый голос Малкольма. – Мы должны продолжить. Мы всё обсудили. Мы достанем Окулнос. Мы сказали Лоусону, что поможем ему, и мы поможем.

Лоусон поднял бровь, на мгновение напряжённость так натянулась в машине, словно нить бумажного змея.

Наконец, Эдон вскинул руки.

– Тогда сделайте это быстро, хорошо?

– Нет никого быстрее меня, – усмехнулся Лоусон, автомобиль набирал скорость по ночной дороге.

Глава двенадцатая

– О, Боже, – пробулькал Малкольм, держась за живот.

Лоусон сбросил газ.

– Как далеко?

Смертельная боль на лице Мака сказала ему все, что нужно. Он поставил машину в нейтральное положение. С выключенным светом, машина тихо скатывалась вниз по крутому склону, как парусник, путешествующий на гладкой чёрной воде. Лоусон смотрел и слушал, пока они дрейфовали вниз по склону, изучал деревья и высокие травы на любой признак движения. Сверчки щебетали, а светлячки мерцали на расстоянии.

Машина замедлила ход и остановилась, Лоусон выключил двигатель.

– Где стража? Вы видите их? – Спросил он.

Рейф охватил пейзаж биноклем.

– Они патрулируют, с другой стороны хребта.

– Там, – тихо сказал Эдон, указывая на мигающий свет сквозь деревья.

– Я вижу, – кивнул Лоусон. – Оставайся в машине, – сказал он Малкольму. – Остальные пойдёте со мной. Вы хотели помочь, и вы знаете, что делать. Если попадёте в беду, дайте мне разобраться с ними. Не будьте героями, оставьте их мне.

– Конечно, – улыбнулся Рейф, его сонные глаза светились. – Ты получишь по заднице, если мы останемся вне этого.

Лоусон вытянул шею и треснул его по спине, сгибая мышцы рук, готовя себя к ответному удару.

– Я просто хочу немного поболтать. Это будет весёлой прогулкой, я обещаю. – Он хлопнул дверью и повёл всех поближе к свету. Нет времени

думать о правильных и неправильных вещах. Он должен был сделать это в ближайшее время. Он должен сосредоточиться, получить необходимое, прежде чем Гончие учуют его.

– Готовы? – спросил он.

Один за другим братья шептали слова, которые связывали их в стаю, они поклялись друг другу. Когда они прочитали слова, небольшой синий полумесяц появился на их лицах. Символ их связи – они стали стаей – пульсирующий серп бился в такт с биением их сердца, показывая, какую связь они теперь разделяют. После синие знаки исчезли с их щёк.

– Ладно, – сказал Лоусон, готовясь к битве. Его братья делали то же самое, их плечи расправились, кровь запульсировала, глаза сузились до волчих – они стали Гончими. Он готов к бою. Эдон сжал кулаки, Рейф хрустнул пальцами. Они прошли обучение, теперь они знают всё.

Свет мигнул и прекратился в глубоком лесу. Лоусон пошёл первым, за ним Эдон и Рейф. Они шли в виде веера, треугольником, сохраняя достаточное расстояние друг от друга, чтобы мгновенно занять борону или уйти, если кого-то схватят. Лоусон отошёл от своих братьев, оставив их у холма, а сам поднялся на вершину. Пока он стоял там, тусклое пятно света обрисовывало деревья. Высокие тени падали во все стороны, образуя круг, чистый, с недавно опавшими листьями и забытыми пнями.

– Я собираюсь идти, – отозвался он.

– Тогда иди, – сказал Эдон.

– Покончи с этим, – добавил Рейф.

– Расслабьтесь, – упрекнул их Лоусон. Гончие были достаточно далеко. В тишине он слышал только шелест листьев и мягко скользящих змей.

Он ступил в свет Окулюса. Эдон проинформировал его, как им пользоваться, что оказалось достаточно просто. Свет должен освещать его, а затем Лоусон должен приказать показать то, что он хочет видеть.

Когда он вошёл в него, леса и горы расступились, он видел только свет, белый и обжигающий, будто он в центре звезды. Лоусон прикрыл глаза. Сначала он был ослеплён светом, окружён всепоглощающим белым свечением, а затем почувствовал знакомое ощущение и понял, что это свет от маяка. Маяк был темным, находился там, где когда-то был его дом.

Внутри Окулюса изображение могло быть в настоящем, будущем или в прошедшем времени. Он должен был сделать это, остановиться, позволить показать то, что он действительно хочет.

– Покажи мне мою подругу, – приказал он. – Талу, волчицу, родившуюся в Подземном мире, не невольника.

После жужжания, появилась девушка. Была ли это Тала? Лоусон не мог сказать. Он скосил глаза на свет. Если бы Окулюс мог показать ему больше, но изображение было мутным и расплывчатым. Он начал чувствовать разочарование. Сделав резкий вздох, Лоусон понял, что девушка, стоявшая перед ним, определённо не Тала.

Она была красива, хоть и с вьющимися рыжими волосами и зелёными глазами. Глаза её выглядели грустно, как если бы она прошла через много трудностей. Она уставилась на него.

– Кто ты? – Прошептал он, когда заметил чёрный камень, свисавший с её шеи. Она носила Чёрный Огонь Ада. Он отдёргнулся от неё. Лоусон знал, что она не гончая, во-первых, глаза её были зелёными, а не малиновыми, но она также носила камень. Шпион! Шпион Ромула! Он слышал раньше, о помощи Красной Крови Подземному миру. Они были глазами и ушами Ада.

Лоусон выругался. Она видела его, смотрела прямо на него. Он не мог запаниковать. Должен ли он сделать что-то? Если она шпионка, то пусть найдёт его, подумал он. Она была рядом, он чувствовал её в нескольких километрах. Он послал ей видение мясной лавки, пусть увидит волка. Лоусон почувствовал её удовлетворение. Она видела его. Парень отпустил её.

Темнота вернулась, Окулюс потемнел. Почему он показал ей себя? Чтобы предупредить? Но где же Тала? Окулюс не подсказал ему.

Лоусон не знал, что делать. Он потратил много времени, проведя в Окулюсе. Его мог засечь Ромул. Окулюс ожил, сильный голос пророкотал из глубин:

– Говори своё имя, Гончая. – Это была команда. Ромул.

Лоусон укрылся от света, стараясь не паниковать. Голос наполнил его страхом и отвращением, он собрал все свои силы, чтобы не подчиниться.

– Говори своё имя.

Он должен был что-то сказать, парень не мог тянуть дольше, нужно что-то сказать.

Глаз потемнел, земля разверзлась, он упал в темноту.

Глава тринадцатая

Лоусон падал, кувыркаясь в темной пещере, заполненной острыми камнями, и жёстко приземлился на них же.

– Уф, – простонал он. Услышав шарканье ног и посмотрев наверх, Лоусон увидел своих братьев, стоящих на краю ямы, они смотрела на него сверху вниз.

– Прекрасно, просто замечательно, – сказал Эдон, когда увидел лежащего Лоусона. – Ты попался? Ты сделал это нарочно?

– Не смешно, – ответил Лоусон, пытаясь встать на ноги. Слава богу, его тело исцелилось быстро.

– Ах, ты уцелел, – сказал Рейф.

– Я не думаю, что все же уцелел, гений, – лопнуло терпение Лоусона. – Подайте, ребят, руку? – Он знал, что его братья наслаждались этим слишком долго. По крайней мере, теперь он в вертикальном положении. Сейчас ему просто нужно выбраться из этой дыры. – Где Мак?

– Ты ещё не умер? – Спросил Малкольм, заглядывая через край.

– Я все время пытаюсь, но вселенная не поддается. Есть идеи о том, как мне выбраться?

Малкольм промолчал. Он исчез и вернулся через минуту со сломанной веткой.

– Рейф, ты можешь взять её? Я не уверен, что смогу удерживать его.

Рейф взял ветку.

– Лоусон, ты можешь подняться на эти породы, а затем схватить ветку?

Лоусон потянулся руками и ногами. Казалось, ничто не сломалось, его синяки исчезали быстро. Он взобрался по стенам пещеры и схватился за ветку, позволяя Рейфу вытащить себя на свободу.

– Мы должны убираться отсюда, – предупредил он. – Мак, как ты себя чувствуешь?

– Плохо, – ответил Малкольм, Лоусон мог видеть его лицо, оно было бледным и зеленоватым. – Сейчас они направляются обратно в Окулус. Их два или три. – Малкольм покачал головой и схватился за живот. – Я думаю, что нужно бежать.

Эдон толкал их к машине.

– Нет времени. Пойдём, пойдём. Я за рулём.

Лоусон не стал спорить, его усадили на заднее сиденье рядом с Малкольмом. Эдон вёл машину спокойно и осторожно вниз по грунтовой дороге, после учащённо заработал двигатель, когда они выехали на шоссе.

– Что же ты видел там? – Спросил Малкольм, когда они отъехали на несколько миль от Окулуса. Самый молодой из них снова обрёл цвет щёк, это стало хорошим знаком.

– Я слышал Ромула, – наконец, признался он.

– Ты уверен? – Спросил Малкольм, становясь всё бледнее.

Эдон резко обернулся. Он хлопнул рукой по рулю.

– Он видел тебя? Он знал, что ты в Окулусе?

– Я так не думаю. Он спрашивал моё имя. Я не думаю, что он узнал меня, – ответил Лоусон. Он опустил голову. – Вы были правы, это было ошибкой.

– Даже если он не знал, кем ты был, мы должны убираться. – Сердился Эдон.

– Пока нет, – сказал Лоусон. – Там что-то другое. – Он рассказал им о девушке, которую видел, ту, с ярко-красными волосами и грустными зелёными глазами, шпионе Ромула. – Я послал ей образ мясной лавки. Она собирается туда сейчас. Возьмите меня с собой.

– Вы хотите, чтобы она нашла нас? – Малкольм разинул рот.

– Я хочу, чтобы она нашла меня, – мягко поправил Лоусон.

– Почему?

– Разве это не очевидно? – Спросил, Рейф глядя торжественно.

– Оставь её мне, – сказал Лоусон, в его сердце горела ненависть. – Я позабочусь о ней.

– А что насчёт Талы? – Хотел знать Малкольм.

– Я не знаю. Окулюс не показал мне её. – Он смотрел в окно, его сердцебиение замедлилось, хотя спина все ещё болела. Он хотел видеть её так сильно, но Окулюс показал ему кого-то другого. Рыжего шпиона. Он сжал и разжал кулак. Он заманил шпиона в мясную лавку, где она встретит свою смерть.

Глава четырнадцатая

В темноте все выглядит крупнее и пахнет хуже. Пенопластовые пластины и массивные рулоны вощёной бумаги были сложены на прилавках. Пустые стеллажи, крючки мяса свисают с потолка, их кривые силуэты выглядят ещё более зловещими в лунном свете. Повсюду на кирпичных стенах были изображены плакаты с телами животных, изображающие различные сорта мяса. Плечи. Туловище. Поясница. Возле входа стояли два больших ящика, наполненные стейками и отбивными, завёрнутыми в целлофан.

Блисс сделала глубокий вдох и задержала дыхание так долго, как могла, желая, чтобы её напряжённые мышцы успокоились. Она зашла в этот мясной магазин, потому что её загнали прямо сюда. Краем глаза она видела, что Серебряный волк стоял в тени и наблюдал за ней, потом пушистое тело прокралось через заднюю дверь, и последовал внутрь.

Она кралась так тихо, как только могла по мокрому каменному полу. Нужно было скрываться где-то в темноте и ждать. Её глаза поймали мерцание света на расстоянии. В задней части магазина она заметила дверь.

В раздевалке оказалось мясо, которое раскачивалось, как перевёрнутый маятник. Так вот почему в комнате пахло кровью.

Она закрыла глаза, чтобы прислушаться. Концентрат. Он ударил ей в нос. Запах был отвлекающим. Когда Люцифер взял себе её тело и был её единственным контактом с внешней стороной, она обнаружила, что может слышать лучше тогда, когда закрывает глаза и из неё выходят другие чувства. Таким образом, даже, если бы она была единственным человеком, она бы привыкла к темноте. Люцифер учил её этому. Она слышала тиканье часов, звук трения шлифовального крючка по цепи, мягкий щелчок когтей по полу – точно зверь, мешкает. То там, то тут, едва заметен был звук чужого дыхания. Был кто-то другой в этой комнате. Кто-то другой, какое-то существо. Но где и кто?

Ужасный шум становился все громче, и Блисс услышала рычание, глубокое, первобытное и порочное, а затем звук дыхание стал громче, более отчаянным, вдруг, за дверью раздался крик. Блисс выскочила из своего укрытия и побежала на него.

Лязг!

Нож просвистел мимо неё и попал вправо. Она повернулась в его сторону, потом остановилась. Нож был уловкой, отвлечением. Гончая была позади неё, он пытался направить её подальше от двери. Она видела, как он смотрел на неё из тени, его жёлтые глаза горели. Разве он думал, что она такая глупая?

Она, может быть, больше и не имела способностей вампиров, но это не значит, что она была совершенно бессильна. Она была быстра. Она все ещё была скоординирована. У неё все ещё были скорость и мастерство обученного убийцы.

Зверь фыркнул, и его когти поскребли по бетону. Он был зол и готовился к прыжку. Блисс решила, сейчас или никогда. Она направилась по пути к открытой двери, карабкаясь на стол и распыляя десяток ножей по всей комнате.

Волк прыгнул, но она была быстрее, и, когда она достигла негабаритной двери, схватила ручку и, используя свой вес как стержень, развернулась так, чтобы успеть потянуть дверь за собой. Морозильная камера хлопнула с толстым, мокрым звуком всасывания, который удивил её, и заставил усомниться, что это была хорошая идея. Сколько здесь воздуха? Нет времени, чтобы беспокоиться об этом сейчас. Она взяла пару ножей, которые упали на пол, и вставила один в замок, чтобы дверь не открылась, в то время как другой засунула в задний карман.

Она слышала, как существо бросается своим весом на запёртую дверь. Он был больше и опаснее, чем она думала. Приручить гончую? Ей повезёт, если она выйдет отсюда живой.

Она посмотрела вокруг. Вокруг были дюжины трупов, свисающих с потолка. Воздух был прогорклым, металлическим. Она проложила путь через трупы животных к задней части комнаты, на звук прерывистого дыхания.

На полу лежало мясо, шкафчик и мальчик, не старше, чем она, прикованный к задней стенке морозильной камеры. Рядом с ним была разделочная доска и ленточные пилы. Кусок мяса с коркой из крови и ржавчины, качнулся над головой. Кафельные стены были забрызганы глубоким оттенком алого цвета. Кожа мальчика была синей, волосы облеплены грязью. Вокруг его запястий и шеи располагались уродливые красные пятна, он был связан тяжёлыми железными кандалами.

Боже мой, что же здесь происходит, задавалась вопросом Блисс. Ею живот взбунтовался. Если это было то, что они делают со своими жертвами, она не хотела думать о том, что Джейн переживает то же самое. Блисс наделась, что Джейн была ещё жива.

Блисс вздрогнула и по коже пошли мурашки. Теперь, когда она не была вампиром, её тело не контролировало свою температуру, как это было раньше. Но это был страх или холод, что вызвало ряд мелких ударов?

Она наклонилась, чтобы коснуться лица мальчика. Он был ещё тёплым, по крайней мере. Она положила нежную руку на его костлявое плечо.

– Все будет в порядке, – сказала она ему, и спрашивается, неужели она также говорила и о себе.

– Да, но это не так.

Его глаза ожили, и не успела Блисс и глазом моргнуть, как мальчик завернул в кулак её шею и прижал её к полу, колени блокировки схватили её за талию и держали её руки подальше от её тела. Его кандалы, как могла видеть сейчас Блисс, не были заперты.

– Кто ты? – Спросила она, выплёвывая слова, и с трудом отбиваясь от железного захвата мальчика.

Блисс повернула нападавшего, и с удивлением обнаружила, что она видела его лицо раньше. Это был мальчик, которого она видела в гломе. Мальчик с такими же плоскими жёлтыми глазами, как у гончей, которая следила за ней.

– Я думаю, правильный вопрос будет о том, кто ты? – Его голос был низким и с оттенком злобы. – Ты из преисподней, не отрицай это, иначе, зачем тебе носить это? – Сказал он, дёргая за тонкую верёвку из кожи, которая венчалась каменным сердцем. – Ты одна из шпионов Ромула!

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь, – сказала она, засунув руку в задний карман за своим скрытым лезвием. Её пальцы дрожали, когда она боролась, чтобы вернуть свою руку, она извивалась, её сердце билось слишком быстро.

Быстро, как вспышка, она попала ножом ему в бедро.

Он закричал от боли, и она смогла оттолкнуть его и стала карабкаться прочь. Но её свобода была недолгой, так как она почувствовала руку, которая обернулась вокруг её лодыжки и потянула её.

Она кричала, дико била ногами, но он был слишком силен. Прежде, чем она узнала, что происходит, он держал руки обёрнутыми вокруг её горла, снова.

Он начал выжимать дух из неё, и она запаниковала. Бороться, воевать, дышать – все было бесполезно, он был намного сильнее, но она смотрела на мальчика с жёлтыми глазами с любопытством, изображение мелькнуло у неё в голове.

Она видела, как Люцифер с отцом стоят внутри сложного дворца, окружённого великолепными колоннами из золота. Лихие тысячи были собраны, и Люцифер стоял на вершине мраморной лестницы, глядя на творение изысканной красоты. Это был человек, но он был выше человеческого мужчины, с определённым потусторонним великолепием, с дикими и свирепыми глазами, с теми же ослепительными золотыми глазами.

Изображение не из её памяти, а из Люцифера. Когда она была в плену его духа, когда он взял её душу, фрагменты воспоминаний отнесли её сознание. Вызванные случайными событиями, воспоминания вдруг попали в её голову. Она закрыла глаза, чтобы вспомнить сцену ещё раз. Она слышала, как Люцифер говорил. Язык был незнакомым, его слова суровыми и запутанными, но она знала, что может говорить их, как будто они были её собственными.

– Отпусти меня! – Воскликнула она на том же странном и иностранном языке.

Комната застыла, когда мальчик посмотрел на неё с удивлением. Он осторожно сжал и отпал, пялясь на неё в изумлении и растерянности, как будто он не мог понять, почему он отпустил её.

Но было слишком поздно, она потеряла слишком много кислорода; все стало черным. Блосс почувствовала, как жизнь уходит из неё.

Глава пятнадцатая

Лоусон вёл машину от мясной лавки по оживлённым улицам города и по старым гравийным дорогам. Гул шин утешал, как мягкий рёв морских волн, и, если он не был бы осторожен, это могло усыпить его. Девушка по-прежнему была на заднем сиденье. Малкольм сказал, что она в порядке, он пощупал пульс, и понял, что она проснётся достаточно скоро. Самый младший сидел рядом с ней и следил. Он узнал её имя из её удостоверения личности, которое нашёл в её сумочке.

Ловушка сработала. Малкольм замаскировался под волка и пошёл внутрь магазина, где Лоусон лежал в засаде. Он послал Эдона и Рейфа вперёд, чтобы защитить Артура, в случае, если она пришла со сворой Гончих. Но теперь Лоусон надеялся, что он не нанёс большой ущерб. Он хотел убить её. Но когда она заговорила с ним на древнем языке волков, слова, которые были потеряны для них из-за проклятия Люцифера, он узнал, что она не враг.

Говорить на Ролле каралось смертью. Таким образом, это означает, что возможно, только возможно, Блисс Ллевеллин была даже другом.

Он усиленно думал. Если она не была одной из людей Ромула, чего она хотела?

Почему она ищет их? Почему Окулюс показал ему тот образ? Его медленно осенило, он просил Окулюс, чтобы она показала ему Талу. Но вместо этого она показала ему Блисс. Должна была быть связь между девушками. Но что это было? Может Блисс должна привести его к Тале в некотором роде? Должны же быть причины, почему он показал именно её.

Не помогало то, что, когда он посмотрел на Блисс, его внутренности как будто превратились в желе. Окулюс замаскировал её красоту, и теперь, когда Лоусон больше не считал её своим врагом, то не был готов к её присутствию, даже тогда, когда хотел убить её.

Стремительно. Сильно. Болезненно. Он засунул это чувство подальше, он должен был игнорировать её. Он был не таким волком.

– Она проснулась, – отозвался Малкольм с заднего сиденья.

– Куда вы меня везёте? Кто вы, ребята? Что вы сделали с моей тётей Джейн? Что, черт возьми, происходит? – потребовала она.

– Лоусон сказал, что ты говоришь на Ролле. Это означает, что ты не причинишь нам никакого вреда. Он сожалеет о том, что произошло ещё в магазине. Я Малкольм, кстати, – сладко сказал Малкольм. – А это мой брат, Лоусон.

– Рада познакомиться с вами обоими, – сказала Блисс, в её тоне были саркастические нотки. – Теперь, почему бы вам не рассказать мне, куда вы меня везёте?

Лоусон поймал её взгляд в зеркале заднего вида.

– Я хотел бы рассказать, но мне нужно знать в первую очередь, кто ты. Я не знаю, что делать с тобой. Я думал, ты работаешь на Ромула, но ты говоришь на нашем языке, который означает, что ты не шпион, кто ты? Но я забегаю вперёд. Во-первых, что ты знаешь о Тале и где она?

Блисс нахмурила брови.

– Тала? Я не знаю, кто это, я никогда не слышала о ней. Я сказала вам, что я ищу мою тётю Джейн.

Сердце Лоусона замерло. У него было чувство, что это будет не так просто, как он надеялся, но была возможность, что Блисс может привести его к Тале, даже, если она не понимала этого сама. Он просто должен был выяснить, каким образом. Он прочистил горло.

– Следующий вопрос, кто ты? Ты не простая смертная.

– Я думаю, нет. Я была вампиром, – отрезала она. Он не ожидал, что она заговорит. Малкольм вскрикнул с заднего сиденья.

– Полегче, Мак, – сказал Лоусон, оглядываясь на Блисс. – Ты одна из падших.

Он не был доволен. У Падших не было друзей волков. Они оставили их на произвол судьбы, их проклятие. Волки сыграли свою роль в их истории, Артур сказал ему, но Лоусон не хотел в нем участвовать.

– Я была им. Это долгая история. – Она отвернулась.

– У меня есть время.

– Я думаю, что со мной что-то не так. Я убила себя. Или, по крайней мере, я убила вампирскую часть меня. Кем бы я ни была, я больше не та. Я сейчас просто человек.

И она ожидала, что он поверит в это? Он хотел смеяться.

– Никто не просто человек, тем более из падших.

– Может быть, ты прав, – сказала она. – Но это моя история.

– Не все это, – сказал он. – Почему ты искала нас?

Блисс остановилась, и Лоусон подумал, что это означало, что она собиралась солгать.

– Я точно не искала вас, – сказала она, наконец. – Как я уже сказала вам, я искала мою тётю Джейн. Её схватили, и я думаю, что это Гончие.

– Псы? Почему ты так думаешь?

– По тому, как её схватили.

– А как это было?

Она рассказала о номере: все разорвано, как будто острыми когтями, не осталось ничего целого, покрывала, шторы, постельное белье, подушки – все измельчено на кусочки.

– Повсюду была кровь, и странные отпечатки когтей на стене.

Лоусон почувствовал, как волосы на руках встали дыбом, когда он слушал её рассказ. Гончие приближались, захватывая жертв. Но почему? Кто была эта Блисс Ллевеллин, и какая у неё связь с Гончими? Был ли он по-прежнему прав, думая, что она приведёт его к Тале?

– Сейчас моя очередь задавать вопросы, – сказала она. – Кто вы?

– Я волк, – сказал он с гордостью. – Мы были когда-то Абиссус Прэториум.

– Преторианской гвардией, – прошептала она. – Стражи бездны. Хранители времени, защитники проходов.

– Ты знаешь нашу историю. – Он был доволен.

– Да, я знаю. Гончие Люцифера. Гончие ада, – прошептала она, и лицо её застыло.

– Никогда не зови нас таким именем! – взревел Лоусон.

Автомобиль свернул на обочину и остановился. Блисс была брошена на переднее сиденье, и кровь потекла с её лба. Она дрожала.

Лоусон повернулся и посмотрел на неё.

Малкольм съёжился.

– Лоусон, пожалуйста, – просил его брат. – Она не знает.

Блисс посмотрела на них сердито.

– Не знаю что? Вы волки, Гончие, все же, не так ли?

– Нет! – Лоусон покачал головой. – Никогда.

Он посмотрел на руль, на свои белые костяшки пальцев.

– Мои братья и я сбежали из стаи год назад, и мы прячемся до сих пор. Мы никогда не будем Гончими, я не могу помочь ему.

Он на мгновение подумал о Тале, что это были пустые слова, вспомнил всех своих друзей, которые все ещё остались позади.

– Мастера обращают волчат в адских псов на восемнадцатый день луны. Мы должны были бежать, пока не были превращены.

– Да, – сказала Блисс, и тон её голоса сказал ему все, что нужно знать. Она не верит ни одному слову.

Он завёл двигатель и направил машину обратно на дорогу, и никто не говорил, пока они не добрались до пещеры.

Глава шестнадцатая

– Артур говорит, что это пещера наша с 1960-х, – рассказывал ей младший мальчик – Малкольм. Блисс последовала за ними из машины внутрь темной пещеры. Она не видела, чтобы на данный момент у неё был выбор. Она была их заложником, даже, если Лоусон и все остальные не хотели в этом признаться. Она только надеялась, что он возьмёт её к Джейн, по крайней мере, они будут вместе. Блисс не была уверена, что его история не о церберах. Даже когда она была свидетелем его гнева, она знала, что он собирался сделать ей больно тогда в мясной лавке. Адские псы неконтролируемы, жестоки, и порочны – и да, это все был он.

Лоусон. Она ненавидела его за то, что не достаточно сильна, и даже, кажется, ревновала. Раньше она была вампиром, бессмертным, мощным, теперь она была просто обычной девушкой с ранеными ногами. Блисс была раздражена на себя, за то, что заметила его привлекательность, сильную челюсть, высокий лоб, густые, тёмные волосы. И он был убийцей – она видела это в его глазах. Он был опасным, жестоким. Она должна была бы наблюдать за каждым его шагом, но почему-то она рассказала ему так много о себе.

Лучше больше ничего не рассказывать, решила она.

Пещера была одним длинным пространством, свёрнутым в дугу, как серп луны, с импровизированной кухней в середине и несколькими разрозненными и тёмному подсобными помещениями в стороне. Блисс вошла.

– Артур сказал, что тогда они не заботились о сохранении природной красоты, вместо этого они постелили линолеум и все здесь переделали. Но у них есть некоторые интересные экспонаты в задних комнатах.

– Кто такой Артур? – Спросила она.

– Он вроде... заботится о нас, он переехал сюда после нападения. Думал, что будет безопаснее, если Гончие вернуться.

– Гончие? Они напали на вас тоже? Почему?

Блисс заметила, как Лоусон одарил брата тяжёлым взглядом, и Малкольм стих. Она оглянулась в новой для неё обстановке. Здесь пахло плесенью и пылью, они наполнили её нос. В пещере было холодно и влажно, как в подвале со сломанной паровой трубой.

– Мы вернулись, – сказал Лоусон, когда они приблизились к трём фигурам, сидящим у костра. – Это Блисс Ллевеллин. Мы нашли её в магазине. Вот Артур, – сказал он, указывая на старого джентльмена в углу, который мягко ей улыбнулся. – Это Рейф, – сказал он, указывая на коренастого юношу. – И это Эдон.

Блисс приветствовала их кивком головы. Ни один из них, казалось, не удивился, увидев её.

Они должны были знать о ловушке в мясной лавке. Она смотрела на четырёх мужчин. Существовало что-то дикое во всех из них, но что-то жестокое и прекрасное. Если Лоусон был красив, как пограничный ковбой, то Эдон был красив, как аристократ, со своими глубокими фиолетовыми глазами и золотыми волосами. У Рейфа была оливковая кожа и миндалевидные глаза, скроенный, как скала; его тело могло остановить грузовик Мака, но у него была милая улыбка.

Мужчины одеты ужасно. Их одежда была грязной, слишком маленькой или слишком большой, несоответствующей им. Малкольм был одет в жёлтую куртку с капюшоном, зелёные вельветовые брюки и розовые Крокс.

Рейф был одет во фланелевую рубашку и изношенные штаны от смокинга.

Эдон, со всей своей надменностью и отчуждённостью, был одет в глупую детскую футболку и шорты сёрфера. Вся их одежда была дырявой и изношенной, грязной и рваной. Даже благотворительный магазин не примет её, это было похоже на то, будто они нашли её в мусоре.

Рейф пожал ей руку, в то время как Эдон оценил её холодно.

– Так что, это экс-вамфир? – спросил Эдон. Его голос был красивым и мелодичным.

Блисс удивилась: откуда он мог знать?

Волки, должны быть, в состоянии общаться без слов, поняла она, возможно, использовали глом так же, как вампиры.

– Мне больше нравится думать о себе, как о человеке, – сказала она, еле-еле улыбаясь. – Так вы, ребята, волки, не так ли? Сбежавшие из ада, как сказал Лоусон.

– Лоусон говорит много вещей, – сказал Эдон. – Почему мы должны верить, что у тебя больше нет клыков?

– По той же причине, я полагаю, по какой вы не хотите делать работу дьявола, – парировала Блисс.

– Мы никогда не делали его работу. Мы убежали, прежде чем смогли причинить кому-нибудь вред. Не говори о том, чего не знаешь,

Эдон угрожал, его голос был низким и пугающее рычащим.

– Так что же это за имя такое Блисс?

Спросил Малкольм, меняя тему.

– Это фамилия?

– Нет, – она покачала головой. – Люди, которые вырастили меня, не были даже моими родителями. Блисс даже не моё настоящее имя. По крайней мере, не там, где это имеет значение. Я узнала, что моё настоящее имя Люпус Телиэль.

Малкольм одарил её любопытным взглядом.

– Люпус Телиэль. Волчий аконит.

– Да. – Младший обменялся взглядами с Лоусоном. – Часть тебя должна быть волком, но... но ты одна из падших, и это не имеет смысла, – сказал он.

Блисс не ответила. Были вещи, которые она не могла рассказать им о себе, о своей бессмертной части, и о том, что её отец был одним из них. Она не знала, как они отреагируют на то, что она была дочерью Люцифера, и не была уверена, что готова узнать.

– Это не намного лучше, чем Блисс, но что ты собираешься делать?

– Смени его, – ответил он. – Я имею в виду твоё имя.

– Это то, что ты сделал?

Малкольм поднял бровь.

– Твоё настоящее имя Маккон, верно?

– Откуда ты знаешь?

– Потому что Маккон означает «волк». Точно так же как Рейф. И Эдон. У всех вас есть волчьи имена. Кроме Лоусона, – сказала она, садясь так далеко от него насколько это возможно.

Малкольм улыбнулся.

– Я бы предпочёл называть меня Лоусоном, хотя меня зовут Ульф.

Все засмеялись, и Блисс обнаружила, что не может сдержать улыбку. Может быть, они говорят правду, может быть, они не были Гончими, в конце концов.

– Так что же теперь? Если у вас нет Джейн, и вы не адские псы, то почему я здесь? – Сказала она, глядя на Лоусона. – Из-за девушки по имени Тала? Я сказала тебе, что я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь...

Лоусон бросил ей бумажку, и она поймала её в воздухе.

– Что это? – Спросила она раздражённо, глядя на картину в её руке.

– Похищение сабинянок²? Какое это имеет отношение к чему-нибудь? – Она посмотрела на открытку, которая показывала знаменитую картину Николя Пуссена, изображение насильственной сцены в истории: группа женщин, взятых в плен римскими солдатами. Они вскинули свои руки в воздух и звали на помощь.

– Ой, извини, не тот, – сказал Лоусон, забирая открытку обратно и передавая ей другую картину. Потом она увидела, что это была фотография девушки. Она была маленькая, с простым, узким лицом, яркими голубыми глазами и розовыми прядями в волосах. Блисс подумала, что она показалась ей знакомой. Она видела эту девушку раньше, но волосы её были другими, и с ужасом она поняла, что эту девушку она видела в психиатрической лечебнице.

² Картина, написанная около 1637 года. Автор – известный французский художник XVII века. Оригинал картины находится в Лувре.

– Лоусон, – тихо сказала она. – Это Тала?

Лоусон собирался ответить, когда Малкольм вдруг наклонился вперёд, схватившись за живот, и его вырвало. В один момент мужчины встали, Артур бормотал заклинания, и Лоусон был наготове.

– Что не так? Что происходит? – спросила Блисс, чувствуя панику.

– Гончие, – зашипел Эдон. – Они здесь!

Глава семнадцатая

Прозвучал звук, похожий на треск кнута, и Лоусон рухнул на землю, из зияющей раны на его боку хлынула тёмная красная густая и вязкая река крови.

– Они нашли заклинание крови! – закричал Эдон, когда Рейф оттолкнул Малкольма, прикрывая его.

– Не смотри! – закричал Рейф самому младшему из них.

Артур работал неистово, шепча, махая руками над отверстием в туловище Лоусона. Лицо Лоусона стало серым, он не дышал, Блисс это видела. Она стояла, парализованная, пока Рейф не потянул её за руку.

– Давай! – Закричал он, ведя её в дальний конец пещеры. Он нёс Малкольма на спине.

Она услышала приглушённый вой издалека и подумала, что видела тени, которые не мерцали на стенах, когда они бежали вниз по длинной дорожке из камней, окружающих пещеру.

– Где они? – Спросила она, её сердце колотилось в груди.

– Если они вызвали заклинание крови, это означает, что они смогут сломать выступ. – Ответил мрачно Рейф. – Они будут здесь в ближайшее время.

– Черт, Лоусон в аду, – сказал Эдон.

– Ромул увидел его в Окулюсе. Это он привёл их к нам.

– Лоусон? – спросила Блисс. – Но почему?

Эдон проигнорировал её вопрос.

– Или, может быть, это была ты. Может быть, ты шпион, в конце концов.

Она хотела дать ему пощёчину.

– Остановись, Эдон! Лоусон говорит, что она говорила на Ролле. Она не может быть одной из них, – фыркнул Малкольм.

Они побежали так сильно и быстро, что Блисс сторбилась на мгновение от судорог ноги. Она потрясла её, Блисс раздражали эти человеческие ограничения. Когда они дошли до конца кривой, Рейф сказал несколько слов,

и в скале открылся проём. Потайная дверь привела к небольшому плотному коридору.

– Ты можешь видеть в темноте? – Спросил он.

– Я не знаю.

– Держись, – сказал он, и Блосс схватила его. Она могла слышать Эдона, крик Лоусона, он ещё не умер, Артура, выполнявшего свои исцеления, а затем услышала эхо мощной силы, громящей пещеру, трясая землю под их ногами. Её сердце билось миллион раз в минуту.

– Не волнуйся, они не смогут войти, не по этому пути, – сказал Рейф, когда раздался другой жёсткий стук, и земля загрохотала снова. Было такое чувство, как будто вся пещера на грани краха.

– Смогут ли они пройти через камень? – спросила она.

– Да. Но это замедлит их. Держись на этой стороне, – сказал он. – Или ты упадёшь с обрыва.

– А как насчёт Лоусона? – спросила она, удивляясь, почему она заботится только о мальчике, который только что пытался убить её. Она едва знала его, едва знала любого из них.

– Я не знаю, – сказал Рейф, и голос его охрип. – Он никогда не был таким. Он всегда заживал очень быстро, всегда.

Они бежали оттого, что чувствовалось за милую, позади них слышался стук шагов. Малкольм закричал, когда они увидели Лоусона. Он все ещё выглядел бледным, но через дыру в рубашке, которую она видела, его кожа выглядела гладкой, а кровь высохла.

– Это не было заклиниванием крови. Он все чувствовал. Это просто взрыв, – пояснил он, опираясь на Артура, который держал в руке факел и смотрел мрачно. – Но они разрушили выступы, как будто они были сделаны из стекла.

– Они получили силу, – сказал Артур. – Как жаль.

– Ты не чувствуешь их приближение, Мак? – спросил Лоусон.

– Не достаточно скоро. Нет, пока не стало слишком поздно. – Малкольм покачал головой,

Малкольм был готов ещё раз извиниться, но Лоусон прижал руку ко рту.

– Тссс! – никто не осмеливался говорить.

Блосс наблюдала за Лоусоном. Она сглотнула и затаила дыхание. В комнате стало очень тихо. Она слышала свой пульс, ощущала воздух вокруг своего лица и температуру в пещере.

– Четвёртое сердцебиение, – прошептал Лоусон.

– Внутрь.

Эдон кивнул.

– Я больше ничего не слышу.

– Скорее всего, разведывательные команды, – сказал Лоусон. – Спешите. Мы можем опередить их.

– Почему мы не можем прыгнуть? – Спросил Малкольм. – Соединим круг?

– Ты знаешь, почему. – Лоусон покачал головой. – Я не могу рисковать, опять же, не когда так мало времени. – Он сделал несколько шагов вперёд, прежде чем обернулся и замер. Его братья сделали то же самое, четыре мальчика, принохивались, как Гончие.

– Они нашли нас, – сказал Малкольм.

– Мы можем принять их, – сказал Лоусон.

– Артур, бери Мака и Блисс и спускайтесь вниз к машине. Не ждите. Мы встретимся там позже.

Он повернулся к Блисс, держа её за руку.

– Не позволяйте им прикоснуться к тебе, – предупредил он. – В противном случае ты попадёшь в ад с ними.

Тогда Блисс увидела синий полумесяц, появившийся на лицах мальчиков.

Но прежде, чем они что-либо сделали, адские псы вышли из стен с воем и кровью.

Глава восемнадцатая

Артур упал первым. Его колено согнулось под неестественным углом, он пошатнулся в сторону.

Его факел упал на землю, по-прежнему мерцал. Он застонал и попытался встать, но тёмная тень ударила его в челюсть, и он согнулся.

Лоусон оказался возле него в одно мгновение, отталкивая гончую подальше.

– Выходите! – закричал он. – Перестаньте прятаться в темноте, трусы!

Это его вина. Эдон был прав. Ромул узнал его, конечно, как и точное местонахождение. Или это Блисс привела их сюда? Он слышал: Эдон также обвинял её. Если она привела Гончих к ним? Он был смущён и зол, но не было времени, чтобы останавливаться на ошибках.

Рисуйте в воздухе фигуры там, где должны быть руки теней. Он прыгнул на гончую, но ничего не поймал, только воздух.

Он слышал, как его братья повторяют тот же танец, размахивая руками, борются с призраками, в погоне за призраками. Рейф кряхтел, Эдон проклинал, а Гончие окружали их. Самый большой из них пошёл прямо на Лоусона, но Лоусон увидел его, и сделал ложный выпад левой, а затем ударил, держа гончую удушающим захватом.

– Где Тала? – потребовал он. – Где она? Что ты с ней сделал?

Гончая улыбнулась жестокой улыбкой.

– Малышка? Она мертва, конечно. Мы убили её. Но сначала мы сделали ей больно. Мы сделали так, что она умоляла о смерти. Смерть была отчасти после того, что мы с ней сделали. Но это вы сделали. Ты убил её. Вы оставили её умирать. Вы оставили её гореть. Вернись к нам. Возьми кнут. Мантия твоя. Ромул простит. Приведи своих братьев.

– НЕТ! – Лоусон плакал, падая и выпуская гончую. Они оба упали в глуме, где ярость Лоусона превратила его в волка. Все они стали волками: Рейф большим, с чёрной шерстью и красными глазами, Эдон худощавый и золотым, с зубами, как бритва, – волками с красной маркировкой на шее, где ошейники когда-то душили их.

Лоусон рычал на Гончих, которые их окружали, они также превратились, пробиваясь через их человеческий аспект в звериную форму, с гладкой глянцево́й кожей, острыми зубами из слоновой кости и длинными серебряными когтями.

Он вскочил на ближайшего пса, оскалив зубы, ища крови. Крови и мести.

Он делал всё быстро, сломал шею двоим, разбив третьего о стену. Четвёртого. Остался только один.

«Где?» послал он.

Рейф покачал головой. Эдон прошёлся по камням. Он ушёл.

Потом он увидел её, она бежала к свету, к концу прохода. Блисс, Артур и Малкольм были далеко впереди, почти в самом конце. Но Блисс была медленной, не вампиром, как она сказала ему. Лоусон зарычал, оскалился, и побежал так быстро, как только смог.

Блисс упала, из её ноги пошла кровь. Она съёживалась от гончей – Лоусон мог видеть его форму, маячившую над ней, бросающую огромную тень. Его малиновые глаза блестели от ненависти.

Он заорал на гончую, и монстр повернулся к нему.

Цербер зарычал и бросился в атаку, разрывая когтями тело Лоусона, от шеи до живота, после чего он погрузился зубами в шею Лоусона и начал трясти его, как тряпичную куклу.

– Рэвэрто ут Абисус! Рэвэрто ут Обскуруми!

Лоусон обернулся и увидел Блисс, держащую в руке нож из мясной лавки. Её глаза горели, голос звонко произносил команды. Он затаил дыхание, ожидая, когда гончая смонтирует ещё одно нападение, человеческая девочка с кухонным ножом, как своим единственным оружием, – не чета Гончим ада, но, вместо этого, зверь съёжился от Блисс, визжа и поворачивая хвост. Тени отступили.

Он вернулся обратно в человеческую форму, и Блисс помогла ему подняться на ноги. Он истекал кровью.

– Кто ты, Блисс Ллевеллин? – Спросил он слабо. – Гончая испугалась тебя.

Наступила тяжёлая тишина, нарушаемая Рейфом и Эдоном оказавшимися теперь людьми. Оба были в крови от порезов, и тяжело дышали.

– Где гончая? – Спросил Рейф, выплёвывая зубы.

– Он ушёл, – сказал Лоусон. – Блисс сказала, ему уйти.

Эдон почесал затылок.

– Любопытно.

Мальчики посмотрели на неё, страх и подозрительность проснулись в их глазах.

The *New York Times* Best-Selling Author

MELISSA DE LA CRUZ

Волчий
Договор

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ ИЗ ЧЕТЫРЁХ

Мелисса де ла Круз

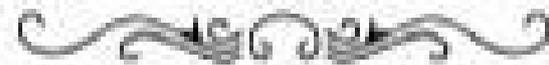
Волчий договор

ЧАСТЬ III

Я изменяю формы только, чтобы скрыться в этом месте, но я все ещё, я все ещё животное

– Mike Snow, «Animal»

Глава девятнадцатая

– Она говорила на священном языке, – сказал Лоусон. – Я не узнал его сначала, это было так давно, я слышал, как на нём разговаривали хозяева.

– У тебя, кажется, большой талант к языкам, – сухо сказал Эдон.

Блисс пожала плечами и выбросила нож, тёмный от крови пса. Она не собиралась отвечать на их вопросы.

Напряжённые, они стояли в кругу, пока Артур не вышел из темноты. Старик тяжело дышал и у него был порез на лбу, где Гончая ударила его, но он был в порядке. Он кивнул в сторону группы.

– Вы достали их всех? Хорошо. – Он кивнул Лоусону. – Мы должны сделать что-то, чтобы рана зажила или ты истечёшь кровью, – сказал он, указывая на зияющую рану в животе Лоусона.

– Не так уж плохо, – сказал Лоусон. Блисс скривилась, заметив рану. Его рубашка была пропитана кровью.

Лоусон начал протестовать, но Артур не слушал его.

– Малколм, собери исцеляющие мази. Рейф, Эдон, укрепите стены пещеры.

– Что вам нужно, Артур?– спросила Блисс.

– Помоги мне снять с него одежду. Я принесу тёплые компрессы, – сказал Артур, оставив их вместе.

– Ты не должна оставаться, – сказал Лоусон. – Я сам могу снять свою одежду.

– Это хорошо,– сказала Блисс. – Нет ничего, чего я не видела раньше, – отрезала она.

– Ты можешь удивиться,– сказал он. Она сняла с него рубашку, немного грубо, и ткань открыла царапины и раны.

– Ой! – вскрикнул он, прежде чем смог себя становить.

– Мне жаль, – сказала она. Она изо всех сил пыталась скрыть ужас на своём лице, когда увидела степень его травмы, продолжая раздевать его. Ей открылся страшный вид на сломанную кость, кожу и мышцы, кровь, застывшую в фиолетовом цвете.

Артур вернулся и рассмотрел раны. Он кивнул, пробормотал несколько слов под себя, и затем накрыл Лоусона.

– Очисти их, как сможешь, – сказал он Блисс. – Мне нужно собрать несколько вещей, прежде чем мы начнём.

– Ты сможешь? – спросил Лоусон.

– Я буду в порядке, – сказала она, но её голос звучал мягче. Сначала она вытирала его лицо, корки крови и гноя, грязь. Блисс чувствовала на себе его взгляд, когда она очищала тряпку, погружая её в тёплую воду. Вскоре кастрюля с водой была красна от крови. Её рука немного дрожала, когда она вытирала вокруг раны.

– Хорошо, – сказал он. – Почти не больно.

– Лгун, – тихо сказала она.

Артур вернулся.

– Лоусон, пришло время.

– Что? – спросила Блисс, останавливаясь с мокрой тряпкой в воздухе и стоя между Артуром и Лоусон, лицо которого стало ещё бледнее.

– Я иду жечь его, – сказал Артур, подтверждая его страх. – Для выщелачивания яда. Мне очень жаль, Лоусон, но она не может оказать помощь. Это единственный путь.

– Сделай это, – сказал он, выдыхая воздух со свистом.

– Вы собираетесь сжечь его? – спросила Блисс.

– Когти Адских псов отравлены серебром, которое медленно растворяется в крови, с ним раны не заживают. Мы собираемся выжечь его из крови Лоусона. Ты не захочешь видеть это.

– Я не хочу, чтобы ты видела это, – сказал Лоусон. Блисс покачала головой, без колебаний.

– Я не боюсь крови.

– Ты уверена? – Спросил Артур.

Она засучила рукава с определённым выражением на лице.

– Ты будешь нужна, чтобы помочь провести его вниз.

Огонь зашипел, когда попал в серебро, Лоусон боролся руками и ногами, крича в агонии, но Блисс держала его руки над головой, её ладони были красными и потными, от борьбы с ним, так что Артур смог сделать свою работу. Она обнаружила пренебрежение Лоусона его собственной безопасностью ужасным и героическим одновременно.

– Это работает, – сказала она, наблюдая за его гладкой и одновременно израненной кожей, словно горевшей огнём. Лицо Лоусона, исказилось от боли, он, наконец, перестал сопротивляться и его запястья ослабли. К концу её одежда покрылась грязью от крови, и пропахла дымом. Артур положил свои инструменты подальше.

– Должно помочь ему, – сказал он, оставив их обоих в покое. Лоусон обратился к Блисс.

– Спасибо, – прохрипел он. – Я знаю, что было не очень.

Она бросила ему рубашку и брюки и смотрела в сторону, пока он одевался. Она чувствовала себя ближе к нему, после этого; она видела глубину его страданий, и она больше не боялась его.

Это был мальчик, на которого она может рассчитывать, подумала девушка, он был достаточно сильным и мог бы нести бремя, не дрогнув или ослабнув.

– Так ты собираешься рассказать мне, что там произошло? Как получилось, что Гончие оставили нас в покое? – спросил Лоусон.

– Я не знаю.– Слабый ответ, она могла сказать, что он не купился на него. Но она не могла позволить себе рассказать правду. Пока нет. Она все ещё могла чувствовать сырое дыхание пса на себе. Она смотрела в те малиновые глаза, уверенная, что смерть смотрела на неё, и она отвернулась. Кто ты, Блисс Ллевеллин? Гончая боялась её.

Существовала только одна причина, по которой цербер оставил их в покое: он учуял след своего хозяина. Гончая Люцифера. Она была дочерью Люцифера. Она смогла убить дух своего отца внутри неё, но она все ещё была частью его плоти и крови. Гончая знала, кем она была. Гончая знала, что она была одной из них.

Если Лоусон узнает, если один из них узнает... Она знала, что никогда не сможет рассказать им. Они никогда не смогут узнать правду о ней. Лоусон тут же убьёт её без вопросов. Она видела, что он сделал с адскими псами. Она видела его рот красным от крови Гончих, которых он убил.

– Ты не знаешь, – повторил Лоусон. – Скажи мне правду: это же не началось с похищения твоей тётки?

– Нет, – Блисс покачала головой. Может быть, даже, если она не могла рассказать ему о своём отце, пришло время рассказать правду о чем-то другом. – Наша встреча не была случайной. Вы были отчасти правы... Я искала волков, но не для Ромула. – Она закусил губу. – Там в мире идёт война между нами... с серебряной Кровью... тоже демоны, как и ваши бывшие хозяева... и мои люди исчезают. Я была послана, чтобы найти волков, чтобы помочь нам. Моя мать сказала мне, что прежде волки были бойцами с демонами и что мы нуждаемся в вашей помощи, чтобы выиграть войну против Люцифера. Я должна привести ваш род, поставить к нам спиной... вступить в бой.

– А почему мы должны это делать? – спросил Лоусон. Так что это было частью игры, он понял, это было то, для чего Артур готовил его.

– Я не знаю. Я надеялась, что ты знаешь. Моя мать, она была той, кто все это установила, но она не сказала мне ничего за исключением того, что я должна найти тебя.

Лоусон нахмурил лоб.

– Артур сказал, что его друг говорил ему, что поможет нам... Он называл её Габриель.

– Лоусон, Габриель – Габриелла, одна из Архангелов. Аллегра ван Ален. Она моя мать.

Он уставился на неё.

– Ты дочь архангела.

– В наших учебниках истории, в нашем хранилище, говорится, что Гончие повернулись против своих хозяев, – сказала Блисс.

– Да. Но мы заплатили за это дорогой ценой. Люцифер наказал волков за непослушание. Мы были брошены в адский огонь, и он превратил нас в немногим больше, чем животных. – Лоусон выглядел мрачно и тоскливо. – Мы были когда-то в преторианской гвардии, хранители проходов, но теперь... мы ничто, кучка бойцовых Гончих.

Блисс покачала головой.

– Я не верю в постоянство проклятия, – сказала она.

– В противном случае... я бы отказалась давно. – Она содрогнулась. – Как Ромул причастен к этой истории?

– Он был одним из нас, он был нашим лидером, но он нас предал, продал нас демонам, для власти, чтобы выслужиться Люциферу, – сказал Лоусон.

Блисс почесала нос.

– Чёрт.

– Да.

– Я могу задать тебе вопрос? – спросила она.

– Все, что угодно. – Он улыбнулся, и Блисс улыбнулась в ответ. Они смотрели друг на друга долгое время, но, наконец, она вырвалась из его пристального взгляда.

– Твои братья... вы, ребята, не похожи друг на друга.

– Ты заметила.

– Ну... – Блисс рассмеялась.

– Мы не братья в обычном смысле, – сказал он. – Мы не имеем общих родителей. Волки даже не знают своих родителей. Нас забирают от наших матерей, как только мы рождаемся. Но мы братья. Мы заключили договор друг с другом. Это похоже на противоположность проклятья – Анти-проклятье. – Блисс улыбнулась. Ей понравилось, как это звучит.

– Лоусон, девушка на фото, Малкольм упоминал её, Гончие схватили Талу, не так ли?

– Да.

– И она была особенной для вас.

– Да.

Блисс скомкала край своей рубашки.

– Я понимаю. Ещё до того, как Гончие взяли тётю Джейн, я потеряла кое-кого тоже.

Его имя было Дилан Вард, подумала она. Она любила его, с первого взгляда, в первую ночь в клубе, когда все случилось, когда её жизнь изменилась.

Она все ещё могла видеть его тёмные волосы и тёмные глаза, освещённые пламенем, он протянул к ней руки. Это было так давно. Дилан, подумала она, и она почувствовала, как слезы в её глазах появляются снова. Я скучаю по тебе. Он был её вида и её побег от того, что длилось в тот страшный год, когда она была в плену в своём уме. Он помог ей, и она освободила его. Она любила его всем сердцем и душой, но он ушёл.

– Он не вернётся? – тихо спросил Лоусон.

– Нет. Он ушёл. Он сейчас где-то в другом месте, лучшем. – Блисс посмотрела на него пустыми глазами. – Я должна его отпустить.

Лоусон взял её руку в свою.

– Я не могу. Я знаю, Тала там. Я знаю, что могу её найти. Я знаю, что могу спасти её.

– Да, ты можешь, – сказала Блисс, её глаза сияли. – Потому что я знаю, где она находится.

Глава двадцатая

Артур Бошам настаивал, чтобы они остались.

Четыре мальчика и Блисс отправились в своём потрёпанном фургоне. Старый колдун выглядел хрупким, но решительным перед своей пещерой. В лесу было тихо, не было признаков сражения, которые бушевали ещё в середине ночи.

Лоусон почувствовал, что его раны заживлялись под повязкой, но его грудь болела и по другой причине. Он вспомнил, что видел старика на скамейке в парке годом ранее. Как страшно им было, и как освобождённые, в поисках помощи, они нашли, наконец, жилье, образование, рекомендации. Артур был больше, чем их опекуном, он был другом.

– Пойдём с нами, – сказал он снова.

– Нет, мой мальчик, когда они поймут, что произошло, Гончие вернутся в большем количестве. Я задержу их здесь так долго, как смогу, – сказал Артур.

– Кроме того, я не без подкрепления. – Он достал палочку из кармана пиджака. Она была из чёрного дерева и из кости. Драконьей кости, колдун объяснял это однажды. Древняя магия, старше преисподней, сотворённая до того, как земля была сформирована. Она сияла в полумраке, сверкая искрами. – Я думаю, что в последнее время я перешёл ограничения.

– Артур, я не могу просить вас сделать это, – сказал Лоусон.

– Ты не проси меня. Кто-то это уже сделал, – сказал Артур с усмешкой. Он повернулся к Блисс. – Я обязан твоей матери. Да, я увидел ваше сходство. У тебя её глаза. – Он поднял палочку, сделав дугу в воздухе. – Мне не удалось помочь ей однажды, много лет назад. Во Флоренции, когда она нуждалась в друге. Я сказал ей, что хотел бы сделать что-нибудь для неё, я сказал ей, что она может попросить о чём-угодно и я это сделаю. Это было моё обещание. Я держал бы вас ребята в безопасности.

– Прощай, Артур, – сказала Блисс.

– Лоусон, мы должны идти.

Лоусон завёл двигатель. Малкольм махнул рукой. Эдон и Рейф кивнули в знак прощания.

Артур махнул белым платком.

– Если повезёт, мы должны встретиться снова однажды. Лоусон, не забывай, что я рассказал тебе о проходах. А теперь оставь меня.

* * *

Больница не была далеко. Лоусон не мог поверить, что Тала была так близка. Он никогда бы не оставил её. Было ли действительно это легко? Были свои мечты должны быть выполнены в ту ночь?

– Вот оно, – сказала Блисс, когда они прибыли к четырёхэтажному зданию на вершине холма. Лоусон оставил фургон на стоянке. Двери больницы закрыты на ночь. У входа лишь сонный охранник, который, казалось, не заметил припаркованный фургон в дальнем конце стоянки.

Лоусон выключил двигатель.

– Рейф, Мак, вы, ребята, оставайтесь здесь. Эдон, пойдём со мной. – Было бы безопаснее, если бы это была просто небольшая команда, и у них с Эдоном всё получится. Он вёл их к заднему входу, когда он остановился.

– Что это? – спросил Эдон шёпотом.

Лоусон указал на бронзовый крест, красовавшийся на двери больницы, и название клиники: психиатрическая клиника Святого Бернадетта. Его сердце начало биться бешено в груди, разрываясь с надеждой. Если Тала была жива и невредима, если ей удалось избежать Гончих, она бы искала убежище в таком месте, святом месте, куда Гончие никогда не могли войти. Место, где она будет в безопасности.

– Дерьмо, – Эдон выругался.

– Что это с ним? – Спросила Блисс.

– Да ничего, он просто немного раздражён, ведь он не может войти внутрь, – объяснил Лоусон.

– Святой Бернадетт? – спросила Блисс.

– Да святая земля, – объяснил Лоусон. – Закрыта для ада.

– Я буду ждать снаружи, – сказал Эдон. – Полегче там. У нас было достаточно фейерверков.

– Как же ты можешь войти? – спросила Блисс Лоусона, оставляя заднюю дверь открытой.

– Незнайка. Я просто могу. Я обнаружил это случайно, когда увидел в церковной кухне суп. Остальные мальчики не могли переступить порог, но я пробрался гладко, как по маслу. Может быть, кто-то любит меня там, – сказал он, толкнув дверь, и тогда они оказались внутри. – Я отключил сигнализацию, не волнуйся. – Он остановился у подножия лестницы. – Ты помнишь, где она была?

– Номер пятнадцать. Я думаю, это на третьем этаже.

Но это не так. В больнице лабиринт одинаковых коридоров и комнат, и, в довершение всего, несколько пятнадцатых комнат. Ни в одной из них не держали Талу. Хотя в каждом коридоре находились посты медсестёр, у них удалось передвигаться незамеченными.

– Я сожалею, всё выглядит таким одинаковым, может быть, её перевели? – предположила Блисс, нервно оглядываясь.

Он последовал за ней по коридору, который привёл их далеко от основной части больницы.

– Это он! – Сказала она взволнованно, когда они наткнулись на комнату с табуретом охранника перед ней, но самого охранника не было. И когда Лоусон открыл дверь, в комнате было пусто. Но он чувствовал присутствие, которое было странным и знакомым в то же время. Тала?

– Это была её комната? – Спросил он.

– Я так думаю, – ответила Блисс.

Это не правильно. Это не тот аромат. Но, возможно, это было слишком давно... Может быть, Гончие изменили её... Он не мог дышать.

Слишком многое поставлено на карту.

– Что это такое? Что не так?

– Я не уверен... – Он прошёлся по комнате ещё один раз, а затем повернулся к Блисс.

– Следуй за мной.

Он ударил дверь и бросился по коридору, задевая прошедшую медсестру так быстро, что она уронила поднос.

– Извините!

– Эй! Вы не можете находиться здесь! – Медсестра закричала, но он был уже на лестнице. Он повернулся, чтобы убедиться, что Блисс следует за ним. Она спускалась по лестнице вниз.

Направо. Он поймал запах снова из вентиляционных каналов и отслеживал его по длинному коридору, потом остановился у самых дальних дверей.

– Здесь, – сказал он. Он положил руку на ручку двери. Она не была закрыта. Он вошёл внутрь.

Там на кровати оказалась девушка. Она была подключена к линии капельниц и спокойно спала.

Лоусон подошёл к ней и посмотрел на спящую девочку. Её волосы выглядели по-другому, её кожа была так бледна, она была полупрозрачная, она выглядела полумёртвой.

– Что они с тобой сделали?

Рядом с ним Блисс читала этикетки на сумке с жидкостями, прикрепленными к руке девушки.

– Она под сильным успокоительным. Наверное, поэтому больше нет охранников, нет необходимости в замках.

Конечно, нет, подумал Лоусон. Нет необходимости в замках, они кормят её допингом. Ей, должно быть, вкалывают очень большие дозы.

Он чувствовал, Блисс, она положила руку ему на плечо.

– Это хорошо, – сказала она. – Тала будет в порядке, мы заберём её отсюда. – Он покачал головой и схватил металлические решётки на кровати так сильно, что костяшки пальцев побелели.

– Лоусон... В чем дело?

Девушка открыла глаза. Её ярко-голубые глаза были цвета неба, но её голос стал насмешливым.

– Кажется, он ожидал кое-кого другого, – произнесла она.

– Ахрамин, – сказал он. Девушка в кровати была Гончей, на расстоянии вытянутой руки.

Ахрамин. Он смотрел на неё, не верящим взглядом, но не было никакого сочувствия в её глазах. Она яростно сражалась с ним, и она победила. Она погрузилась своими зубами в его шею. Его подняли за волосы, показали его белое горло Ромулу, разорвали его, полоснули зубами, от уха до

уха, но пощадили, и Лоусон был в состоянии жить. Но Тала была права, думал Лоусон. Я позволил ей победить. Он не мог убить её, Ахрамин, одну из его стаи. Он был застигнут врасплох и был побеждён. Он позволил Ахрамин жить, думая, что он принёс жертву. Он был готов встретиться со своей смертью. Как он мог предвидеть, что сделать это, будет означать, что в один прекрасный день она развяжет силы Ада, направив их на его стаю и уничтожит его единственный дом, который он когда-либо знал?

Глава двадцать первая

– Кто такая Ахрамин? – спросила Блисс.

– Скажи ей, Лоусон. Скажи ей, кто я такая. Это то, как они называют сейчас вас, не так ли? Лоусон? Странное название. Но опять же, вы всегда были немного другими, – сказала Ахрамин. – Приятно видеть тебя снова, сожалею о том доме. Он выглядел... уютным.

Лоусон сжал челюсти. Он проигнорировал её и ответил Блисс.

– Она была одной из нас. Сестрой Талы. Но они поймали её, когда мы бежали из ада...

– И они превратили меня в одну из них. – Ахрамин посмотрела на Блисс. – И снова здравствуй. Так ты нашла волков вместо Гончих? Интересно. Я думала, что ты вернёшься.

Ахрамин действительно была похожа на Талу, она была такая же, с миндалевидными голубыми глазами и светлой кожей, то же длинное лицо. Но у неё не было круглых щёк и красивой улыбки Талы. Ари была худой и напряжённой. Она была львицей, готовящейся к прыжку. Опасной. Ненадёжной.

– Ты дьявол, – на выдохе сказала Блисс.

Она должна была узнать это с самого начала, в страхе, который окружал комнату, по странным вещам, что случилось с медсёстрами, дворниками.

– Не совсем. – Лицо Ахрамин изменилось на то, которое недавно видела Блисс. – Ты должен мне поверить, Лоусон, я больше не гончая. И даже не волк. Я не могу с этим ничего сделать. Когда я не привела вас к нему, Ромул сломал мой ошейник. – Она опустила платье, чтобы показать им зубчатые черные линии вокруг её шеи, отпечаток ошейника, который раньше был там. – Он оставил меня в этом доме, чтобы умереть, оставил меня умирать в огне.

– Она Адская гончая, Лоусон, – предупредила Блисс. – Она, возможно, когда-то была твоим другом, но не сейчас.

– Ты не можешь оставить меня здесь! – плакала Ахрамин. – Ты оставишь меня снова после всего? – Сказала она, бросив ему вызов. – После моей жертвы?

– Лоусон! – с ужасом произнесла Блисс, смотря как Лоусон двинулся к Ахрамин и начал развязывать путы с её ног. – Подумай об этом! Ты сам так сказал: нет пути назад после изменения. Ты не знаешь, на что она способна!

Но Лоусон проигнорировал её, хотя Ахрамин, казалось, не нужна никакая помощь, она сорвала иглы и вырвала запястья из своих пластиковых оков, казалось бы, без усилий. Она благодарственно кивнула Лоусону и вышла из комнаты, держа свой больничный халат плотно закрытым. Она шла с гордо поднятой головой, как королева.

– Куда? – Спросила она, когда они вышли в коридор.

– Вот, – указал Лоусон на заднюю лестницу. Он казался каким-то запуганным. Блисс не знал, что с этим делать. Может быть, он был контуженный, может быть, он делал это только из чувства вины. Но нет, казалось, никаких разговоров он не примет.

Медсестра пыталась остановить их, но Ахрамин лишь ухмыльнулась.

– Я на прогулку.

Если было так легко выйти, почему она не сделала это раньше? Почему оставалась здесь? Потому что это было единственным местом, где она была в безопасности от Гончих, объяснил Лоусон. Освящённая земля. Благословенное пространство.

Когда они вышли из больницы, Ахрамин остановилась как вкопанная. Эдон, вздрогнув от шума, обернулся и посмотрел прямо на неё.

– Ари... О, мой Бог, Ари...

Ахрамин моргнула. Эдон нерешительно приблизился к ней, формируя полуулыбку на губах. Но улыбка исчезла, когда он увидел жёсткий, закрытый взгляд на её лице.

– Ари, я так сожалею.

– Прибереги свои извинения, Эдон, – сказала Ахрамин, её голос был холодным и плоским. – У меня нет необходимости тебя слушать.

Эдон застыл, его лицо покраснело, как будто она только что дала ему пощёчину, и Блисс поняла это. Что бы ни было между Эдоном и Ахрамин, оно закончилось.

– Как нам выбраться отсюда? – спросила Ахрамин.

Эдон остался замороженным, статуей, поражённой и потерянной.

– Вы, ребята, ждите здесь.

– Я пойду с тобой, – поспешно сказала Блисс. Она побежала за Лоусоном. – В чем дело, Лоусон? Почему ты позволил ей выйти оттуда? Ты не знаешь, говорит ли она правду. Ты уверен, что всё делаешь правильно?

– Я не могу отказаться от неё. Она была главой нашей стаи, – ответил он. – Она превзошла меня в испытаниях. Она была нашей альфой.

– Ну, альфа-гончая или нет, – сказала Блисс, – она настоящая сука.

Ахрамин была добрее и мягче по отношению к Рейфу и Малкольму.

Она взъерошила волосы младшего и улыбнулась Рейфу. Они забрались обратно в фургон и решили найти ближайший кемпинг, Блисс сидела между Эдоном и Ахрамин, которые едва сказали слово друг другу, Лоусон и Рейф спереди, а Малкольм между ними, в то время как Рейф был за рулём.

– Ребята, как вы загуляли с вампиром? – спросила Ахрамин, закуривая сигарету.

– Ты же знаешь, что она не вампир?

– Я человек, – сказала Блисс. Где же Ахрамин нашла пачку сигарет? Она вышла из больницы без ничего, но она захватила кожаную куртку Эдона. Блисс нахмурилась. Она видела, девушку любили раньше. Она не собиралась позволить ей оттолкнуть всех, альфа она или нет. – Ты ничего не знаешь обо мне.

– Блисс привела нас к тебе, без неё мы никогда не нашли бы тебя, – сказал Лоусон. – Ты обязана ей.

– Раз ты так говоришь. – Ахрамин пожала плечами и шумно кашлянула.

– Как же ты выжила? – спросил Лоусон Ахрамин, поворачиваясь, чтобы обратиться к ней напрямую. – Мы все знаем, что происходит с гончей без ошейника.

– Что происходит? – хотела знать Блисс.

– Они умирают, – весело ответила Ахрамин. – Это очень ужасно. Ошейник становится частью души пса, поэтому, когда его снимают, это все равно, что разрыв сердца.

– Почему тогда ты здесь? – резко спросила Блисс.

– Может быть, это потому, что я удержала небольшую часть себя, даже после изменения, – тихо ответила Ахрамин. – Все, что я знаю, это, когда я проснулась, я не была мертва. Потеря ошейника убила бы гончую, но, возможно, это потому, что я никогда не была полностью гончей. Когда они превратили меня, я боролась с преобразованиями, и как я думаю, моя душа помогла мне. Конечно, когда смертные нашли меня, Красная Кровь отправили меня в психушку. Они сказали, что я сошла с ума и, возможно, так

и есть после всего, что произошло. – Она снова закашляла, скрипучим, ужасным удушьем.

– Целая история, кажется, ужасно удобная, – сказала Блисс.

– Я верю тебе, – прервал Лоусон.

Что он делает? Блисс хотела ударить его. Он принял Ахрамин без вопросов, это было невыносимо. Она не понимала его, и почувствовала укол ревности. Он хотел убить её, но с Ахрамин – Адской гончей – он был столь же запуганным, как щенок.

– Но ты хочешь узнать о Тале, – холодно сказала Ахрамин.

– Да. – Воздух в фургоне стал напряжённой.

Блисс могла сказать, как трудно было для Лоусона говорить об этом. Он был наполнен надеждой в больнице, и теперь его надежды рухнули на камни. Спокойно, подумала она. Спокойно.

– Прежде чем я расскажу вам, что случилось с моей сестрой, прежде всего, позвольте мне рассказать вам о превращении, – сказала Ахрамин.

– Никто никогда не говорит нам, что происходит на самом деле, когда они превращают нас в Гончих. Они сдирают с нас не только кожу, но и душу. Они заставляют нас забыть всё. Они погружают ошейник в наше тело, так что серебро оказывается внутри и становится частью нашей крови. Вот почему все Гончие имеют серебряные глаза. Яд становится частью нашего тела. Мы становимся ядом.

Эдон издал приглушенный звук и попытался через Блисс положить руку на плечо Ахрамин, но она нетерпеливо пожала плечами, словно желая показать, что не нуждается в утешении.

– Тогда мы слышим голос. Голос Ромула в нашей голове. В наших снах. Он становится частью нас. Это... неизбежно. Знаете ли вы, каково это, быть рабом чужой воли?

– Да, – коротко сказала Блисс, думая только о том, как Люцифер использовал её.

– Я делала это. – Проигнорировала её Ахрамин. – Они не заставили меня предать вас с самого начала. В начале, я была просто гончей на поводке. Наконец, они сказали, что время пришло. Они хотели знать, как мы сделали это, и где они могут найти вас. Они пытались сделать это без меня, конечно, что не увенчалось успехом. Теперь они хотели моей помощи. Я должна была выследить вас и вернуть, или Ромул сорвал бы мой ошейник. Какое-то время, как я уже сказала, я до сих пор помнила достаточно своей жизни, так что я была в состоянии противостоять им.

Она бросила сигарету в окно и закурила ещё одну.

– Но я не выдержала. Это было слишком болезненно. Вы знаете, что они делают, вы знаете, какие они. У меня не было выбора. Я согласилась отвести их к вам. Мы искали вас повсюду. Наконец я почуяла ваш запах. Вы засиделись в одном месте.

– Тала... Мне нужно знать, что случилось с Талой... – прервал Лоусон.

Но Ахрамин продолжила свой монолог.

– Итак, она стала вашим помощником. Я думала, что может произойти после того, как она сбежала с вами. Тем не менее, она была такой простой... ты даже не замечал её раньше. Ты никогда не заботился о ней в подземном мире.

– Что с ней случилось, Ахрамин? Что они сделали с ней?

– Они сделали то, что вы можете себе представить. – Она пожала плечами. Как будто это ничего не значило. Но её глаза блестели от слез.

Блисс видела спадающие плечи Лоусона на переднем сиденье. Она посмотрела на темноволосую девушку рядом с ней.

– Перестань мучить его. Ответь на вопрос. Что с ней случилось?

– Она умерла? Тала мертва? – спросил Лоусон охрипшим шёпотом.

– Нет, – Ахрамин выпустила ещё одно колечко дыма. Оно задержалось в воздухе над ними до рассеивания, заполняя фургон едким запахом. – Она сейчас с Ромулом.

Глава двадцать вторая

Блисс предложили оплатить гостиницу. После всего, что произошло, всего, что они узнали, казалось, это было слабым утешением, но необходимым. В фургоне после разговора с Ахрамин, никто не говорил; Лоусон казался сбитым с толку, с поседевшими волосами, пустыми глазами, будто бы он был расстрелян, мёртв. Блисс взяла власть в свои руки, кто-то же должен был; Эдон – так же бесполезен, как и Лоусон, а Рейф и Малкольм выглядели слишком напуганными. Она разместила мальчиков в своей комнате, а Ахрамин в другой. Бывший Цербер – Блисс всё ещё сомневалась. Все казались немного покорёнными её реакцией на новости и едва сказали слово Блисс перед сном. Через несколько часов ей так и не удалось уснуть. Блисс выползла из комнаты, думая, что могла бы погулять в холле отеля, попытаться найти что-то, что отвлечёт её от мыслей.

Прошло ли всего два дня с того момента, когда она была с тётей Джейн? Как возможно так много пережить за короткое время: встреча с мальчиками, нападения Гончих, поиск и нахождение Ахрамин вместо Талы? Блисс даже не была уверена, что будет дальше. Она должна была найти способ, чтобы найти тётю. Но мальчики и Лоусон, что будет с ними и с ним?

Согласится ли он сделать так, как она просила?

Согласится ли он присоединиться к вампирам и бороться за них?

Было уже несколько часов за полночь, и этаж был пуст. Даже на ресепшене никого не было. Её шаги отдавались эхом по коридору. Вестибюль оказался стандартным для отеля среднего класса, с камином посередине и удобными креслами и диванами вокруг.

Она подошла ближе к тлеющим уголькам в камине.

– Не можешь уснуть? – спросил голос.

Она повернулась, и увидела Лоусона, ссутулившегося на диване. Он пил из открытой бутылки водки.

– Ты всё это выпьешь? – спросила она.

– Только если ты поможешь мне, – ответил он.

Он явно был навеселе, глотая слова, с налитыми кровью глазами. Но его тёмные волосы спадали на глаза, и он все ещё выглядел невероятно сексуально.

– Лоусон... – начала она, но он перебил её.

– Пойдём. У меня где-то есть закуска. Так её называют? Закуска? Чтобы перебить вкус алкоголя. Хотя, зачем кто-то хочет закусывать. Во всяком случае, есть апельсиновый сок... – Он слабо махнул рукой.

Блисс заняла место рядом с ним. Напиваться не было никакого смысла, но как можно реагировать на такие новости? Его боль распространялась по лицу. Он был похож на призрак, все жизненные силы угасали, печаль и горе проявилось в его сгорбленной походке, его глаза закатились. Она потянулась за бутылкой водки и сделала большой глоток.

– Моя девочка, – сказал он, хлопая её по плечу.

– Остановись, – сказала она, чувствуя, что у неё немного кружится голова.

Алкоголь не имел никакого влияния на неё прежде, но она забыла, что сейчас человек.

Она положила бутылку и повернулся к нему.

– Может, ещё есть надежда, – предположила она.

– Нет, – ответил он, прерывая её. – Ромул никогда не отпустит её. Теперь, когда он знает, что она значит для меня.

Он схватил бутылку и сделал глоток.

– Я оставил её в опасности... Я никогда не должен был оставлять её. Это все моя вина.

– У тебя не было выбора, и она хотела бы, чтобы ты ушёл, чтобы выжил, – возразила она, напомнив ему о том, что он сказал ей о той роковой ночи. Она отставила водку подальше от него. Лоусон покачал головой.

– Я эгоист... Я пошёл в Окулос... Гончие могли убить нас всех сегодня вечером... и... и...

Он начал икать и упал вперёд на руки, все его тело дрожало.

– Я подвёл её. Я практически оттолкнул её от себя... кто знает, что он сделал с ней... убил её... Может быть, он превратил её в гончую... Может быть, она умерла от превращений...

– Мне очень жаль, – прошептала Блисс. – Мне очень жаль.

Она обняла его и прижала к груди, почувствовала, как его слезы заливают её одежду. Ей было больно видеть его таким уничтоженным.

– Мне очень жаль, ты не заслуживаешь этого, – сказала она, и, не думая стала целовать его голову, волосы. Она просто хотела заставить его чувствовать себя лучше, избавить его от боли.

Лоусон обнял её спину и привлёк к себе, а потом они целовались, и его слезы падали на её лицо, но он целовал её так страстно, будто был разбужен, вдохновлён. Она целовала его в ответ так же отчаянно, как он целовал её. И его руки снимали её халат, и она таяла в нем, снимая рубашку через голову, и её ладони были на животе, его скульптурном животе...

И все же он целовал её, её шею и стонал. Она заметила, что он перестал плакать, и ни один из них не думал об Ахрамин или Тале или ком-либо ещё. Он начал расстёгивать рубашку, когда она потянула кнопки на джинсах. Он навис над ней, и посмотрел на неё, по-настоящему посмотрел, его золотистые глаза смотрели прямо на неё. Она поняла, что он не был пьян, и она тоже не была. Они оба были совершенно трезвы, и они оба хотели этого, хотели друг друга так сильно.

Она притянула его к себе, притянула ещё ближе. Она хотела почувствовать его тепло и силу. И она хотела, чтобы он... она хотела, чтобы это произошло... но...

– Подожди, – сказала она. – Подожди.

Только не так, подумала она. Только не так.

Это было бы слишком просто, слишком легко притвориться, что это ошибка, несчастный случай.

Потому что он только что узнал о Тале, потому что они пили. Она любила его слишком сильно.

– Подожди, – повторила она.

Он упал на неё, его тело соприкасалось с её, и положил голову на стиг её шеи. Она чувствовала его дыхание на своей коже: твёрдое, рваное дыхание, как тепло между ними начало остывать.

– Ты права, – сказал он. – Мне очень жаль... Я не хотел...

Ничего больше не сказав, он отстранился от неё, и ушёл, не сказав ни слова, не оглянувшись назад, и даже если это была её идея, остановиться, Блисс чувствовала себя одиночкой, сидя перед камином, с давно остывшим пеплом. В комнате подмораживало, но она не заметила этого. Тело Лоусона было настолько тёплым.

Он исчез так быстро, что на мгновение она не понимала, действительно ли что-нибудь произошло между ними, или же это только мечты.

Глава двадцать третья

На следующее утро группа собралась в фургоне, потягивая из чашек тёплый кофе и жуя бесплатные пончики со шведского стола отеля. Блисс кивнула Лоусону, а он кивнул в ответ, отсалютовав чашкой. Она была полна решимости оставить все позади и забыть о том, что произошло накануне вечером. Они оба были очень пьяны, не так ли? Это было всему причиной. По тому, как он вёл себя, он чувствовал то же самое. Часть её была раздражена. Ей хотелось какого-то знака от него, что предыдущая ночь имела значение, хоть какое-то, но он просто выбросил её из головы.

С другой стороны, что же она на самом деле хочет от него? Отношений? Это было бы слишком рано для них обоих. Сейчас она это поняла. Кроме того, что произойдёт, если он узнает, кто она на самом деле? Было бы лучше просто забыть обо всем этом. Они сделали ошибку. В то утро она купила им всем сменную одежду в магазине подарков, и, конечно, Ахрамин по-прежнему выглядела хорошо, даже в глупой туристической футболке и шортах. Она держалась в середине группы, а мальчики ловили каждое её слово.

– Что происходит? – прошептала Блисс, идя рядом с Малкольмом. Ахрамин и Лоусон, казалось, были центром группы.

– Ахрамин рассказывает новости, – ответил Малкольм. – Но Лоусон не уверен, что они правдивы.

– Какие новости? – поинтересовалась она.

– Ты сказала, что знаешь о преторианской гвардии? – спросил он.

– Да, немного, – сказала она. – Хронометристы, солдаты императора, что-то в этом роде?

– Что-то вроде этого, – кивнул Малкольм. – Это то, что они поручили нам в Риме, но их происхождение гораздо раньше. Давным-давно, когда мир впервые был создан, древние волки охраняли проходы – тёмные дороги

между временем и пространством. Мы охраняли границы между мирами и границы пропасти. Но в последние дни империи, охранник был повержен серебряной Кровью императора Люцифера, который назывался тогда Калигулой. Тёмный Принц использовал волков, чтобы найти пути мёртвых, чтобы он мог освободить демонов из преисподней и удерживать власть над землёй и адом. Когда мы поняли, что он хочет сделать, мы сделали все, что было в наших силах, чтобы Михаил и его Ангелы смогли построить Врата Ада. Но во время кризиса, нас предал Ромул, наш любимый генерал, который доставил нас к Люциферу. Он поработил нас и превратил в Гончих в качестве наказания за неповиновение. Прежде, чем мы были прокляты, мы были способны уничтожить время и воспоминания из проходов, чтобы держать их в безопасности.

– Правда, прежде чем мы бежали из ада, Лоусон слышал, что Ромул нашёл что-то важное. Мы заметили, что он стал носить амулет на шее, серебряный и блестящий. Ходили слухи, что это был хронолог, что один из нашей стаи нашёл его.

– Что это? – спросила Блисс. – Это как часы?

– Вроде того, это инструмент, который использовали древние волки, чтобы путешествовать во времени, пережиток старой империи, – кивнул Малкольм.

– Он проведёт через проходы. У всех охранников раньше это было частью арсенала, – вздохнул он. – Во всяком случае, ходили слухи в подземном мире, что Люцифера интересует не только середина мира, что он планирует штурмовать Врата Рая. С Хронографом, если Ромул когда-нибудь найдёт вход в проходы, Тёмный Принц смог бы контролировать само время, и стать мастером всего творения.

– Этого не должно случиться, – сказала Блисс.

Преуменьшение столетий, подумала она. Возможно, всех времён.

– Так вы, ребята не просто убежали, потому что не хотели быть превращены в Гончих, вы хотели остановить Ромула от использования проходов, чтобы остановить Люцифера.

– Да, – сказал Малкольм. – Если Ромул и его армии смогут бродить по проходам с возможностью изменять время, мир больше не будет в безопасности. Мы слышали, что Люцифер уже дал приказ вернуться к раннему Риму, к созданию империи, во время праздника Нептуна.

– Зачем?

– Мы не знаем. Но мы должны что-то сделать. Лоусон решил, что он должен действовать, вырваться из ада и найти проходы до того, как это сделает Ромул и охранять их от него. Когда мы вырвались из ада, Лоусон держал портал открытым для других, чтобы они могли убежать.

– Но никто не убежал, – добавил Рейф. – Никто, кроме нас.

– Вот где вы ошибаетесь, – прервала Ахрамин. Она слушала их разговор все время, поняла Блосс, даже когда она спорила с Лоусоном. – Как я постоянно говорю, ваш брат здесь, и вы ребята, не единственные волки, которые бежали из ада.

Лоусон покачал головой.

– Этого не может быть, я возвращался к месту встречи снова и снова. Я никогда не находил никаких других. Ни одной души.

– Может быть, ваш портал не всегда открывается в то же самое место, вы когда-нибудь думали об этом? – спросила Ахрамин. – Может быть, когда они прошли через портал, они оказались в другом месте?

– Это возможно, – признал Лоусон. – Я почти не знаю, как работают порталы. Или почему я единственный волк, который в состоянии сделать их.

– Поверьте мне, когда я была гончей под командованием Ромула, ваша стая была не единственной, за которой мы следили. Были многие другие. Стая Маррока например.

– Маррок! Почему ты не сказала раньше? Он сбежал? – спросил Лоусон.

Его глаза засветились. Блосс увидела луч надежды в его глазах. Она была рада за него. Он нашёл для чего жить, и она была рада, что не устроила сцену утром. Это не имеет никакого значения. То, что произошло между ними прошлой ночью незначительно, чем то, что было поставлено на карту. Но все равно, неужели лучше умереть, чем бросить хоть один взгляд в её сторону?

Ахрамин спокойно посмотрела на него.

– Да. Почему вы так удивляетесь? Это же был его план? Вы должны были вывести нас из подземного мира, а он – вернуться за другими?

– Его план оказался успешным? – спросил Лоусон, встав со своего места, и от волнения чуть не сбил стул на землю.

– Ты спрашиваешь меня, если ли у него хронограф? Украл ли он его у Ромула?

Малкольм ахнул.

– Это самоубийство, – прошептал он Блосс.

– Это был его план. Вы знали его так же, как и я, – нахмурился Лоусон.

– И я была единственной частью, которая не удалась, не так ли? – сказала Ахрамин. – Единственная, кто отстала, попалась и была превращена в это.

– Ахрамин...

– У меня нет времени на жалость к себе. Что сделано, то сделано. Но если вы действительно хотите знать, да, у белого волка есть хронограф, и он на земле.

Глава двадцать четвёртая

Ахрамин погасила сигарету в свой недоеденный пончик, при контакте с пеплом сахар зашипел. Лоусон наблюдал, как Эдон молча поднял его и бросил в мусорную корзину. Его брат пытался помириться с ней, но Лоусон знал, что потребуются гораздо большее, чем быть рабом Ахрамин, чтобы вернуть её любовь. Ахрамин, казалось, наслаждалась страданиями Эдона, и приказала ему сходить в магазин на углу, чтобы купить ей больше сигарет, прежде чем они покинут отель.

Это прекрасная сказка, в которую он отчаянно хотел верить. Может ли это быть правдой?

То, что план, в конце концов, сработал? Ещё больше волков сбежали? Что Маррок смог украсть хронолог Ромулу?

Ахрамин сбежала со стаей, чтобы охотился на белых волков, и только она знала, где они прятались, поэтому она сбежала, прежде чем раскрыть их местонахождение. Она может отвести Лоусона к Марроку прямо сейчас, если он захочет. Если он доверяет ей. Но что, если все это – сложный план, чтобы отдать их на блюде с голубой каёмочкой Ромулу?

Ведь не бывает такого понятия, как бывший адский пёс, из тех, которых он знал. Только мёртвый.

И все же, он помог ей выйти из больницы, он позволил ей вернуться в свою стаю.

Братья приняли его, теперь он был альфой, он принял за них решение. Она поклялась, что больше не была гончей, которая служит Ромулу. Но почему тогда она жива? Он никогда не слышал о гончей, выжившей в таком испытании, даже если это Ахрамин. Было очень смело с его стороны не верить ей.

Дерзко доверять ей снова.

– Лоусон? – сказала Блисс, прервав его размышления. – Я собираюсь пойти всё проверить, хорошо? Ребята? Хотите пойти со мной? – Спросила она.

Малкольм и Рейф кивнули, следуя за ней по пятам, как влюблённые щенки, отметил Лоусон.

Как будто он действовал по-другому, думал Лоусон, чувствуя, что немного краснеет. Что это было прошлой ночью? Он не мог думать об этом. О растущей популярности Блисс; о животе, скрученном от мысли об этом. Он хотел её накануне, это было ясно, и он все ещё хочет её, понял он, наблюдая за её стройными формами, когда она грациозно двигалась через

стоянку обратно в отель вместе со своими братьями. Он не хотел останавливаться, и он не был полностью уверен, что был рад, что у них ничего не было. Он вспомнил, как её тело двигалось против его, его руки в её волосах... но это было слишком запутанно, чтобы думать о Блесс прямо сейчас. Надо думать о Тале... Тале, которая сейчас была с Ромулом.

– Интересно, что бы сказала Тала, если бы она могла видеть тебя сейчас, – сказала Ахрамин, как, будто прочитав его мысли. – Блесс, – прошипела она имя, а затем чуть не задохнулась от приступа кашля.

– Я не с Блесс, так что она ничего не сказала бы, – сказал он, стараясь не оправдываться. – Между нами ничего нет. Не о чем говорить.

– Правда? Я заметила, что она не спала в своей постели прошлой ночью.

Он разбил свою кофейную чашку.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Ты такой плохой лжец, Лоусон. И всегда таким был, – сказала она. – Но ваш секрет останется со мной.

– У меня нет никаких секретов, – сказал он сразу.

Ахрамин подняла бровь, но ничего не ответила.

– Ребята, о чем вы говорите? – спросила Блесс, возвращаясь к фургону. – Все готово. Мы можем ехать.

– Куда мы едем? – спросила Ахрамин Лоусона. – Маррок находится в одном дне езды отсюда, и мы должны пройти остальной путь через каньоны. Мы должны быть там к вечеру. Если он не увёл свою стаю, конечно.

Лоусон принял решение.

– Ты отведёшь нас к белым волкам. Если то, что ты говоришь, правда, то мы уже потеряли слишком много времени. Если Маррок здесь, ему нужна наша помощь.

Группа начала быстро собираться, но Лоусон заметил, что Блесс осталась стоять. Он повернулся к ней.

– Ты хочешь ехать?

Она кивнула, и выглядела так, словно хотела сказать что-то другое. Поколебавшись, она, наконец, спросила:

– Ты уверен в этом?

– Я знаю, ты думаешь, мы не должны доверять Ари, – сказал он.

– Нет. Ты сказал мне, когда тебя ранили, что волки никогда не болеют, что болезни и инфекции не имеют никакого влияния на вас, ребята, но она кашляет все время. Это не только от курения. Что это вообще такое?

– Я заметил. Я не знаю, – скрестил он руки на груди. – Но я считаю, что она больше не гончая, Ромул разрушил её ошейник. Ты видела шрамы на шее.

– Хорошо, раз ты так говоришь, – сказала Блисс.

– Она по-прежнему одна из нас, – сказал Лоусон. – Я должен верить в это.

– Почему?

– Во время нашего побега из ада, Ахрамин пожертвовала собой, чтобы мы были свободны.

Он прочистил горло.

– Она отдалась добровольно, и я должен уважать её жертвоприношение. Я должен верить, что она говорит правду, что в ней ещё осталось что-то от волка.

Он сделал глубокий вдох.

То, что он должен был сказать, доставило бы боль Блисс, он знал это. Она стала принимать вещи слишком близко в ночь перед этим, потому что у него было чувство, что она хотела, чтобы это означало нечто большее, нечто, что он ещё не был готов дать, учитывая обстоятельства. Он уставился в землю, на серый гравий перед ним, не в силах смотреть ей в глаза.

– Я должен верить, что Ахрамин ещё волк, потому что, если Тала была превращена, если она гончая, я должен поверить, что она может вернуться ко мне.

Блисс глубоко вздохнула. Она похлопала его по руке.

– Конечно. Я чувствую то же самое.

Она думала о мальчике, которого когда-то любила, Лоусон знал это.

– Но давай просто будем осторожны.

Он улыбнулся ей. Они сейчас были командой, и он удивлялся, как быстро они сформировали глубокое понимание друг друга в такой короткий промежуток времени, от сражающихся к друзьям.

– Конечно.

Глава двадцать пятая

Блисс не могла вспомнить, когда ещё небо выглядело таким черным или звезды столь яркими, а луна висела так низко над деревьями. Поездка оказалась долгой и утомительной, и, как их предупредили, крутой и опасной. Они заперли фургон Артура и оставили его у основания горы, спрятав за деревьями.

Ахрамин повела их через лес, следуя по длинной дороге в долине. Эдон пытался идти в ногу с ней; Рейф и Малкольм следовали за ними, а Лоусон и Блисс замыкали отряд. В лунном свете она увидела обеспокоенное лицо Лоусона.

Он почти не говорил, она заметила, что он ушёл глубже в себя, его брови нахмурились, пока он поочерёдно переставлял ноги, тащась вперёд. Они достигли вершины первого холма и посмотрели на долину. Блисс слышала дыхание Лоусона. Она увидела в свете луны его бледное лицо.

– Что случилось? – они смотрели на странное образование на земле, с телом змеи и овальной головой.

Лоусон прищурился и покачал головой.

– У меня странное предчувствие. Мак, – прошептал он своему брату. – Что это? Мне кажется, я уже видел это прежде.

– Ну да, – подтвердил Малкольм. – Какая-нибудь старая диорама. Ещё одна выставочная пещера Артура. Это змеиный курган. – Змеиные курганы происходили от индийцев, построены более восьмисот лет назад безымянным Палео-индийским племенем. Тело змеи отражало соответствие позиций летних и зимних солнц.

Индийский курган был покрыт искусственной густой травой. Змея состояла из трёх частей. Начинаясь с хвоста, далее извивалась спиралью и распрямлялась рядом с треугольной головой.

Пасть змеи никогда не закрывалась, в центре челюсти зияла овальная яма с чёрной скалой.

– Это не... здесь что-то другое, – засомневался Лоусон. – Этот змеиный курган... я уверен, ведёт к проходам. Волки, должно быть, нашли его и раскопали.

Малкольм присвистнул.

– Темные дороги? *Виа Обскурис*? Здесь?

Лоусон кивнул.

– Портал должен был привести нас ближе к ним, когда мы бежали из преисподней... Маррок чувствовал, что они будут здесь. Похоже, он был прав. Вы заметили круг и камень внутри змеиного рта?

Блисс и Малкольм кивнул.

– Я уверен, именно в них скрыт вход в проходы. Земляные работы предупреждают от вмешательства посторонних, отгоняют тех, кто может нарушить работу портала.

Ахрамин повела их к нему. Их шаги хрустели по грязи и гравию. Они двигались медленно; неровная дорога и скользкая трава мешала сохранять

равновесие. Блисс чувствовала, что её ноги болят от напряжения. Не было никаких признаков движения в деревьях, никаких признаков волков.

Если Лоусон оказался прав, и змеиный курган скрывает вход в проходы, что же это значит? Не это ли ищет Ромул? Возможно, это значит, что собаки рядом? Блисс больше и больше беспокоилась, что Ахрамин ведёт их в ловушку.

Тишину нарушил громкий скрипучий кашель, Блисс вздрогнула.

– Я в порядке, – произнёс Малкольм, оборачиваясь к ним. – Я не хотел вас напугать.

Они пробирались сквозь высокие травы, спускаясь по крутому склону, они оказались окружены с обеих сторон высокими каменными стенами, что затеняли ночное небо. Скалы поднимались на сотни футов. Путники чувствовали себя в тёмном и узком переулке между небоскрёбами. Двигаться стало невероятно трудно. Змеиный курган будет их конечной точкой, поняла Блисс, ущелье формирует естественную защиту.

Если волки всё-таки здесь, они выбрали хорошее место для укрытия. Блисс чувствовала, как её ноги тонут в грязи и была рада, что надела сапоги, плотно облегающие её голени.

Лоусон сыпал проклятиями, когда пытался обходить грязь, но всё же застрял.

Наконец, вытащив ногу, он остался без обуви.

– Все в порядке? – прошептал Эдон.

– Плохое место для полуночной прогулки, – пробормотал Лоусон.

Блисс не могла не согласиться. Она еле двигалась, грязь стекала с её ног. Слышался только звук капающей воды. Она обменялась взглядами с Лоусоном, который все ещё держал свой ботинок.

– Не двигайся, – прошептал Малкольм Лоусону, протискиваясь к нему по грязи.

Блисс затаила дыхание, Лоусон посмотрел прямо, затем налево. Что он говорил ей? Гончие ада исчезают в солнечном свете. Им легче видеть в темноте. Она прищурилась. Она не могла ничего увидеть.

– Где они? – спросила она.

– Я не знаю... Я не могу слышать их. Малкольм?

Самый юный покачал головой, вытирая рот рукавом.

– Я не уверен. Кажется, я что-то почувствовал...

– Где Ахрамин? – Лоусон заметил пропажу одного из членов группы.

– Она была здесь минуту назад... – спокойно ответил Эдон. – Ты не думаешь... – Он покачал головой, его лоб сморщился от беспокойства. – Нет... она не могла... она не...

Прежде чем кто-либо смог ответить, началась схватка в темноте. Рёв, рычание, проблеск зубов.

– Вон там! – Закричала Блисс, видя темноволосую девушку, выходящую из тени. Лоусон, преследуя её, собирался превратиться в волка, но его кто-то опередил.

Вспыхнул белый свет и Ахрамин упала на землю, парализованная. Эдон подбежал к ней, но с лёгкостью был сбит.

Блисс огляделась. Вокруг них из темноты стали появляться фигуры. Но звери не имели явных серебряных или малиновых отметин, как у адских псов.

– Волки, – выдохнула она. Они прятались в земле, гармонируя с чёрной грязью русла. Сейчас она могла видеть их, они выходили из темноты. Их волчьи формы изменились в человеческие, пока не стали юношами и девушками в рваной одежде.

Она могла видеть их сходство с Лоусон и его братьями.

Группа расступилась, пропуская одного парня. Это его платиновые волосы и почти бесцветные глаза, не совсем серебряные, создали ту вспышку света, которую видела Блисс. Маррок был белым волком.

Он двинулся в ту сторону, где Ахрамин лежала рядом с Эдоном.

Лоусон стоял рядом с ними на коленях, тяжело дыша, но Маррок не заметил его. Он пошёл прямо к Ахрамин и с презрением посмотрел на неё сверху вниз.

– Что ж, Ульрик, ты был прав. Ахрамин действительно Гончая. Любимая охотница Ромула.

Блисс крепче сжала руку Малкольма, но никто не произнёс ни слова; все они прошли обучение у Маррока.

Ахрамин боролась против невидимых ограничений, которые удерживали её.

– Маррок, пожалуйста. Я ведь носила ошейник. И я понимаю твой гнев, но ты должен выслушать меня, – всё больше кашляя с каждым словом, попросила она.

– Зачем? Так ты хочешь соблазнить меня снова? Ты снова будешь лгать и обманывать меня, как делала в подземном мире? – Он поставил ногу на её грудь.

– Я делала то, что мне велели. Это не моя вина, у меня не было выбора так же, как и у тебя, когда ты подставил собственный народ, при попытке бегства.

В ответ Маррок плюнул на землю у её ног. А затем обратился к своим волкам.

– Ульрик, Блэз, унесите этот мусор подальше. Прежде чем она предупредит Гончих о нашем присутствии. – Потом он осмотрелся, будто впервые заметил остальных.

– Маррок, дружище, – с напряжённой улыбкой произнёс Лоусон.

– Ульф! Почему так долго? И что ты делаешь с этим предателем?

The *New York Times* Best-Selling Author

MELISSA DE LA CRUZ

Волчий
Договор

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ ИЗ ЧЕТЫРЁХ

Волчий договор

ЧАСТЬ IV

Если ты заблудился, ты можешь оглянуться, и найдёшь меня.

– Синди Лопер, «Time After Time»

Глава двадцать шестая

– Теперь моё имя Лоусон, – сказал он, пока Маррок помогал ему встать.

– Новый мир, новое имя, – заметил белый волк. – В этом есть смысл.

Маррок кивнул двум крупным сильным парням, поднявшим Ахрамин и Эдона и отнёсшим их в лес.

– Куда вы их понесли? – спросил Лоусон. – Он мой брат.

– Спокойно, ему не причинят вреда. Но я не могу обещать того же псу. – Маррок повернулся к Рейфу и Малкольму. – В лагере есть еда и вода. Идите, найдите своих друзей. С нами многие из вашей стаи.

Маррок был поразителен, подумала Блисс, но всю его красоту портит уродливый шрам, разделивший его лицо напополам.

– Подарок от Ромула, – произнёс он, увидев, куда устремлён её взгляд.

– Прости. Я не хотела пялиться, – ответила Блисс, когда Маррок повернул голову, чтобы продемонстрировать полную область ожога, тянущегося от его лица до шеи.

– Это рана, которая никогда не сможет зажить. Но это напоминает мне о том, что надо принимать всё, что дают. Я ношу этот отпечаток с гордостью. – Он хлопнул в ладоши. – Идём, многое нужно обсудить, но сначала следует хорошо перекусить. – Он взглянул на Блисс сузившимися глазами. – Твоя девушка? – спросил он Лоусона.

– Нет, она просто друг, – ответил Лоусон, в то время как Блисс отвела взгляд в сторону, стараясь не покраснеть.

– Ты похожа на повелителя, – произнёс Маррок, изучая её лицо. – И все же, теперь ты одна из нас. В тебе есть что-то от волка. С чего бы?

Он не казался обеспокоенным, скорее просто любопытным.

– Это длинная история, – сказала девушка. Она не могла не смотреть на его странные, бесцветные глаза. Он был бледен, почти как альбинос.

– Возможно, когда-нибудь ты поделишься этим со мной, – сказал Маррок, и в голосе его читалось то, что он очень бы этого хотел.

Лоусон ухмыльнулся:

– Прекрати флиртовать, старый пёс. Лучше дай поесть.

Маррок провёл их мимо змеиной насыпи к деревьям, которые казались настолько высокими, что могли закрыть собой солнце. Блисс не знала, куда смотреть в первую очередь: волки смогли создать своего рода архитектурное чудо, которое походило на оптическую иллюзию. Ей сразу вспомнились некоторые рисунки Ашера с их лестницами, которые образовывали петли вверх и вниз, закручиваясь и поворачиваясь, которые не были полностью

реальны. Казалось, что волки соткали листья и ветви в нечто на подобии гнезда, связанные верёвочными лестницами, образующими петли вверх, вниз и даже вокруг стволов самых крупных деревьев.

Её оценка архитектурной красоты быстро превратилась в панику, ведь она поняла, что никак не сможет дотянуться хотя бы до самой низкой ветви. Она хотела спросить Лоусона, что ей делать, но когда она повернула голову, обнаружилось, что улыбки исчезли.

Она повернулась обратно, чтобы взглянуть и удостовериться, что ничего не изменилось. Она вновь обернулась к Лоусону, только для того, чтобы увидеть, что все исчезает.

Лоусон заметил её замешательство и улыбнулся:

– Это уловка старых волков, – сказал он. – Использовать людское периферическое зрение против них самих. Этот лагерь виден людям, только если они будут смотреть непосредственно на него, и даже тогда, скорее всего, они не поверят тому, что они видят, особенно если он исчезает, стоит им повернуть свои головы. Это способ спрятаться.

– Недурно, – кивнула девушка.

Он помог ей забраться на дерево, показывая, куда поставить ногу, как поднять себя с помощью рук. Маррок поднимался впереди, ведя их к платформе, сомнительно висящей на вершине ветвей.

– Что это за место? – спросила Блисс.

– Это то место, где я, как предполагалось, встречу Маррока, когда мы только сбежали из Преисподней, – сказал Лоусон. – Я думал, он выйдет в том жесамом месте, в котором вышли мы, но оказалось, что я ждал в неправильном месте. Похоже, что они были здесь некоторое время.

На платформе уже стояла приготовленная еда.

– Надеюсь, вы не возражаете против раннего ужина, – сказал Маррок. – С тех пор, как мы получили свободу, мы старались придерживаться некоторых старых римских традиций, таким образом, наша главная еда – сена³, еда позднего дня.

– В любом случае, я съем всё, что угодно, – сказал Лоусон.

Они сели со скрещенными ногами перед корзинкой хлеба и тарелкой жареного мяса. Некоторое время все молчали, сосредоточенные на еде.

Наконец, Лоусон отодвинул свою тарелку:

– Я сдался, – сказал он. – Я думал, надежды уже нет.

– Прости, мы были немного заняты. У нас были проблемы, – пробормотал Маррок.

³ Сена (исп.) – Ужин

– Ахрамин.

– Мы мало что знали о вашем побеге. Мы не знали, что Ахрамин была схвачена. Псы послали её в наше логово. Мы доверились ей. Но она уже была одной из них. К счастью один из нас заметил темно-красные отметины вокруг её зрачков. Но мы ничего не сказали ей. Когда они поняли, что она бесполезна как шпион, они послали её на Землю. Только тогда мы смогли сбежать. Мы пытались найти тебя, когда выбрались, но упустили твой запах. Я рад, что ты нашёл нас

– Я считал, что мы одни, – сказал Лоусон. – Я считал, что мы были единственными выбравшимися. Но потом мы нашли Ахрамин. Она сказала, что есть и другие сбежавшие волки. Я не знал, чему верить; я думал, что это засада, я не был уверен, что я найду кого-нибудь, когда пришёл сюда.

– Ахрамин... – Маррок пожал плечами. – Она предательница. Мы наблюдали за ней с тех пор, как Ромул спустил её на нас.

– Она говорит, что Ромул сломал её ошейник, что она вновь одна из нас, – сказал Лоусон. – Она привела нас к тебе. В ином случае, я бы никогда не вернулся.

– Она могла играть в более сложную игру с тобой. С нами.

Лоусон взял кусок хлеба и разломал его пальцами, скатывая часть в шарик.

– Если ты освободишь её, я могу обещать, что Эдон будет приглядывать за ней.

– Так отчаянно любящий её Эдон не переметнётся на её сторону? Я думаю, нет.

– Она часть моей стаи, – сказал Лоусон.

– Ульф, ты мой друг, но я сожалею, – сказал Маррок. – Нет ничего такого, чем она смогла бы заслужить наше прощение.

Лоусон вздохнул:

– Хронолог у тебя?

– Это было нелегко, – сказал Маррок, когда оторвал кусок хлеба и съел его.

– Фенрир напоминает о своём существовании? – спросил Лоусон. – Так ты получил его?

Светловолосый парень покачал головой и улыбнулся:

– Я говорю тебе, это миф.

– Кто такой Фенрир? – спросила Блисс.

Лоусон объяснил, что была легенда среди волков, что однажды великий волк Фенрир вернётся и освободит их от рабства. Это сказка,

которую волчата рассказывали друг другу, особенно часто в те несколько дней, предшествующих их превращению в псов. Считалось, что однажды они вернутся к прежней славе. Однажды, кто-то поведёт их. Кто-то будет послан, чтобы помочь им. Чтобы спасти их. Освободить их.

– Просто сказка старых волков, – сказал он, улыбаясь. – Очевидно, нам не нужна помощь, чтобы освободиться из Преисподней. Мы освободили себя сами. Скольким ещё волкам удалось сбежать? – спросил он Маррока.

– Меньше, чем хотелось бы, намного меньше, – сказал Маррок. – Сотня, самое большее.

– Где они?

– Везде. Мы пошли врассыпную. Псы охотятся на нас день и ночь; многие из нас были захвачены и отосланы назад.

– Сколько здесь?

Маррок пожал плечами:

– Пятьдесят, самое большее шестьдесят. Вы видели вход в проходы? Насыпь змеи?

– Да, – кивнул Лоусон.

– Темные пути вернулись к нам, – сказал Маррок. – Сила волков возрастает.

– Я так и думал, – сказал Лоусон.

Маррок сделал большой глоток из своего кубка:

– Есть кое-что, о чём ты должен знать. Мы отслеживали псов также, чтобы избежать их. Один из наших шпионов нашёл это в остатках их лагеря. Я думаю, что должен отдать это тебе.

Он вручил вещицу Лоусону.

Лоусон уставился на ладони. Это была маленькая золотая цепочка с медальоном в форме сердца и с выгравированным полумесяцем. Пустяк, дешёвая вещица, но Тале она понравился, девушка хотела медальон, и он отдал его ей. Она всегда носила его; никогда не снимала его. Кто-то, должно быть, сорвал его с её шеи, сломал цепочку.

– Это Талы, да? – спросила Блисс.

– Да.

Ромул насмехался над ним, подумал Лоусон. Ромул знал, что волки выслеживали псов, и он хотел, чтобы кто-то нашёл его, вернул медальон Лоусону. Ромул хотел, чтобы Лоусон знал, что тот держал её жизнь в своих руках. Требуя, чтобы Лоусон пришёл за ней, спас её. Требуя, чтобы Лоусон показал себя, требуя этого, чтобы завладеть им.

– Девушка, которая убежала с вами? – спросил Маррок.

Лоусон кивнул:

– Но она не выжила во второй раз. Когда псы вернулись.

– Мы не видели волка среди них, но ведь мы могли быть неправы. Их очень много. Наши шпионы сказали мне, что стая Ромулу пробивается сюда. Они будут здесь через сутки или двое.

– Они близко, видимо, поэтому Малкольму нехорошо, – сказал Лоусон.

Маррок продолжал:

– Он собирает своих псов в Риме, к началу основания империи, как хотел Люцифер. Потеря хронолога не изменила и не замедлила его план, но я не понимаю, как он предполагает пройти по темным путям без него. Без хронолога, который бы повёл их, пути бесполезны. Он, должно быть, знает что-то, чего не знаем мы.

Лоусон размышлял над новостями, все ещё держа маленькую золотую цепочку:

– Позволим ему найти пути. Позволим ему прийти.

Маррок нахмурился:

– Что ты говоришь? Я послал волков, чтобы защитить пути от него.

Но Лоусон был непреклонен. Свет вернулся в его глаза, и его голос был уверенным:

– Когда Ромул и его псы придут, мы позволим им войти в проход. Позволим им идти в Рим. Я возьму свою стаю и последую за ним.

– Что? – вскрикнула Блосс.

– Зачем? – сказал Маррок.

– За пределами Ада Ромул уязвим. Особенно в Риме, ведь он должен будет стать человеком. Он будет более слабым. Разве ты не понимаешь? Мы можем убить его, Маррок. Я знаю, что мы можем. Мы должны ударить сейчас. Возможно это наш единственный шанс.

– Убить древнего волка? Ты забываешь, что он бессмертен. Только мы, новые щенки, умираем как насекомые, когда нам сломают лапки.

– Я не забыл, – сказал Лоусон. Он вытащил маленький бархатный мешочек и показал им иглу, которая сломала их ошейники в Преисподней. – У меня все ещё есть это.

Перед их глазами она выросла до размера меча, сияя золотом в лунном свете.

– Это меч Михаила, – выдохнула Блосс. – Клинок архангела. Но он был сломан, – сказала она, вспоминая, как то, что она держала, разрушилось на миллион частей.

– Небесное лезвие никогда не ломается, повелитель нашёл его после большого сражения на земле, – объяснил Лоусон. – Это было мощнейшее оружие в Адском арсенале. Он хранит Белый Огонь Небес.

Рука Бога, это было известно среди существ Преисподней.

– Он может убить то, что убить нельзя, – пробормотала Блисс, думая о крови, которую пролил этот меч. Как он использовался для плохих дел. Вампиром, который пал в своей власти. Это был меч, который убил Лоуренса ван Алена. Это был меч, который она погрузила в своё сердце, сломав дух своего отца.

– Он может убить Ромула, и он убьёт его, – сказал Лоусон сквозь зубы. – Клянусь.

Глава двадцать седьмая

В конце трапезы Маррок пожелал им доброй ночь.

– Здесь вы будете в полной безопасности, – пообещал он. – По крайней мере, до рассвета.

Лоусон покинул Блисс для того, чтобы проверить своих братьев. Девушка обнаружила несколько старых одеял на краю платформы и легла поспать, хотя сон никак не шёл. План Лоусона тревожил её. Он был так уверен, что сможет победить Ромула и, возможно, спасти Талу. А можно ли было спасти Талу?

Блисс подумала об уродливом чёрном шраме на шее Ахрамин и содрогнулась. Лоусон был переполнен надеждой, и она поддерживала его в этом решении, но это не означало, что у него были шансы на успех. Если они потерпят неудачу, то Лоусон и его братья будут мертвы или захвачены. Она не была уверена, что хуже.

Ко всему прочему, Блисс должна была найти стаю первой. Она, как предполагалось, приручит волков, вернёт их под начало Голубой Крови. Как она собиралась сделать это, если её друзья – хоть она только встретила их, она знала, что они были её друзьями – будут захвачены или мертвы? Они все ещё не знали, где Джейн, и они не приблизились к её нахождению ни на шаг.

Блисс села. Ей только что пришло в голову, как Джейн была связана с псами. Что Маррок говорил о путях?

– Я не понимаю, как он планирует пройти по тёмным путям без хронолога.

Затем её осенило. Смысл не в том, что использует Ромул, а в том кого он использует. Она должна была найти Лоусона и рассказать ему обо всем прямо сейчас. Она спрыгнула с дерева, еле найдя опору в темноте. Девушка

шла на звук знакомых голосов и нашла Лоусона, Рейфа и Малкольма, сидящих в низком навесе.

– Эй, Блисс, – сказал Малкольм, улыбаясь. – Классно быть в окружении волков, да? Почти как дома.

– Эдон все ещё с Ахрамин? – спросила она.

– Да, он не оставляет её даже при том, что его никто не держал там. Мы только проверили их. Они оба в полном порядке, – сказал Рейф. – Немного раздражены, но это нормально.

– Я собирался подняться, – сказал Лоусон ей. – Ты сама спустилась?

Она кивнула:

– Я не могла ждать. Я поняла кое-что важное.

– Что?

– Ты сказал им то, что сказал Маррок? Что планы Ромула не поменялись? – спросила она. Мальчики кивнули. – Хорошо. Это про тётю Джейн. Она – хранительница. Пистис София, – сказала она. – Бессмертный разум ковена Голубой крови. Она – провидец. Маррок сказал, что не знал, как Ромул планировал пройти через проходы без хронолога. После того, как Маррок украл хронолог, Ромул тоже кое-что украл. Он украл тётю Джейн. Он планирует использовать Хранителя, чтобы пройти во времени. Вот зачем псы похитили её. Так и должно было быть.

– Ты никогда не говорила об этом прежде, – сказал Лоусон. – Хранительница? Что это вообще означает?

– Простите... это сложно объяснить, – Блисс объясняла все так быстро, как могла. Различные воплощения Джейн, среди которых сестра Люцифера. Как она теперь вернулась в форме Джейн Мюррей, женщины, которую Блисс называет тётя Джейн. – Я думала, что псы забрали её, чтобы задержать меня, – сказала она. – Но теперь я думаю, что они забрали её из-за того, кто она, а не из-за меня.

– Ты слышал об этой Пистис Софии? – спросил Лоусон Малкольма.

– Нет, но это ещё ничего не означает, – сказал Малкольм. – Я полагаю, что это наиболее вероятно, потому что эта Хранительница – нечто такое, что вампиры держат в тайне. Оракул, который может предсказать возвращение Тёмного принца. Это не то, о чём они поведали бы всему миру.

– Так... этот Бессмертный разум может сделать хронолог ненужным? – спросил Лоусон.

– Я не уверена, но думаю да, может.

– Я считаю, что надо пойти на место её кражи. Это будет легче, чем взять хронолог у Маррока, – размышлял он. – Они могут заставить её сделать это? На что ещё она способна?

– Я не знаю, – признала Блисс. Она не уверена, на что Джейн была способна, не знала, сколько времени она могла сопротивляться им.

Лоусон, должно быть, увидел безысходность на её лице. Он приблизился и положил руку на её плечо:

– Мы найдём её, – сказал он мягко. – Если она прошла через такое в других своих воплощениях, она и это переживёт. Мы найдём её, и мы вернём её тебе.

– Спасибо, – сказала она.

Он улыбнулся ей, такой красивый и величественный, даже когда сидел в грязи, прислоняясь к дереву. Он начал рыться в карманах, точно так же, как все парни, подумала Блисс. Они всегда вытаскивали бумажники и телефоны, когда садились. Он достал картинки, скреплённые резинкой, и бросил их на землю.

– Можно взглянуть? – спросила она.

Она подняла их и принялась рассматривать картинки. В середине была открытка, которую она видела прежде. Это было изображение картины, показывающей битву между армией римских центурионов и беззащитной толпой женщин. Одна фигура, однако, стояла неподвижно и спокойно наверху сцены. На нём была красная одежда.

– Ромул, – сказал Лоусон, указывая на картинку. – Меня всегда привлекала эта картина; одна из историй, передаваемая среди волков, об истории с сабинами, но я не знаю об этом. Ни один из нас не знает, мы знаем лишь то, что связаны с ними, так или иначе. Я нашёл её в магазине подарков, и я должен был заполучить её.

– Я знаю немного, – сказала Блисс. Она изучала историю с Джейн Мюррей, и она помнила, что её тётя рассказывала ей о том случае. – Расскажи мне.

– Во время основания Рима жители брали сабинянок в жены. Они были солдатским обществом, и женщин не хватало. Им было необходимо уравновесить население, поэтому они похищали женщин из окружающих земель. Они запланировали праздничные игры в своём новом городе и назвали фестиваль Консуалия, фестивалем для Нептуна. Он привлёк людей из окружающих областей, был своего рода витриной для только построенного Рима. Они пригласили всех, включая сабинянок. Но это было просто прикрытие. Когда игры начались, Ромул дал сигнал, который вы видите здесь, и римские солдаты помчались в толпу и схватили беззащитных сабинских женщин. – Она пристально посмотрела на картинку. – Что-то не так. Что-то изменилось, – сказала она. – Смотрите!

– Я не вижу разницы, – сказал Лоусон, смотря искоса на неё.

– Есть – они убивают женщин в этой версии – разрубая их, потроша их.
– Блосс перевернула открытку. Мелким шрифтом написано: «Резня сабинских женщин»ю

Но когда она вернула открытку, изображение стало оригинальной живописью, в которой были просто захваченные женщины. Название вернулось к оригиналу также.

– Всё изменилось обратно – что происходит? – спросила Блосс.

– Ты видишь это? – спросил Лоусон. Он смотрел на неё острым взглядом. – Я не уверен, но думаю, что мы видим время в движении. История не установилась. Что-то произошло или произойдёт. Должно быть, именно там Ромул приземлится, когда войдёт в проход. Он собирается в этот момент, чтобы превратить похищение в резню. Но почему? Почему Люцифер хочет уничтожить сабинянок? Почему они так важны?

Глава двадцать восьмая

Утром Лоусон рассказал своим братьям план преследования Ромула во временном пространстве.

– Я не жду, что вы последуете за мной. Я смогу справиться с ним сам, – сказал он.

– По-твоему мы трусы? – спросил Рейф. – Конечно, мы идём с тобой. Так, Мак?

Малкольм кивнул.

– Мы следовали за тобой при побеге из Преисподней, мы последуем за тобой и в Рим.

Лоусон кивнул в знак благодарности, ведь было ясно, что он не ожидал ничего другого.

– Идёмте, надо встретиться с шефом, – сказал он. Маррок терпеливо выслушал историю Блосс.

– Так значит, Ромул нашёл себе проводника по проходам, – сказал он. – Будем надеяться, что она не так хороша как он. – Он вытащил что-то из кармана. Это были маленькие круглые серебряные карманные часы, завернутые в носовой платок. – Прежде мы были неуязвимы к серебру, но не сейчас. Я дам это тебе подержать, так как я не думаю, что серебро обожжёт твою кожу.

Он бросил часы в её ладонь. Они были необычайно тяжёлые и холодные. Блосс посмотрела на хронолог. Циферблат пронумерован римскими цифрами от одного до двадцати четырёх. Цифры начинались у основания циферблата и двигались против часовой стрелки по кругу. Был и другой циферблат, выложенный на первый, серебряный, а по краям циферблата были вырезаны руны.

– Как вы используете его?

– Мы не уверены, – сказал Маррок, смущаясь. – Я надеюсь, что это будет очевидно, когда все вы войдёте в проходы.

Блисс коснулась хронолога, и, внезапно, перед её глазами пронеслось новое воспоминание. В её разуме она увидела руку, которая нажала кнопку на хронологе. Но это была не её рука, и это не были её воспоминания. Они принадлежали кому-то другому. Не Люциферу – не было мороза по коже, который пробирал её тело, когда она знала, что вспоминает что-то, что видел он. Нет, это были приятные воспоминания, воспоминания о счастливом времени и месте, воспоминания, принадлежавшие кому-то, кого она любила.

Это воспоминания Аллегры. Она моргнула и осмотрелась. Как странно, что в ней были воспоминания её матери. Ей стало спокойно от того, что она все ещё имела связь со своей матерью.

– Могу я посмотреть? – спросил Малкольм застенчиво.

– Осторожно, – сказала она, кладя часы в его ладони с носовым платком.

Лоусон спорил с Марроком:

– Я сказал тебе вчера вечером, я не уйду без Ахрамин. Она – часть моей стаи. Отпусти её со мной.

Маррок не был рад услышать это:

– Ты не знаешь, что она делала там. Она была худшей из всех, Лоусон. Она была ужасно жестока. Она не волчица, которой была прежде.

Они превратили её в пса.

– Даже в этом случае, они превратили её во что-то другое, когда Ромул сломал её ошейник. Она больше не пёс. Её глаза голубые. Она не может превращаться. Маррок, будь разумен.

– Она пыталась нас, Ульф. Ей было весело в тот момент. Когда они выпустили её на землю, она сдавала нас одного за другим. Разве она не была псом, который нашёл твою стаю?

Лоусон не ответил. Конечно, он помнил. Тёмная девушка у двери, её глаза сверкали темно-красным, сверкали ненавистью.

– Тогда на ней был ошейник. Но не сейчас. Она – часть моей стаи. Я отвечаю за неё.

Маррок вздохнул:

– По-другому никак?

– Она пойдёт с нами. Мой брат не оставит её. Без неё я потеряю Эдона. А мне понадобятся все силы, когда я пойду в Рим.

– Я понимаю, – сказал Маррок. – Я освобожу её под твою заботу. Но теперь она – твоя ответственность. Если она предаст нас, то моя стая не будет думать, прежде чем убить её.

– Если она предаст нас, – пообещал Лоусон. – Я лично прикончу её.

Ахрамин не выглядела благодарной за то, что Лоусон освободил её. Волки держали её в деревянной клетке. Когда засов исчез, она переступила через деревянные палки.

– Маррок имел полное право держать меня. Вы не знаете, что я сделала для Ромула, – сказала Ахрамин. – Почему ты освободил меня? – спросила она Лоусона.

– Я доверяю тебе, Ахрамин. Ты привела нас к Марроку, к свободным волкам, как и обещала. Ты говоришь, что больше не пёс, и я верю тебе, – сказал он, протягивая руку. – Мир?

Её глаза вспыхнули, но она прикусила язык и сумела пожать его руку. Блисс надеялась, что Лоусон знал, что делает. Ахрамин пробилась к Эдону, который никогда не оставлял её, который спал рядом с её клеткой всю ночь.

– Я знаю, что он попросил о моей свободе только ради тебя, – сказала она ему, впервые обращаясь нежно, с тех пор как вернулась в стаю. Она положила руку на его щеку, а Эдон положил свою руку сверху. Они стояли так некоторое время. Что бы между ними не сломалось, оно вновь восстанавливалось.

Когда Блисс наблюдала за ними, она почувствовала укол ревности. Ещё одно напоминание, что Дилан ушёл, и на сей раз навсегда. И единственный человек, который мог уменьшить её боль, был одержим поиском его собственной потерянной любви. Она никогда не смогла бы помешать этому, да она и не хотела.

Милая сцена была нарушена Малкольмом, которого вырвало на свою обувь. Он упал на землю и начал дрожать, его тело пробрала судорога. Рейф взял его на руки:

– Дело плохо, они, должно быть, совсем рядом, – сказал он.

– На сосны. Сейчас же! – крикнул Лоусон. Он повёл их в лес, где чаща деревьев была плотной и могла скрыть их. Блисс топталась внизу и схватилась руками за колени.

– Сколько? – спросила она.

– Похоже, целый легион – прошептал Лоусон. – Бедный Мак.

Шелест медленно превращался в звук приближения армии. Блисс была напугана. Она схватила руку Лоусона, чтобы найти опору, а он притянул её к себе, обняв руками за плечи, её голова лежала на его шее.

– Всё хорошо, – сказал он. – Мы переживём это. Раздался звук тяжёлых ботинок, и появились псы. Такие страшные и огромные в тусклых сумерках. Их тёмные красно-серебряные глаза сияли, а их броня громко звенела. Здесь были сотни, и они ревели, направляясь к насыпи змеи. Псы продолжали прибывать – они обогнули овраг и прошли через высокие травы, перепрыгивая через низкие глиняные насыпи, пока не пропали из поля зрения.

– Валим, – сказал Лоусон. Он подал сигнал своим братьям, и команда помчалась через лес, вниз, в сторону горы, все ближе и ближе к насыпи змеи.

Маррок ждал их во рту змеи. Вокруг него было почти сто волков в их естественной форме, они выли и рыли землю.

– Ты уверен в этом? – спросил он Лоусона. – Там целый легион.

Лоусон кивнул:

– Я уверен, что скоро придут другие. – Он повернулся к Блисс, Ахрамин и братьям. – Готовы?

Они кивнули.

– Куда мы идём? – спросила Ахрамин.

– Тише, – предупредил Эдон. – Мы пойдём туда, куда Лоусон поведёт нас.

– Ну, тогда, сейчас самый подходящий момент. – Лоусон повернулся к Марроку в последний раз. – Ты удержишь их? Не дашь остальным войти в проходы?

– Это наш долг, – сказал Маррок, поднимая руку в знак прощания. – Бог в помощь.

Лоусон поднял руку, чтобы ответить Марроку и повёл свою команду в проходы.

Глава двадцать девятая

Блисс последовала за Лоусоном в Змеиный курган. Ахрамин и мальчики немного отстали. Тропинка была узкая и тёмная, а воздух пыльный. Ахрамин снова начала кашлять. Блисс чувствовала, что может тоже начать кашлять. Она слышала, как волки Маррока сражаются с Гончими позади них, но чем дальше они шли по проходам, тем слабее становился шум. Те волки хорошо выполняли свою работу, потому что ни одна гончая не следовала за ними.

– Будьте рядом, – предупредил Лоусон. – По мере удаления станет темнее, а впереди несколько подземных путей, мы должны убедиться, что отстали от Гончих и найти нужный проход во время. Я не хочу потерять кого-либо из вас.

– Я чувствую запах, – сказал Эдон.

– Я тоже, – сказал Рейф.

Блисс отступила в сторону и пропустила их. Она оказалась прямо перед Малкольмом, и обернулась, чтобы проверить его.

– Как ты себя чувствуешь? Тошнит?

– Немного, – признался он. – Но я уже привык к этому. Я не отслеживаю запах, как делают они. Так что, это вроде хорошо, что у меня есть свой способ предупредить об опасности.

Теперь они были достаточно глубоко, и Блисс вообще не могла слышать волков, и едва могла видеть. К счастью, Лоусон взял несколько свечей, и зажёл их, чтобы убедиться, что никто не потерялся.

Краткое мерцание свечей говорило, что где-то находились отверстия наружу. Иногда Лоусон отклонялся в ту или иную сторону, и Блисс чувствовала, что они направлялись все глубже и глубже под землю. Группа, молча, шла за тем, что чувствовала как часы. Как глубоко в земле они находились? Задавалась вопросом Блисс. Они могли бы также просто идти в Рим.

– Всем приготовиться, – предупредил Лоусон. – Я думаю, что мы приближаемся к проходам.

Он пояснил, что, как только они войдут в них, они будут двигаться сквозь время, к моменту, где все происходило, и сначала это дезориентирует.

– В Преторианской гвардии время держали в безопасности, – сказал он Блисс, когда они шли по узкому пространству. – Время это святое. Оно не должно изменяться, и волки заботились об этом. Те, кто вмешивается во время – обречены.

– Время должно течь, последовательность событий должна оставаться фиксированной, – кивнула Блисс. – В противном случае...

– Парадокс, хаос, беспорядок. Те, кто не изучает историю, обречены повторить её, – сказал Лоусон, улыбаясь. Блисс не улыбнулась в ответ.

– Маррок сказал, что не знает, как использовать хронолог и ты никогда не путешествовал во времени раньше, так? Ты сказал, что проходы были закрыты, пока волки не проиграли.

– Ты спрашиваешь меня, знаю ли я, что делаю?

– Ну, да.

Лоусон усмехнулся.

– Тогда ответа нет. Но когда я знаю, что делаю?

Они прошли ещё несколько шагов, и вдруг пространство наполнилось светом.

Они больше не были в Змеином кургане, они находились на временной шкале.

Блисс прикрыла глаза, Лоусон закричал:

– Время, мы идём!

В течение первых нескольких шагов, Блисс не могла видеть вещи, свет был настолько ярким, он ослепил её. Потом все изменилось, словно она ехала на американских горках. Она чувствовала, как её живот крутит.

С каждым шагом она была в другом месте, в другом времени. Это было похоже на перемещение через киноэкран, но события фильма происходят в действительности. Это заставило её чувствовать тошноту, как Малкольма.

– Посмотри на горизонт, он постоянен, как в море. Станет легче. Она кивнула, пытаясь сосредоточиться на голубом небе впереди. Все вокруг неё, закрученные образы и воспоминания многих моментов во времени, а не только из своей жизни, но из истории всего мира. Она слышала все вокруг неё, по крайней мере, они благополучно прибыли, где бы они не были. Свет изменился, постепенно исчезая, пока она не начала видеть более комфортно. Она увидела, как за Эдона держалась Ахрамин, будто бы она вот-вот упадёт; Рейф помогал Малкольму.

Лоусон был во главе группы.

– Блисс – хронолог, – сказал Лоусон.

Она вытащила носовой платок с перенесённым объектом из кармана и осторожно развернула его. Это был красивый объект – карманные часы, тяжёлые и серебряные.

– Ты должна будешь сделать это, никто из нас не может коснуться серебра.

Блисс внимательно посмотрела на него. На крошечные царапины на обратной стороне, словно кто-то пытался открыть его. Она вспомнила положение руки Аллегры, и сделала то же самое. Она нажала на скрытую кнопку на стороне часов. Небольшой круглый диск появился в воздухе. Он был похож на вращающийся земной шар, с линиями перемещения вокруг него.

– Что это? – спросил Лоусон.

Она пожала плечами.

– Я понятия не имею.

– Я думаю, может быть, нужно сказать ему, куда мы хотим попасть, – услужливо подсказал Малкольм.

– Отведи нас в Рим, – приказал Лоусон, и вот уже проход открылся перед ними и ярко засиял в темноте.

Глава тридцатая

Свет и проход исчезли, и, когда Блисс открыла глаза, она увидела, что была в небольшой каменной комнате с решётками на окнах.

– Где мы? В тюрьме? – спросила она.

– Нет, я думаю, что это монастырь, – сказал Лоусон, хмурясь. – Но мы не в нужном месте или не в том времени. Смотри.

Блисс посмотрела в окно на огромный канал, усеянный гондолами и скоростными моторными лодками, люди мчались по мощёным улицам с зонтиками.

– Где монахи? – спросила Ахрамин, садясь на каменный порог.

– Их нет, думаю, остались только туристы, – сказал Малкольм, читая мемориальную доску на бархатной подпорке в конце комнаты.

Сегодня, наверное, вторник, когда музеи закрыты, иначе мы были бы окружены ими.

– Мы близко, – сказала Блисс, успокаивая Лоусона. – Венеция не слишком далеко от Рима.

– Когда я открывал портал... я просто представлял место в уме... я думал, что появится тоже самое здесь, – сказал он, кусая ноготь.

– Порталы, которые ты создавал должны быть частью проходов, – сказала Блисс.

– Возможно, я не знаю наверняка. Все, что я знаю, это то, что я могу представить картинку, а потом она предстанет предо мной. Я думал, использовать хронолог будет легче.

Блисс кивнула. У неё была идея. Когда Посетитель, Люцифер, завладел её разумом, и она была в состоянии видеть его воспоминания, она не имела контроля, она не могла призывать воспоминания по желанию. Но картинка, которую она видела в воспоминаниях Аллегры, была другой, и она подумала, было ли возможно вызвать их по желанию, если она сосредоточится. Она должна была быть осторожной в объяснениях; она все ещё не была уверена, что произойдёт, если Лоусон когда-нибудь узнает её истинное происхождение, а теперь не было времени на это. Она уставилась на хронолог.

– Я думаю, что у моей матери был один, и иногда я могу получать доступ к её воспоминаниям, – сказала она.

– Как? – спросил Лоусон.

Она покачала головой:

– Я не знаю. Я могу чувствовать её, и это все, что я знаю – она направляет меня – и я думаю, что, возможно, если я сконцентрируюсь, я могу вспомнить немного больше, увидеть, как она использовала его.

Она села на каменный порог рядом с Ахрамин, которая уступила ей немного места. Блисс закрыла глаза и сосредоточилась.

«Скажи мне, – думала она. – Пожалуйста, если ты знаешь что-то, пожалуйста, скажи мне. Покажи мне».

Сначала перед её глазами предстала тьма. Но затем она рассеялась, и начал мерцать свет. Она увидела, как Аллегра подняла хронолог снова и открыла его. Циферблат прекратил вращаться и стал похож на обычные часы, но с тремя различными стрелками и числами по краю вокруг. Рассеянные по всему циферблату числа обозначали тысячи, сотни и десятки, а его стрелки были картой, и Аллегра руками привела хронолог в определённое положение.

Блисс открыла глаза.

– Я думаю, что знаю, как сделать это. – Она взяла хронолог и нажала на кнопку, затем подождала, пока циферблат прекратит вращаться. – Видите эти стрелки? – Она указала на них. – Один набор относится ко времени, измеренному сначала в тысячах и затем в сотнях лет, затем в десятилетия. Мы должны настроить его как часы – видите эту кнопку? Вы поворачиваете её руками, – сказала она, регулируя её. – Теперь другие стрелки, вот эти, с изображениями континентов на них? Они представляют долготу и широту. Уловка в том, что они должны выстроиться вместе во времени и месте, которое вы хотите, потом нажать на другую кнопку.

– Так, мы должны просто установить его на правильное время и координаты, затем нажать кнопку, и мы там, – сказал Малкольм взволнованно. – Мы можем сделать это!

– Не так быстро, – сказал Лоусон. – Кто-нибудь знает дату? Или координаты?

Лицо Малкольма погрузнело.

– Мы можем узнать это, – сказал Рейф. – Если это монастырь, то здесь должна быть библиотека с кучей энциклопедий.

– Я помогу, – сказала Блисс и последовала за Рейфом вниз по лестнице. Они обошли вокруг пустого монастыря, пока не достигли комнаты в конце прихожей, которая была заблокирована от музея.

– Думаю, что это здесь, – сказал Рейф, открывая двери с надписью

«BIBLIOTHECA».

Комната была покрыта пылью и заполнена книжными полками. На старом столе стояла маленькая пишущая машинка. Рейф свистнул и кивнул на полку, на которой стоял полный комплект Британской энциклопедии.

«Сейчас бы интернет, – подумала она. – Он бы мигом ответил».

– Я буду искать год, ты берёшь на себя местоположение. Хорошо? – спросила она Рейфа.

– Звучит хорошо.

Работа Рейфа была легче, она знала это – все, что он должен был сделать, найти Италию. Он найдёт все, что нужно, и он нашёл.

– Координаты Рима – 41 градус 54 минуты северной широты и 12 градусов 30 минут восточной долготы. – Он улыбнулся Блисс. – Малкольм выяснит, как установить их, если мы не сможем.

Её задача была более хитрой – она должна была выяснить год банкета, который Ромул назвал в честь Нептуна, когда сабинские женщины были захвачены. Она должна искать Рим? Ромул? Нептун? Сабинские женщины? Она наконец-то нашла то, что искала, под названием «Изнасилование сабинских женщин». Она поняла, что более поздние учёные изменили свои теории о том, что действительно произошло в тот день – и то «насилие» было просто другим словом для того, чтобы обозначить «нападение», поэтому картину назвали «Похищением сабинских женщин», когда она видела её в музее.

– Нашла что-то? – спросил Рейф.

– Почти, – сказала девушка. Информация была довольно путаной, и она не уверена, насколько заслуживала доверия дата, указанная в энциклопедии. – Тут говорится восьмое столетие до н.э, но даты немного неопределённые. Лучшее, что я могу сказать, это 752 год до н.э. Мне это не нравится – кто знает, куда мы попадём?

– Если это всё, что мы можем найти, это лучше, чем ничего, – сказал Рейф.

Они вернулись, среди команды бурлило обсуждение.

– Мы пытаемся выяснить, что Ромул получит, убив всех тех женщин, – сказал Лоусон.

– У кого-то есть теория? – спросила Блисс.

– Неточная. Но я вполне уверен, это имеет отношение ко всем вещам, которые изменились в последнее время. Пали не просто Врата Ада, что-то большее, – сказал Лоусон.

– В смысле?

– Мак, у тебя же есть теория? – сказал Эдон.

– Окулнос засветился, тёмные дороги обнаружены. Как сказал Маррок, это, кажется, знаки, что власть волков возвращается, и я думаю, что Люцифер хочет остановить это. Если волки вернут свою власть, то будет

труднее – если не невозможно! – продолжать превращать нас в адских псов, – сказал Малкольм.

– Древние волки были бессмертны, так? – спросила Блосс. – Ромул был волком, да? Прежде, чем стал псом. Один из древних.

– Да, – кивнул Лоусон.

– Но все волки – как вы, парни – могут размножаться. У Вас могут быть щенки.

– Целые выводки, – сухо добавила Ахрамин. – Поэтому мы все примерно одного возраста.

Блосс посмотрело на них, её лицо покраснело от волнения:

– Я знаю, кто такие сабинянки. Лоусон посмотрел на неё с надеждой.

– Только смертные наделены даром рождать новую жизнь. Вампиры не могут рождать детей, они только перевоплощаются в новых телах в каждом цикле. Но вы можете размножаться, и, в то время как у вас есть экстраординарная сила и власть, вы смертны, что означает, древние волки – Преторианская Охрана – римляне совокупились с человеческими женщинами. Сабинянки – ваши человеческие матери.

– А Люцифер... – сказал Лоусон, его лицо потемнело.

– Хочет убить вас всех. Он хочет помешать волкам родиться. Особенно одному из вас, – сказала она, смотря непосредственно на Лоусона.

– Что?

– Разве это не ясно? Он должен помешать вам родиться. Стереть вас из времени, из истории. Люцифер пожертвует целой армией ради этого, всеми своими адскими псами, а не рискнёт восстанием и шансом, что вы будете жить, чтобы бороться за другую сторону.

– О чем ты говоришь?

Она поразилась своей догадливости:

– Ты – Фенрир. Великий волк, которого предсказывала легенда. Волк, освободивший своих братьев от рабства и возвративший их к славе истинной Преторианской Охраны.

Наступила тишина, пока группа переварила новую информацию. Блосс видела, что братья Лоусона увидели его в новом свете, и даже Ахрамин почтительно посмотрела на него.

Лоусон нахмурился и скрестил руки, ему стало неудобно от внимания:

– Ты не знаешь этого наверняка.

– Но сам подумай, – сказала она. – Ты можете войти в святое место, и ты можешь создавать порталы через миры, чего другие волки не могут. И ты сказал сам, после вашего побега, были многие другие, кто последовали

вашим путём на свободу. «Мы освободились сами». Это сделал ты. Маррок знал, кто ты. Поэтому он поощрял твой побег, поэтому он рискнул украсть хронолог. Ведь пришло время. Ведь ты Фенрир.

– Ладно, тогда, – сказал Малкольм. – Чего мы ждём? Вперёд в Рим.

Глава тридцать первая

Лоусон не спускал глаз с Блисс, когда она держала хронолог в одной руке, а другой настраивала все стрелки так, чтобы они заняли нужную позицию, выстраивая в линию даты и широту, и долготы, а затем нажимая кнопку на устройстве. Механизмы начали вертеться, и стрелки опустились на пункты. Устройство начало гудеть, его механизмы скрежетали, как ветряные игрушки.

Вход во время отличался от прошлого. Предыдущие путешествия через проходы вызывали головокружение, сопровождаемое ярким светом, ослепившим Лоусона, но теперь все чувствовалось так, будто хронолог сам перемещал их, останавливаясь при случае в местоположениях, которые не были Римом. По крайней мере, пока.

Одна из таких пауз заставила его почувствовать тёплый огонь в спину и холод зимнего бриза в лицо. Впереди он видел следы на снегу. Пара фигур стояла на расстоянии. На них были тяжёлые пальто из меха, они ходили на снегоступах вокруг круга высоких камней. Изображение ушло. Голова болела, а в ушах шумело. Он повернулся к Блисс, но прежде, чем он смог говорить, темнота прохода окутала их ещё раз, когда они снова двинулись через поток времени.

Ещё одна пауза: теперь на земле было немного снега. Они стояли в центре другого круга камней. Вне серых монолитов Лоусон увидел глиняную насыпь и яму. Это похоже на другую дверь, другой вход в проход, точно так же, как Змеиный курган.

Третья остановка: небо потемнело, и, когда они остановились снова, Лоусон стоял перед ещё одной группой камней. Они были устроены в длинный ряд. Он обернулся, увидев Блисс, Рейфа и Малкольма, который выглядел ошеломлённым. Эдон и Ахрамин были позади, недалеко. Лоусон похлопал Малкольма по плечу:

– Где мы?

– Я не знаю, – сказал Малкольм. – Я думаю, что мы во Франции.

Возможно Карнак.

Он положил руку на серый камень. Свежие царапины покрывали его.

Свет потускнел снова, и темнота вернулась. Лоусон закрыл глаза, затем открыл их, и увидел, что звезды проносятся через чёрный пустой проход. Не было больше пауз; они двигались быстро в потоке времени через длинный участок небытия, который продолжался, пока все его тело не заболело. Он

хотел, чтобы полёт закончился, хотя он знал, что станет только хуже, как только они остановятся. Он сжал зубы, его разум уже не понимал, сколько времени они путешествовали.

– Всё хорошо, мы здесь, – услышал он голос, прозвучавший, будто после вечности. – Открой глаза.

Лоусон почувствовал тёплую руку на спине. Блосс. Он открыл глаза, увидев яркое средиземноморское солнце. На расстоянии он увидел, как снежные горы простирались вниз в город, который был укрыт среди семи холмов. Они наконец-то были в Риме, в самом начале. Красные знамёна простирались из всех зданий; улицы были заполнены телегами; фасады известняка зданий сияли на солнце. Город в самом его начале. Это рассвет империи.

Они стояли на балконе трёхэтажного здания, выходящего в город. Улица связывалась с обширной базарной площадью; на открытом пространстве многочисленная толпа собралась у огромного здания. Наверху здания фигура в красной одежде, стоящая между группой центурионов, махнула золотым жезлом. Всюду махали красные знамёна на теплом солнце, пока солдаты несли статую злого мужчины с длинной бородой и трезубцем в одной руке.

– Нептун, – прошептал Малкольм. – Ты сделал это. Мы здесь.

– Что мы теперь будем делаем? – спросила Блосс.

– Мы должны работать вместе, – ответила Ахрамин, принимая управление. – Мы не можем пойти туда так. – Она указала на их грязную одежду. – Разделимся – Эдон и я проверим цокольный этаж. Мак, ты и Рейф проверьте тут. Лоусон – ты и Блосс свистните, если услышите кого-то. Я думаю все на фестивале, здесь вроде бы пусто. Я держу пари, что даже слуг нет.

Лоусон кивнул, немного раздражённый, что Ахрамин отдавала приказы, но она знала, что лучше; как пёс, она была посвящена в старые традиции.

Он искоса посмотрел из окна на гигантскую фигуру, махающую золотым жезлом. Ромул. Как странно: что то, что произошло в прошлом, было вызвано случаем, который был в будущем. Его рождение. Блосс была права? Он – единственный? Он помнил, как Мастер Корвинус сказал, что Лоусон был особенным, что он должен был стать наследником Ромула. Сам Люцифер предвидел это. Тёмный принц приказал превратить его в пса прежде, чем он выполнит свою истинную судьбу.

Все лежало на чаше весов – прошлое, будущее, его жизнь и жизни всех, кого он любил. Он не хотел потерпеть неудачу. Он думал об изображении на открытке от похищения до убийства. История разворачивалась перед его глазами, и его обязанность удостовериться, что поток времени остался

неповреждённым. Он был волком, охранником проходов. Хранителем времени. Он увидел, как Ромул оставил подиум, сопровождаемый двумя охранниками. Псы, скорее всего. Где Тала? Она должна была быть рядом.

– Кто-то идёт, – предупредила Блисс.

Лоусон кивнул, готовясь защищаться, кто бы ни вошёл в комнату.

– Посмотрите на меня, – сказал Малкольм. На нем была тога с красным обрамлением: она была короткой, скорее всего детской, а кромка даже не скрывала кроссовки. – Классно, правда? – Остальная часть группы вся была в подобных костюмах. – Мы посмотрели из окна, все в красном для парада.

– Вот, – сказал Эдон, вручая свёрнутые полотна Лоусону и Блисс. – Идите, переоденьтесь.

Когда все были соответственно одеты, Лоусон собрал их и сказал им, как намеревался сохранить поток времени.

– Помните, все должно произойти так же. Ромул должен дать сигнал.

– Но приказ такой, чтобы псы, схватили женщин – не убили их, – сказала Ахрамин, кивая. – Мы позаботимся о нём.

Ахрамин, Эдон, Малкольм и Рейф ушли, чтобы найти ближайший Окулос и изменить приказ. Блисс решила остаться с Лоусоном. Она была единственной, кто знал больше о его плане, чем просто обеспечить поток времени и спасти Талу.

– Ты не должна идти со мной. Я могу позаботиться о Ромуле, – сказал он.

– Я знаю, что ты можете. Но даже Фенриру нужны друзья, не так ли?

На этот раз Лоусон не спорил.

Глава тридцать вторая

Блисс следовала за Лоусоном через город. Здания были поверхностными; Рим, с которым она была знакома, был заполнен огромными памятниками, базиликами, и храмами и дворцами, но она напонила себе, что они вернулись в начало, прежде чем большинство тех вещей было построено.

Она осмотрела площадь внизу, под её ногами. Открытая площадь была огромной, толпа заполонила её, когда они ждали звук горна, который прозвучит дважды, сигнализируя открытие Консуалии, игры, которые праздновали в день Нептуна. Красные знамёна колебались и извивались на ветру, а здания были покрыты яркой краской и надписями на стенах. Кровь животных капала со стен в открытые сточные трубы, и всюду были мухи.

Рим вонял как труп. Это было намного более вульгарное место, чем она воображала. Воздух был заполнен ароматом ладана и дыма от горящих

изображений римских богов, смешанных с вонью людей, потеющих в шерстяных тогах, как она сама. Она заметила некоторые социальные различия – более богатые граждане носили тоги, которые, казалось, были сделаны из хлопка, и соответственно, они выглядели более прохладными и более удобными, чем все остальные, включая её.

Лоусон объяснил, что храм, перед которым стоял Ромул, это Регия, дом королей. Они быстро прошли к нему, обходя телеги, заполненные свежими продуктами, и она взяла кое-что из открытой корзины и погрузила зубы в сочный фрукт. Человек толкнул её, и холодное вино пролилось из его деревянной кружки на её платье.

Блисс всюду осматривалась, она видела солдат, таких же жестоких воинов, как в её памяти. Древние волки были великолепными и золотыми, в то время как адские псы, замаскированные в той же самой броне, которую они обычно носили, были более темными и меньше по размеру. Она почти врезалась в одного, когда она пробивалась в толпу.

– Простите, – прошептала она.

Пёс искоса посмотрела на неё. Он был точно из младшей лиги; его броня была сделана из крепкой коричневой кожи, сделанной по форме мускулистого туловища.

– Подожди-ка, – сказал он.

– Она со мной, – сказал Лоусон. Солдат плюнул на землю, но не стал драться. Блисс нервно отошла подальше, а Лоусон держал её за руку, когда они пробивались ближе к Регии.

Толпа была раздражённой и неистовой; в воздухе витало беспокойное стремление к проблеме. Приходило все больше солдат, выходя из арок и собираясь в группах на крышах сырых зданий недалеко от площади. Через минуту толпа стала ещё более беспокойной. Блисс чувствовала, что её ударили локтем в спину, когда две женщины прошли мимо неё. Другая мчалась позади них, также толкнув Блисс локтем. Солдаты просмотрели толпу с безразличными лицами.

Игры должны были начаться с минуты на минуту, поэтому псы замаскировались под солдат, они по приказу начнут резню, которая закончила бы род волков.

Блисс почувствовала грубую руку на плече. Это был пёс, которого она толкнула.

– Вот ты где, милашка, – улыбнулся он. – Оставь этого лузера и пошли со мной.

– Оставьте её в покое, – проворчал Лоусон.

– Ах, да пошёл ты, – сказал пёс. – Ромул сказал, что мы можем взять то, что сможем после сигнала...

Он потянул тогу Блисс и оторвал зажим.

Блисс вздохнула, пытаясь скрепить платье, и повернулась к псу.

– Нет, всё в порядке, – сказала она Лоусону, который был готов нанести удар. Если бы он начал драться с псом, то они начали бы борьбу, а псы были готовы к кровопролитию. Ахрамин и парни должны были изменить приказ – ничто не произойдёт к тому времени. Они не могли рисковать солдатами и забегать вперёд псов.

Она повернулась к псу, её глаза прожигали его темно-красные глаза с серебряными зрачками.

– Ты смеешь угрожать мне? Ты знаешь, кто я?

Пёс посмотрел на неё и задрожал от испуга.

– Нет... Этого не может быть... Как...

Он отступил, в его глазах отражался страх.

– Как ты это сделала? – спросил Лоусон, когда псы ушли. – Кто ты? Ты никогда не отвечала.

Она колебалась, когда завязывала свой пояс. Она могла выложить все карты на стол? Верила ли она ему так же, как он ей?

– Лоусон, в мясном магазине – когда я говорил на твоём языке...

– Ага?

– Ты спросил, откуда я знаю Хролл. Это потому что я увидела кое-что в своей памяти. Я думаю, что это был волк в его истинной форме. Это было удивительно. Красиво.

В её мысленном взоре она видела, как Люцифер стоял наверху мраморной лестницы, смотря вниз на великолепную армию воинов. Её отец говорил на этом языке. Но теперь, когда Блисс закрыла глаза и вновь открыла память, она увидела, что произошло потом, и рассказала Лоусону.

– Я видела, как Люцифер протянул руку, и красивый воин пал на колени. Был взрыв дыма, и, когда он расчистился, воин стал волком, с ошейником, его золотые глаза стали серебряными.

Лоусон уставился на неё:

– То, что ты описала, это наказание волков, – сказал он. – Как ты увидела это?

Блисс медленно покачала головой. Она была не уверена, было ли сейчас то самое время, чтобы сказать Лоусону правду; она понятия не имела, как он отреагирует. И у них было впереди так много, так много нужно было сделать. Но она не хотела больше хранить тайну.

– Потому что во мне не только воспоминания матери. Во мне и воспоминания отца. У меня был доступ к нему, а он был частью меня.

– А твой отец?

Она вздрогнула:

– Моим отцом... был Люцифер, – прошептала она. – Я – дочь Тёмного принца Ада. Я хранилась, скрывалась его лояльными последователями, перевоплощённая в течение столетий, чтобы поддержать его дух на земле. Я не знала. Он использовал меня в качестве сосуда. У меня есть его воспоминания, а я – его плоть и кровь.

Долгое время ничего не происходило. Лоусон не говорил. Блисс волновалась, что он пытался придумать, как убить её публично, но чтобы никто не заметил. Но когда она, наконец, заслужила его взгляд, он не казался сердитым. Только задумчивым.

– Так, значит ты не просто экс-вампир, – сказал он, наконец.

– Нет.

Она видела, как колёсики вертелись в его уме. Он соединял все части.

– Псы знают, – сказал он. – Они ощущают его, они ощущают, что в тебе кровь самого Тёмного принца. Это пугает их.

– Я сожалею, что не сказала тебе раньше. И я сожалею о том, что мой отец сделал с твоим народом. Но я не он. Я не хочу и части его.

– Тем не менее, ты часть его, – сказал он, и, наконец, он был в гневе, которого она ожидала.

– Тот меч, что у тебя... я убила им его дух во мне. Я хотела умереть, нежели жить с тем, что я и сделала. Пожалуйста, – сказала она. – Пожалуйста, поверь мне. Посмотри. – Она сняла ожерелье, чтобы показать часть шрама на её туловище, проходящий прямо на её сердце. – Это – все, что осталось. Я не лгу. Я думала, что умру, но вместо этого я стала смертной.

– Мы должны тебе, без твоих воспоминаний, мы никогда не смогли бы использовать хронолог. Но после этого... мы пойдём разными путями. Волки ничего не должны вампирам. Мы не будем бороться с демонами во имя тебя. Теперь оставь меня, так как я не желаю твоей компании. Мне нужно убить псов.

Глава тридцать третья

На её глаза навернулись слёзы, когда она отвернулась от него, но Лоусон сдержался, даже при виде порочного шрама на её груди. Она отвлеклась; он здесь, чтобы убить Ромула и спасти Талу; он не мог думать о Блисс. Если она работала с врагом, то лучше было отослать её. Если бы она была той, кем она сказала, экс-вампиром и дочерью архангела, то она была в безопасности. Псы не навредят ей; он это точно знал.

Толпа была беспокойна из-за игр, но он знал, что у них было время; только Ромул мог дать сигнал к открытию игр, а Ромул ещё не вернулся на балкон. Лоусон запланировал сначала найти Талу, затем убить генерала только после того, как Ромул даст сигнал. Истории нужно позволить течь в своём русле. В шаге от Регии он попытался ощутить запах Талы, но вонь псов скрывала всё, зловоние их зла заполнило воздух.

Регия была огромной, скорее всего самой большой из окружающих зданий. Лоусон проскользнул от стражей, охраняющих лестницу, и вбежал в главную палату, не зная, в какой коридор зайти. Где Ромул держит Талу? Лоусон ожидал, что он будет держать её рядом, но он не видел её на подиуме с Ромулом, когда тот стоял перед толпой. Она должна быть здесь. Но где?

Лоусон начал исследовать дворец. Он блуждал из комнаты в комнату на первом этаже. Столовая, заполненная подушками для королевских особ, чтобы лечь на них во время еды. Никаких стульев для элиты, только не в древнем Риме. Некоторые подушки были ясно предназначены для одного человека; другие были полукруглыми и могли вмещать много людей. Внутренняя кухня, с ямой огня для того, чтобы жарить мясо, длинные столы, многочисленные полки с едой. Спальня за спальней, с кушетками для сна, вмещающими высокие, пушистые перины, покрытые одеялами и подушками.

Если Ромул держал её рядом, то она была в комнате ближе к палатам Ромула, или даже в его палатах. Мысль скрутила его живот, но он должен был продолжать идти.

Коридор за коридором, комнаты за комнатой. Наконец, он увидел дверь, на которой был символ республики. Комната Ромула. Она должна была быть там.

– Тала, где ты?

Спальня была большего размера и более тщательно продуманной, чем какая-либо, которую он увидел. Кровать была огромна, матрац выше над землёй, чем любые другие. Лоусон сел и глубоко упал в перину. Очевидно, устойчивые матрацы были из будущего, подумал он. Он попытался представить Талу здесь, почуять её запах. Ничего.

Он поднялся с высокой кровати и исследовал остальную часть комнаты. На деревянных полках висели тоги, запасная броня, кожаные сандалии. Тоги были легче и мягче, чем та, которую он носил, некоторые сделанные из хлопка, другие из шелка. Слишком плохо, что здесь не было никакого оружия. Никакого признака, что женщина была здесь; ни одна из туник не была похожа на платья, как те, что на Блисс и Ахрамин.

Кроме ...

Он повернул свою голову, посмотрев в угол спальни. Там была груда того, что, казалось, было для стирки. Забавно, как некоторые вещи не меняются, независимо от того в каком столетии вы были, подумал он; люди

все ещё оставляли свою одежду на полу. Но затем он поглядел поближе. Одежда, казалось, была из шелка; они заблестели, когда он двинулся к ним. Он поднял ткань и увидел, что это была женская туника, мягкая на ощупь, и красивая.

И покрытая пятнами крови.

У Лоусона перехватило дыхание.

– Тала... где ты? Что произошло здесь?

Это не её, да? Но ведь должно быть. У Ромула не было подруг, и он показал себя так, что все знали – он сделает всё, чтобы уничтожить Лоусона, чтобы разрушить любую власть, которой, как он думал, обладал Лоусон. Он не хотел думать о том, что Ромул сделал с ней, только чтобы он больше не увидел её. Это не правда.

– Она не здесь, мой мальчик.

Лоусон обернулся, увидев, что Ромул стоит в дверном проёме.

Глава тридцать четвёртая

Блисс вслепую проталкивалась сквозь толпу, вытирая слёзы, не заботясь, куда она шла, не зная, что делать, или что думать. Она открылась ему, и он отверг её. Перед глазами девушки все ещё стоял тот момент: глаза Лоусона, в которых сверкала открытая ненависть – но чего она, собственно говоря, ожидала? Конечно, он бы так отреагировал – её отец проклял его людей, превратил их в зверей, сделал их рабами. Как он мог не обратить на это внимание? Она неслась через толпу, ничего не видя, пока случайно она не врезалась в Рейфа.

– Блисс! – закричал он.

– Что случилось? Что произошло? – спросила она. – Почему ты не рядом с Окулосом?

– Ахрамин послала меня найти вас. Окулос не отвечает. Мы не можем изменить приказ. Она думает, что Повелитель заблокировал его каким-то образом, чтобы никто не мог вмешаться. Где Лоусон?

Блисс покачала головой:

– Прямо сейчас мы не нужны Лоусону.

Лоусон, возможно, прогнал её, но Блисс знала, что она должна была сделать. Лоусон послал не того человека в Окулос. Она имела ту же самую кровь, что и Повелитель, и из-за того, что она была дочерью Люцифера, псы исполнят любой её приказ. Только она могла остановить резню.

– Отведи меня к Окулосу, быстро!

Окулос находился в большом храме Марса, и когда Блисс прибыла, Ахрамин и мальчикам удалось расчистить область; адские псы-охранники

были мертвы или побиты, связаны серебряной цепью. Не было времени объяснять, и Блосс ступила прямо в свет Окулюса в центре комнаты.

Это походило на проходы; все было связано: Окулюс, тёмные пути – все это одна большая часть большой сети пространства и времени. Блосс ступила в пропасть и отослала сообщение, видя каждого пса на свете, их души сверкали как тёмные звезды в небесном своде.

«Вы не должны вредить сабинским женщинам, но обязаны взять их в качестве жён. Сам Тёмный Принц желает этого».

Один за другим свет каждого пса откликнулся. Сообщение дошло, и передавалось как в улье.

Блосс колебалась – она поняла, что око могло помочь ей и в другом.

«Покажите мне Хранителя», – приказала она.

Изображения затрещали и полетели, и наконец, она увидела свою тётю. Джейн Мюррей была в плаще и шла по серому, туманному городу. Она была жива и цела. Блосс позвала её через вихрь пространства и времени.

Когда Блосс выступила из ока, Ахрамин ждала:

– Мы видели вспышку света, это означает, что сообщение дошло. Ты – одна из них, – сказала тёмная девушка. – Семья Люцифера.

Блосс не спорила. Она посмотрела на мальчиков, волнуемая по поводу их реакции.

– Я сожалею, что не сказала вам раньше. Я – дочь своего отца, но, в то же время, я абсолютно отдельная личность. Он – столько же мой враг, сколько и ваш.

– Ты не должна объяснять, – сказал Малкольм и обнял её. – Ты спасла поток времени.

– Где Лоусон? Он знает о тебе? – спросила Ахрамин.

Она кивнула.

– Да, – сказала она, не желая больше делиться информацией. Пока.

Они услышали шаги из входа в храм. Ахрамин повернулась к мальчикам.

– Охраняйте это место. Удостоверьтесь, что никто больше не использует око. Блосс и я пойдём к Лоусону. Ну же, – сказала она Блосс, отталкивая её от братьев.

– Слушай, Лоусон не хочет меня видеть, я останусь здесь, – сказала Блосс.

Ахрамин покачала головой:

– Нет времени на робость. Слушай, Лоусон думает, что может убить Ромула мечом архангела.

Блисс кивнула.

– Он не может.

– Почему нет?

– Ведь я украла его, – сказала Ахрамин, дрожа. – Когда я пожала его руку, когда он освободил меня. – Она показала Блисс бархатный мешочек, в котором был меч Михаила. – Он у меня с тех пор.

Блисс уставилась на неё:

– Ты послала его на верную гибель! Ромул уничтожит его! О чём ты думала?! – Затем она поняла. – Ты лгала нам. Ты все ещё адский пёс.

Тело Ахрамин задрожало в судорогах.

– Я пыталась бороться с этим! Ромул оставил меня в доме как приманку, – он надеялся, что так или иначе, Лоусон узнает и вернётся за мной. Я, как предполагалось, подставлю их всех. Но я боролась с этим, пока могла.

Блисс уставилась на дрожащую девушку, снова видя больную пациентку из больницы.

– Твой кашель. Твоё тело боролось с твоими желаниями.

– Да.

– Но святое место – как ты попала туда? Я думала, что псам не позволено быть в таких местах.

– Св. Бернадетта не была святой. Раньше, может быть, но теперь это – государственная больница. Я удостоверилась в этом прежде, чем они меня туда забрали.

– Почему ты говоришь мне это теперь?

– Я боролась с ошейником, как могла, но он убивает меня. С каждым шагом, когда я помогаю волкам, он забирает часть моей души. Я скоро умру, – сказала Ахрамин. – Но я не хочу... я не хочу, чтобы погибли они.

Девушка указала на храм, где мальчики боролись с псами. – Эдон не знает. Я не хочу, чтобы он знал, что я фальшива. Пожалуйста, позволь ему любить меня, даже, когда я уйду.

– Почему я должна верить тому, что ты говоришь?

– Потому что ты любишь Лоусона, и ты хочешь помочь ему. Я тоже люблю его. Ты сможешь мне?

Глава тридцать пятая

В человеческой форме Ромул был огромен, выше двух метров ростом.

Его тень накрыла Лоусона, его ослепляющая красная одежда развивалась переливающимся ореолом вокруг него. Для него не существовало простых тог: шёлк и не иначе. Сейчас он был одет в золотую броню, подчёркивающую его огромные плечи. В одной руке у него был золотой жезл, который Лоусон видел из окна. Оружие, столь же сильное как пара римских солдат. Красный огонь ревел в его черных глазах, когда он улыбнулся Лоусону, странной, жуткой улыбкой.

– Где она? – спросил Лоусон. – Где Тала?

Ромул рассмеялся:

– А ты как думаешь? Она мертва, конечно же.

– Ты лжёшь.

Лоусон начал рыться в своём кармане, ища меч, который он украл из Преисподней, меч ангелов, но его нигде не было.

Ромул улыбнулся, когда ударил Лоусона своим золотым жезлом, сбивая парня с ног так легко, будто он был ребёнком или мелким животным. Надоедой, ничем больше. Лоусон упал на твёрдый камень. Он услышал жуткий треск в голове, кровь потекла из раны.

Что произошло?

Где меч?

Блисс?

Она...?

Тяжёлый жезл бил снова и снова, на мгновение Лоусон потерял сознание из-за силы большего количества ударов, нанесённых Ромулом. Он поднял руки, чтобы защитить лицо, но серебряный коготь, украшающий верхушку золотого жезла, вошёл глубоко в его грудь.

Лоусон пытался подняться с пола, а Ромул ударил его в спину, так сильно, что, возможно, разбило бы нормального человека наполовину. Великий Зверь Ада навис над ним:

– Глупый мальчик, – сказал генерал. – Ты должен был присоединиться к нам, когда мы ещё хотели. Вместо этого ты обрёк её.

– Тебе не нужно было её убивать. Какую опасность она для тебя представляла?

– Она была полезна какое-то время, – сказал Ромул, и Лоусон не хотел думать о той вспышке огня в его глазах. – Жаль, она была не такой симпатичной. Иначе я, возможно, задержал бы её немного подольше.

Лоусон застонал. Он просмотрел на окровавленную тогу, в шаге от него. Тала была здесь, но он пришёл слишком поздно.

Ромул засмеялся.

– О, эта вещь? Нет, ты ошибаешься. Это не её.

Лоусон почувствовал скачок надежды.

– Когда ты оставил её гореть в том доме, я убил её сам. Кроме того, зачем она нужна живая, когда я мог извлечь то же самое преимущество с Ахрамин? Твоя подруга мертва уже очень долгое время. Действительно, ты должен был послушать своих братьев и уходить подальше. Но когда ты показался в Окулюсе, было ясно, что у тебя все ещё есть надежда, точно так же, как момент назад, когда я сказал тебе, что одежда не её. Это доставляет мне большое удовольствие: наблюдать, что та надежда умирает. Надежда, которая сокрушит тебя.

Лоусон скорчился на полу, держась за голову. Раны кровоточили, а серебряный яд прокладывал путь в его крови. Он умрёт. Но это не имело значения.

Тала мертва.

С самого начала она была мертва.

Она была мертва, так как он оставил её. Она мертва...

Тала...

Это всё было мечтой: эта идея, что он мог спасти её, глупая мечта. Фантазия. Вина подталкивала его, потому что он не хотел принимать то, что произошло. Он знал, что лучше быть мёртвой, когда он оставил её псам, но он не хотел принимать этого. Он знал, но если бы он принял это, то он должен был бы также признать, что она была убита из-за него, из-за того, кем он был, кто он.

Тала оттолкнула его. Она знала, что произойдёт. Она знала, что, если бы они оставили её, псы пришли бы и разорвали её. Но она любила его, так что, она спасла его.

Тала, я подвёл тебя... и теперь я подвёл всех...

– Фенрир, – глумился Ромул. – Большая надежда волков. Человек вне времени, которого не может сдержать время. Тот, который спасёт их всех, кто освободит их от цепей. Я дал тебе выбор, чтобы присоединиться ко мне, но ты выбрал неверный вариант. Нет свободы для волков. После сегодняшнего не будет никаких волков вообще.

Ромул перешёл на балкон и дал сигнал начать нападение.

Глава тридцать шестая

– Что-то не так, – проворчал Ромул и отошёл от балкона. Истекая кровью, Лоусон слышал звуки криков и хаоса, но если Ромул не был удовлетворён, то возможно, просто возможно, его стая преуспела в том, чтобы изменить приказ. Возможно, что сабинянки выживут. А с ними и род волков.

Великий генерал повернулся к нему с угрожающим взглядом:

– Это твоих рук дело, – прошипел он. – По-другому не может быть. Приказ был ясен.

Лоусон слабо усмехнулся; если это победа, то он прочувствует её, будет смаковать её до конца.

– Слишком поздно... Ты не можешь изменить его.

– Без разницы, – сказал Ромул. – Ты был самой серьёзной угрозой Тёмному Принцу, и ты умрёшь. Сегодня.

Он ещё раз ударил Лоусона жезлом, тот отлетел к дальней стене.

Лоусон был слишком истощён, чтобы защищать себя, но ему было без разницы. Он умрёт, но он спасёт волков. Блисс была неправа; он не был Фенриром, но, возможно, Маррок найдёт способ вытащить их из Преисподней.

Ромул поднял свой жезл снова, но голос позвал его с балкона:

– Не трогай его. Ты всего лишь пёс моего отца, – сказала Блисс, входя в комнату. Она, должно быть, взобралась по стене, чтобы не быть замеченной, подумал Лоусон. Но что она делала здесь? Почему она вернулась? Почему ей было дело? Разве она не была той, которая украла меч ангела у него?

– Ах, отродье Люцифера. Он искал тебя, – сказал Ромул, улыбаясь. – Почему ты не вернулась к нему? Не трать впустую своё время с этой грязью.

Блисс улыбнулась:

– У меня сообщение для моего отца ... Ари, сейчас! – сказала она, когда бросила меч Михаила Лоусону. Клинок архангела вспыхнул золотом в солнечном свете, в то время как Ахрамин выступила из тени. На ней были толстые черные перчатки, она держала тяжёлую серебряную цепь.

– Остановись, пёс. Ты все ещё моя. Я слышу твои мысли так же ясно, как я свои собственные. Ты права, веря, что умрёшь, если не будешь слушаться меня, – сказал Ромул.

С диким криком Ахрамин прыгнула и обернула цепь дважды вокруг шеи Ромула, заходя за его спину, потянула и напряглась. В тот же миг Великий зверь Ада пал на колени.

– Убери цепь! Если ты дорожишь своей жизнью, то ты сделаешь, как я говорю! – приказал Ромул, когда боролся с цепью, которая дымилась на его коже. Он был силён, но он все ещё был созданием Ада, и серебро было ядом для него.

Шрамы на шее Ахрамин начали пульсировать, и серебряный ошейник появился, когда Ромул поборол её. Она боролась и стучала по нему, воя в боли, но медленно, мучительно, она начала убирать серебряную цепь с шеи Ромула.

– Мне так жаль... – Она рыдала. – Мне так жаль, я не могу бороться с ним больше...

Они теряли время.

– Лоусон! – завопила Блисс. – Сделайте это!

С рёвом Ромул отбросил Ахрамин со спины, он повернулся, чтобы подобрать свой жезл. Ромул зарычал и подготовился нанести окончательный удар.

Но Лоусон встал. Если он мог стоять, он мог бороться, и, если он мог бороться, он мог держать меч. Он чувствовал его вес в своих ладонях, и он стоял, шатко, но стоял. Он был сломан и избит, но он был решителен.

– За Талу, – прошептал он. – За всех волков в Преисподней.

Затем он сделал выпад с клинком, который вошёл в золотую броню как масло, и он вонзил меч глубоко в чёрное сердце Ромула.

Великий зверь Ада завыл в боли, все его тело начало переходить, от волка к человеку и обратно, дрожа и дымясь, пока, наконец, маленький чёрный волк не лежал мёртвый на полу, навсегда исчезнув в тёмном дыме.

Все зашумели, и остальная часть стаи вошла в комнату. Рейф и Малкольм подбежали к Лоусону, глаза Малкольма расширились от испуга, но Эдон смотрел только на одного человека.

– Ари! – завопил Эдон, подбегая к ней; она лежала неподвижно, рядом с Ромулом. Он встал на колени и взял её на руки. – Не оставляй меня. Не оставляй меня.

Она была безжизненной в его руках, а серебряный ошейник был все ещё вокруг её шеи, но когда сердце Ромула взорвалось, ошейник развалился надвое.

Наконец, она открыла глаза:

– Я же сказала тебе, во мне всё ещё есть волк. – Она улыбнулась, и Эдон поцеловал её.

Лоусон упал на пол, как раз когда его раны начали заживать. Серебряный яд исчез со смертью Ромула. Он убрал меч, когда повернулся к Блисс.

– Прости, что сомневался в тебе, – сказал он, когда она встала на колени, чтобы услышать его.

– Не берите в голову, ты нашёл Талу? – спросила она.

Он покачал головой.

– Что насчёт твоей тёти Джейн? – спросил он.

– Она ушла. Я попросила, чтобы Окулюс показал её мне, когда я изменила приказ. Она сказала мне, что провела псов через проходы, но она смогла убежать в самом конце. Она уехала в Лондон, так она сказала. Она сказала мне встретить её там. Мы нужны там Голубой крови.

Лоусон вытащил открытку, которую он носил в кармане и перевернул её, чтобы прочитать текст: Похищение сабинских женщин. Они преуспели в том, чтобы бережно сохранить поток времени, а так же в убийстве Ромула. Волки вскоре будут свободны, и все ещё была надежда на псов; Ахрамин показала это. Лоусон должен был чувствовать радость, но всё, что он чувствовал, горе.

– Я сожалею о Тале, – сказала Блисс и сжала его ладонь. – Мне жаль, что всё не иначе.

Он победил, и все же он проиграл.

Блисс, из всех людей, казалось, понимала, что победа и триумф не одно и то же.

Глава тридцать седьмая

Хронолог нёс их во времени, и когда они двигали в проходах, Лоусон видел места, которые выглядели знакомыми. Монастырь в Венеции. Франция, с огромными вырезанными камнями. Он остановился перед домом, который выглядел более знакомым, чем большинство.

– Простите, я думала, что мы вернёмся к Змеиному кургану, – сказала Блисс. – Но эта штука, кажется, себе на уме.

Лоусон осмотрел здание перед ними. Оно было полу построено, только фундамент и деревянные рамы. Он не признал его сначала, но теперь он понял.

– Ты можешь отправить нас сюда, ближе к настоящему? За неделю до того, как мы встретились?

– Я могу помочь, – сказал Малкольм и показал Блисс, как установить хронолог снова.

Снова они двинулись в потоке времени, но быстрее. Вероятно, потому что не нужно было далеко идти, понял Лоусон. Проходы, наконец, высадили их там, где он хотел оказаться.

– Где мы? – спросила Блисс. – Здесь мы должны были остановиться?

– Этот дом, – сказал он, указывая на обычный коричневый дом в конце знакомого тупика. На передней лужайке был знак продажи. – Смотрите, мы только что приехали, занавесок ещё нет. Помнишь их, Мак?

– Я помню, – сказал Малкольм спокойно.

– Лоусон, мы должны идти, – сказала Блисс. – Марроку, наверное, нужна наша помощь.

– Подожди мгновение, – сказал он взволнованно. – Смотрите, мы можем изменить то, что произошло. Я могу оставить сообщение – сказать им убежать. Сказать себе бежать. Они не останутся здесь. И псы не придут, и Тала будет жива. Она будет жива.

Лоусон повернулся к ним, его глаза горели. Но его братья просто покачали головами. Ахрамин ничего не сказала, колебалась.

– Блисс... ты понимаешь, помоги мне. Помоги мне сделать это.

– Нет, Лоусон. – Её тон был добрым, но настойчивым. – Ты знаешь правила. Ты – Преторианец. Ты не можешь изменить прошлое. Ты не можешь изменить то, что произошло. Времени нужно позволить течь, а история должна оставаться неизменной. Ты сказал мне это.

– Нет, не в этом случае. Нет.

– Ты должен отпустить её, Лоусон. Это единственный способ, которым ты сможешь двигаться вперёд, – сказала Блисс. Она положила руку на его. – Я знаю, что ты любил её, но ты должны сказать прощай.

Лоусон закрыл глаза. Блисс была права. Конечно, она была права. Он не мог изменить того, что произошло, нет, если он хотел остаться верным тем, кто он был, тем, кого Тала любила в нём.

Со слезами на глазах он смотрел, как дверь открылась, и Тала появилась в дверном проёме. Он чувствовал стук своего сердца с любовью и печалью.

Тала смотрела на дорогу, будто она смотрела прямо на него, но он знал, что она не могла видеть его.

На её лице была улыбка. Она была счастлива. Они были счастливы некоторое время в том небольшом коричневом доме. Яркое и мирное счастье после темноты их жизни в Преисподней. Оно не длилось очень долго, но

Лоусон будет дорожить той любовью; он не позволит своей любви уничтожить его.

Он сделается сильнее.

Тала.

Она была так красива и добра. Она любила его так сильно.

Каждый момент времени был таким же. Так шли потоки времени. Не было прошлого и будущего, только бесконечное настоящее. И в этот момент, Тала была жива, и Тала была счастлива. Он запомнит этот момент навсегда, он знал это. Оно не было потеряно; он мог возвращаться к нему, снова и снова, в памяти. Это поддержит его. Он думал о Блесс, которая тоже понесла потерю.

– Я потеряла кое-кого тоже, и он ушёл, – сказала она. – Я должна отпустить его.

Он станет сильным ради неё, подумал он. Он пойдёт дальше, как она.

Тала, я люблю тебя. Прощай.

Что, Лоусон, куда ты идёшь?

Он отскочил. Она услышала его. Она изучила темноту с хмурым взглядом на лице. Затем она обернулась, и там был он. Лоусон из прошлого стоял позади неё. Он обнял её, и они поцеловались. Лоусон запомнил тот поцелуй. Он был прекрасным.

– Лоусон, мы установили координаты, – сказала Блесс. – Мы готовы уйти.

Он отвернулся от дома и последовал за своей стаей в проход.

Глава тридцать восьмая

На сей раз, они приземлились в темноту, под землю, глубоко под землю.

– Мы, должно быть, находимся под Змеиным курганом, – сказал Малкольм.

– Пойдёмте, – сказал Рейф.

Лоусон возглавил группу через узкие туннели, слегка прихрамывая. Наконец, они достигли конца туннеля; солнце осветило выход, и они вышли из под земли, один за другим, пока все не стояли рядом со Змеиным курганом. Лоусон сигнализировал команде, остаться позади него. Он посмотрел вниз на землю. Она была покрыта кровью, темно-красной, на грязи и траве.

– Маррок? – прошептал он. – Что произошло? В животе все скрутило от мысли, что он оставил волков на такое.

– Псы? – спросила Блисс.

Малкольм покачал головой:

– Я думаю, они ушли, – сказал он. – Я чувствую себя прекрасно.

Дождь начал накрапывать слегка холодными каплями. Солнце все ещё было на небе, но его свет исчез. Хотя и недостаточно, чтобы скрыть тело, в шаге от входа. Это был Ульрик, большой волк. Он был распотрошён от живота до горла. Он последний, кто мог бы пасть; Лоусон помнил из недр, он был жестоким воином. Казалось, что волки сдерживали псов, пока могли, но, в конечном счёте, они проиграли. Область была усыпана трупами мёртвых волков, некоторых в человеческой форме, некоторых в их шкуре волка. Также были мёртвые псы; Лоусон отметил с удовлетворением, что волки убили многих из них, больше, чем он ожидал их.

– Ульф, – позвал голос.

Лоусон увидел Маррока, лежащего неподвижно на влажной земле. Чёрный меч был в его груди. Дождь начал смывать кровь с раны, но у Маррока не было сил вытащить его. Металл блестел в слабом солнечном свете.

Лоусон вытащил лезвие. Маррок начал подниматься с болью. Дождь стал ещё сильнее и лился по его лицу, заливаясь в его глаза и ноздри. Его кожа была бледной и, тем не менее, почти безжизненной. Лоусон прижал руку к ране, и тёмная кровь потекла наружу через его пальцы. Он сказал слова, которым Артур научил его, и молил, чтобы Маррок исцелился.

– Это бесполезно, – сказал павший волк. – Меч псов хранит Чёрный огонь. Ничего не сможет помочь мне теперь.

– Маррок... брат... – сказал Лоусон, чувствуя, что слезы на его глазах.

– Мы удерживали их, пока могли, – сказал Маррок.

– Вы боролись смело, – сказал Лоусон, и все остальные кивнули. – Это не было напрасно. Мы добрались до Рима и предотвратили резню. Поток времени не повреждён. Ромул мёртв. Великий зверь Ада замолчал. Маррок улыбнулся и закашлялся, тёмная кровь сочилась с его подбородка.

– Что я могу сделать для тебя, брат? – спросил Лоусон. – Как я могу облегчить твои страдания?

Маррок закрыл глаза, и Лоусон боялся, что уже потерял его. Затем, с некоторым усилием, он открыл их вновь.

– Обещай мне снова то, что мы обещали друг другу в Преисподней. То, что ты освободишь всех наших людей, всех оставшихся, пока мы не вернёмся к нашей прежней славе как защитники проходов. Используй свою власть, чтобы возглавить всех, и храни время недоступным. Теперь, когда проходы открыты, время уязвимо. Ты должен охранять их, защитить от чужих. Обязательно, чтобы они не попадали в неправильные руки. Ромул

побеждён, но есть другие. Они попытаются использовать проходы для их собственной выгоды. Тёмный принц...

– Даю слово, – сказал Лоусон, сжимая его руку.

Они просидели вместе достаточно долго, и Лоусон подумал, что Маррок был неправ. Возможно, был шанс, что он мог сделать это. Дождь продолжал лить, отмывая грязь с седых волос Маррока, смешиваясь со слезами, текущими из глаз Лоусона.

Эдон, Малкольм, Рейф и Ахрамин встали на колени на грязной земле, окружая павшего волка. Блисс встала на колени с ними, рядом с Лоусоном, убирая его влажные волосы со лба, а затем положив руку на его спину. Почувствовав её ладонь, он немного успокоился, поскольку он наблюдал за Марроком, борющимся с болью. Действительно ли это было возможно? Была ли надежда?

Маррок поднял свою голову, чтобы посмотреть Лоусону прямо в глаза.

– Это была честь, Фенрир, – прошептал он. Затем он закрыл глаза. Его кожа посерела, потом потемнела, поскольку огонь Ада поглотил его.

– Прощай, мой друг, – сказал Лоусон.

Лоусон посмотрел на свою стаю. Его братья: Малкольм, Рейф, Эдон. Ахрамин, которая вернулась к ним. Блисс, вампир в их стае. Он повернулся к ней:

– Мы нужны Падшим, так ты сказала. Помочь им на этой войне против нашего господина.

– Да.

Он кивнул:

– Мы пойдём с тобой. Мы поможем тебе, – сказал он. Он имел в виду то, что он сказал; он никогда не должен был сомневаться относительно неё ни на мгновение, независимо от её происхождения. Блисс Ллевеллин была его подругой. Возможно, кем-то большим, если он позволит ей. Об этом думать слишком рано. Его чувства были слишком новыми, слишком болезненными после обнаружения того, что произошло с Талой. Он подумал о том, что Окулнос показал ему. Он попросил, чтобы он показало ему его подругу, и он увидел Блисс в свете. У них было будущее вместе?

– У тебя имя волка, как у нас, ты – существо Преисподней. Если ты заключишь договор, то ты будешь одной из нас, – сказал он.

– Я поклянусь, если ты поможешь мне, – сказала она мягко.

Вместе они сформировали круг и начали произносить слова, которые связали их друг с другом.

Мы – волки-хранители, солдаты света. Охотившиеся и прячущиеся, животные ночи. Друзья для всех и враги никому. Любовь и лояльность

связывают нас как одного. Время и поток должны излечить все раны, воспоминания, а безумие не подойдёт. До смерти и отчаяние мы никогда не сдадимся, договор, который никогда не будет предан или разорван.

Лоусон положил руку на щеку Блисс. Её кожа в этом месте запылала бледно-синим растущим знаком. Он повернулся к другой девушке. Когда-то своему конкуренту, когда-то своей альфе:

– Ахрамин, ты вернулась к нам, и мы принимаем тебя как нашу сестру снова.

– Это честь, бежать с вами вместе, – сказала Ахрамин. Она с удивлением ощутила жар на щеке. – Мой символ – он вернулся, – прошептала она.

Затем медленно, один за другим, все шесть волков пошли назад в лес.

Переводчики: Ria Adams, TorryChet, Адам Гора
Редакторы: Ria Adams, Екатpole.

Специально для группы <http://vk.com/bluebloods>